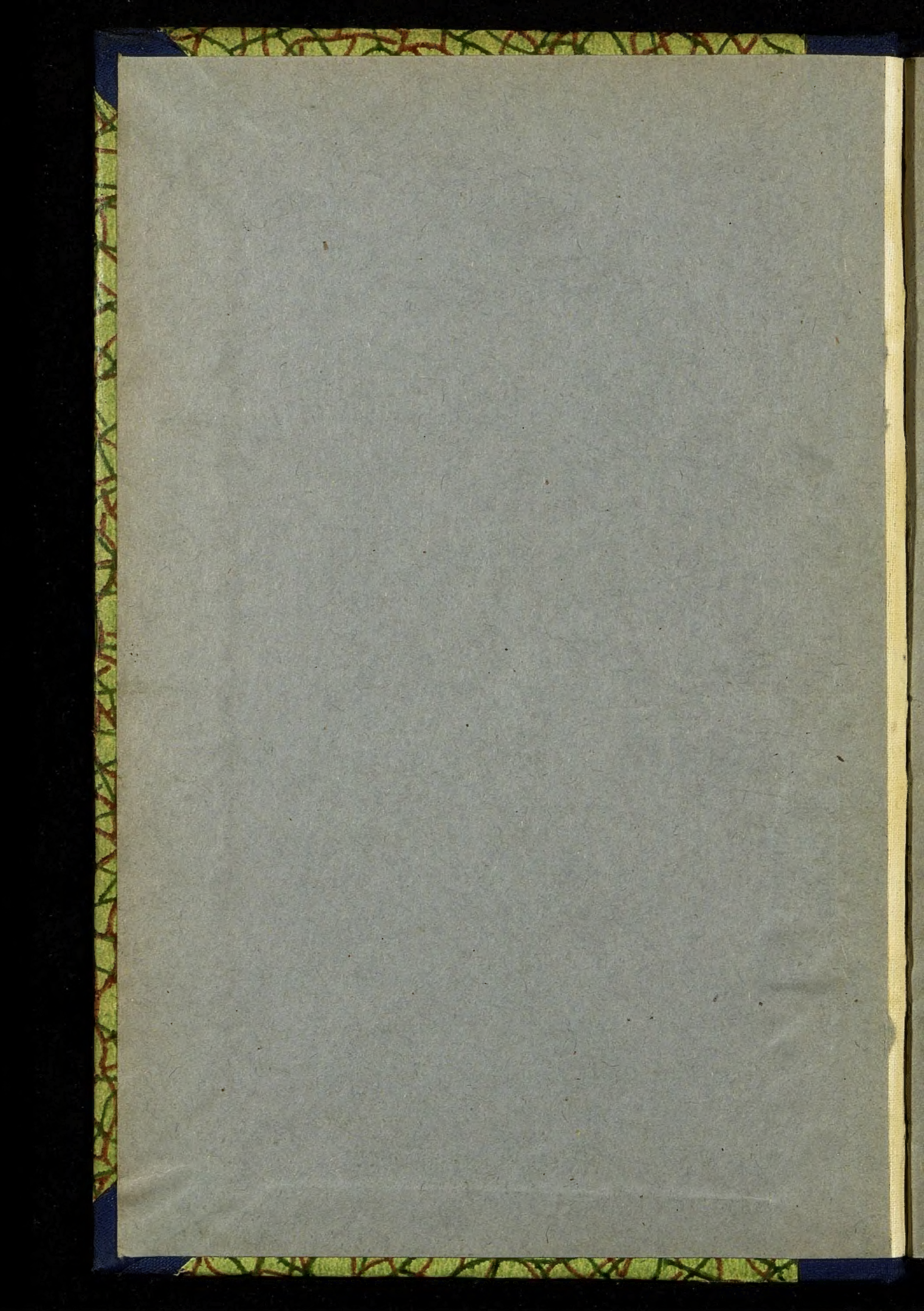
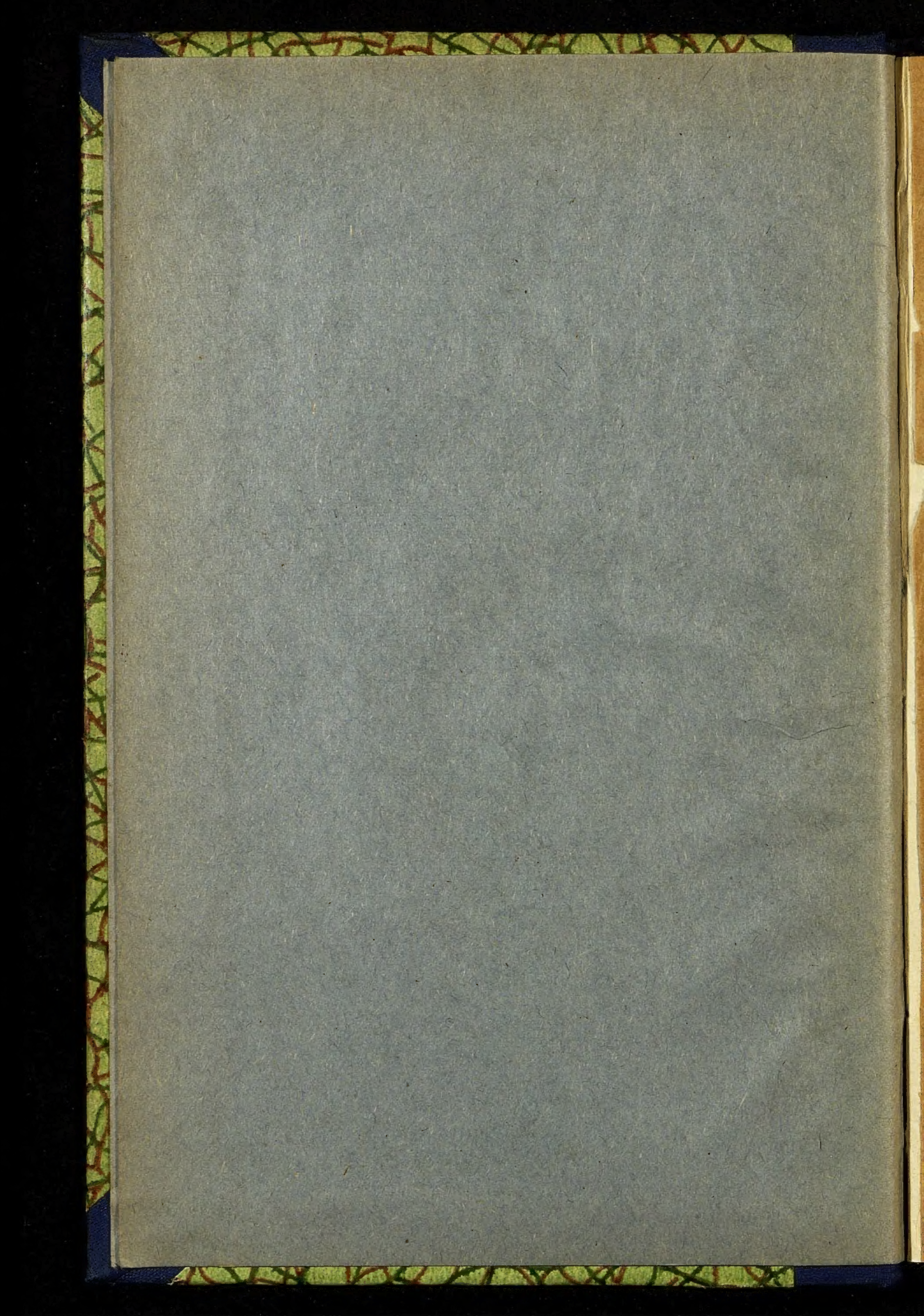

Раненые

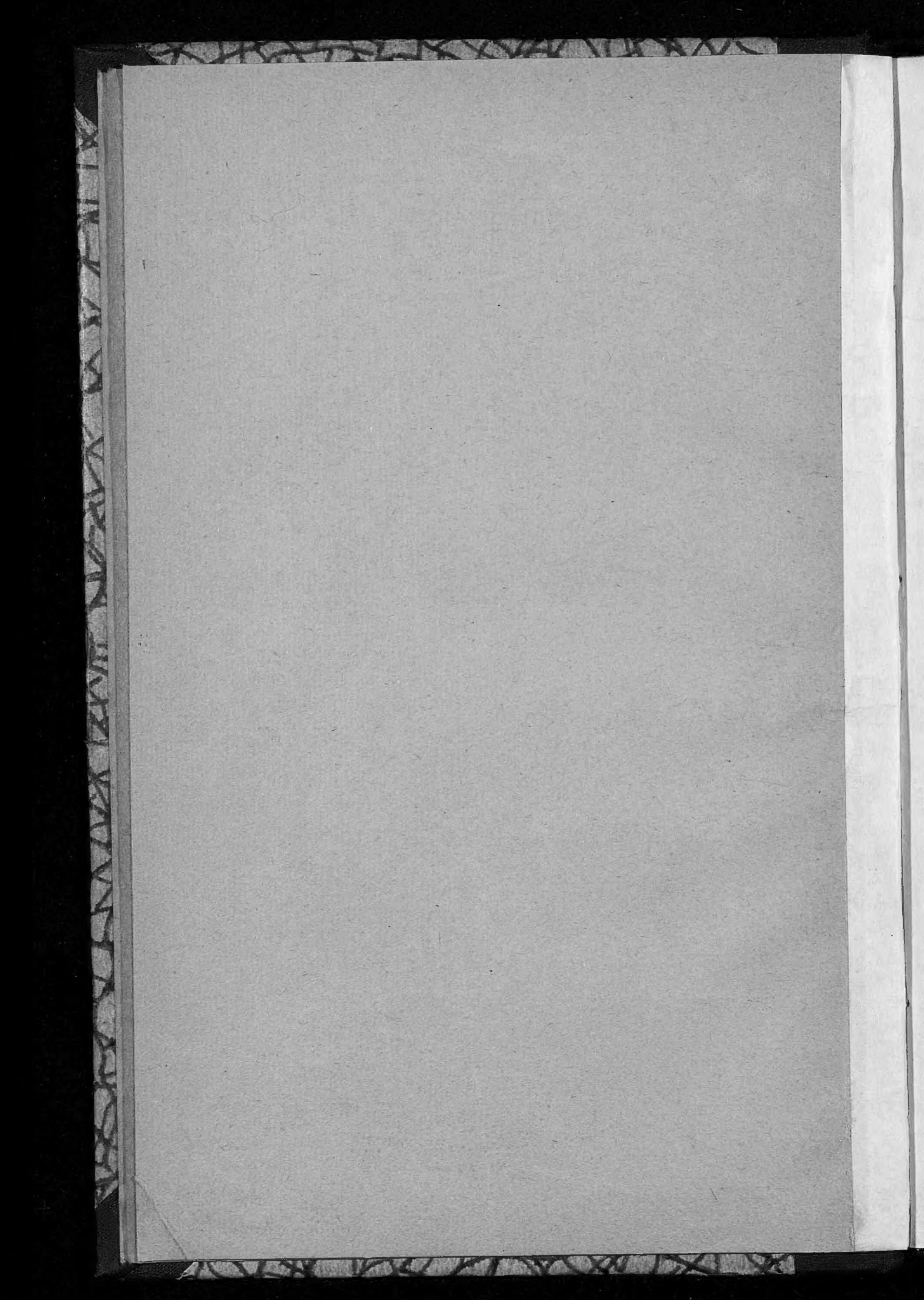
войнѣ

Изданіе
IX Отд. Петр. Гор. Ком. Всерос.
Союза Городовъ.

1917

Петроградъ.

Выпускъ I.

РАНЕНЫЕ О ВОЙНѢ

СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ.

Изъ матеріаловъ, собранныхъ Просвѣтительной Комиссіей городскихъ учащихъ въ лазаретахъ Петр. Ком. Вс. С. Город. и изданныхъ подъ редакціей бюро просвѣт. комиссіи.

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

Петроградъ. Дозволено военной цензурой 27 декабря 1916 г.

Екатерининская типографія. Петроградъ, Звенигородская ул., с. д. № 30.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

II. Стихотворенія.

I отдѣлъ.

ИЗЪ ЛИЧНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

I отдѣлъ.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

А. Сухановъ.

Отецъ и мать.

На границѣ Ярославской губерніи съ Новгородской стоитъ наша деревня Хебово. Деревня, выстроенная въ три посада, имѣетъ 70 домовъ. Посреди деревни, на весьма прекрасномъ мѣстѣ, стояла покосившаяся изба съ ветхой соломенной крышей и съ высокой, остроконечной, деревянной трубой. Стѣна съ сѣверной стороны была завалена омельемъ. Стекла въ рамахъ были разбиты и связаны посредствомъ нитки съ лучинками. При входѣ въ избу бѣдность еще больше бросалась въ глаза. Налѣво отъ двери—двѣ лавки, безъ припушинъ, плотно придѣланныя къ стѣнѣ. Въ переднемъ углу стоялъ простой столъ, а недалеко отъ печки посудникъ; затѣмъ большая, русская печь съ большой дырой во сводѣ, которую закрывали сковородой, отъ печки до другой стѣны тянулись нары, устроенныя вмѣсто досокъ изъ жердочекъ, на нарахъ вмѣсто матрасовъ была навалена солома.

Полъ былъ только посрединѣ избы (подъ лавкой и подъ нарами его не было)... Вотъ все убранство нашей лачуги. Но все бы это ничего, если бы въ этой лачугѣ царилъ миръ, а то здѣсь чуть не ежедневно происходили раздоры....

Отецъ мой былъ средняго роста, волосы черные, глаза черные, носъ длинный, бородка небольшая, клинчикомъ. Онъ ходилъ постоянно въ жилеткѣ и сѣрыхъ подшитыхъ валенкахъ. Утромъ вставалъ очень рано. Умывшись, молился Богу, подкинувъ подъ руки рукавицу или шапку вмѣсто подручника. Молился довольно долго. Молитвы читалъ вслухъ.

Кромѣ обыкновенныхъ молитвъ: „Отче нашъ", „Символа вѣры" и др., онъ читалъ еще особую молитву, должно быть, составленную имъ самимъ. „Дай мнѣ, Господи, хлѣба и соли, и

милости Господней. Дай мнѣ, Господи, не пропить, не проѣсть... Сотвори мнѣ, Господи, умныхъ, разумныхъ дѣтей—смирныхъ и кроткихъ. Дай имъ, Господи, милости Господней".

Мать моя была небольшого роста, толстенькая: черты лица ея были правильныя, глаза сѣрые, выражающіе доброту и простоту ея.

Въ то время, какъ отецъ молится Богу, мать хлопочетъ около печки. (Мать недолго молилась и знала только двѣ молитвы: „Милосердія двери" и „Богородицу"). По окончаніи молитвы, онъ начиналъ почти безъ всякой причины придираться къ матери. „Ну, что ты за человѣкъ!", бывало, скажетъ матери отецъ, когда ты и „Вѣрую" не знаешь и молиться не умѣешь". „Ну, что подѣлаешь, батко, коли я не умѣю. Я во грѣхѣ, я и въ отвѣтѣ", отвѣтитъ мать. „Изъ-за тебя и дѣти-то вышли непутевыя", продолжалъ отецъ. „Да чѣмъ они непутевыя-то. Слава Богу! Съ малыхъ лѣтъ себя обуваютъ, одѣваютъ и кормятъ, да иногда и намъ еще присылаютъ, а не то, что съ насъ спрашиваютъ. Погляди-ко, какъ добрые-то люди заботятся о своихъ дѣтяхъ, а у насъ они натерпятся и холоду, и голоду, и побоевъ, и всего. Я теперь очень рада, что они уѣхали въ Ярославль и пристроили себя, какъ слѣдуетъ: дочки вышли замужъ и живутъ хорошо и съ насъ ничего не спросили. Радоваться-бы надо, да благодарить Бога, что не зашатались".—„Да, по твоему такъ, а по моему не такъ. По моему десять въ дѣвкахъ принеси, а отца не забывай. А то на-ка! Вышли замужъ и отца не спросились". „А, ты полно, батька, врать-то! Въ ногахъ валялась у тебя Наташка-та, ты что? Только пнулъ ее ногой, да въ подосинникъ и убѣжалъ!" „Молчи, змѣя подколодная!"; прошипитъ отецъ, и тутъ-же пуститъ въ мать миской съ грибами. Мать обернется къ отцу и со слезами на глазахъ скажетъ: „Ну за что ты бьешь меня?—что я плохого сдѣлала?" „А, то, что ты потатчица дѣтямъ. Гдѣ бы вмѣстѣ учить дѣтей, а ты имъ потачку даешь". „Слава Богу, научились они жить не хуже насъ съ тобой". „Вотъ то-то и есть, что научились жить для себя, а отца забыли". Отъ этой перебранки я просыпался и съ волненіемъ вслушивался, готовый кинуться на полъ для защиты матери. Но какая моя защита, семи или девятилѣтняго мальчика! Я, бывало, встану впереди матери, простирая руки къ отцу и загораживая туловищемъ мать, и со слезами стану умолять его не бить мать: „Ой, тятя, не бей маму! Ради Бога, не бей! Ой, милый тятя, не

бей!“. Отецъ иногда съ сердцемъ отброситъ меня въ сторону и опять принимается бить. Мать одно говоритъ: „Убей меня до смерти, а дѣти ни въ чемъ не виноваты“. Довольно долго эта сцена продолжается. Не надолго отецъ отстанетъ бить мать и въ это время всячески ругаетъ ее, а потомъ опять примется бить. Оканчивается этотъ раздоръ уходомъ изъ дому одного изъ родителей: отецъ уйдетъ въ лѣсъ за лыкомъ, или мать зачѣмъ-нибудь къ сосѣдямъ и просидитъ тамъ нѣсколько времени, пока успокоятся нервы. Нерѣдко отецъ, прибивъ мать, прогонялъ ее изъ дому съ тѣмъ, чтобы она никогда не возвращалась. Но мать ни за что не хотѣла уходить и говорила: „Никуда не пойду, куда я пойду отъ дѣтей. Они у тебя съ голоду умрутъ безъ меня, а если хочешь избавиться отъ меня, такъ убей меня, а итти никуда не пойду“.

Дѣти—это первая причина ссоръ, а вторая—перестройка дома.

Прежде чѣмъ описывать вторую причину раздора моихъ родителей, я упомяну нѣсколько словъ о жизни моихъ родителей, разсказанныхъ моей матерью.

„Когда мы были молодые, говорила мать, то у насъ были двѣ избы и хорошій дворъ для скота. Во дворѣ скотина была, двѣ лошади, двѣ коровы и нѣсколько штукъ овецъ. Отецъ въ то время былъ еще здоровый, а потому ходилъ на посторонніе заработки (отецъ былъ плотникъ). Отецъ, зарабатывая деньги, присылалъ изъ нихъ часть домой для уплаты оброка и на необходимые расходы, а остальную часть пропивалъ. Дѣтей было еще только трое. Но вотъ, въ одно время сгорѣла, почти вся деревня. Сгорѣло и у насъ все, кромѣ амбара; едва успѣли сами выбѣжать. Изъ оставшагося амбара выстроили избу, пристроили дворикъ и завели кой-какую скотинку. Но, оправившись отъ одной бѣды нагрянула другая. Гдѣ-то на работѣ отецъ въ пьяномъ видѣ, споря со своимъ товарищемъ, поднялъ тяжелые крицы и надсадилъ себя. Тутъ-же у него появилась сильная боль въ животѣ и въ спинѣ. Отецъ пріѣхалъ домой больной. Дома пролежалъ очень долго, такъ какъ къ докторамъ не обращались, а лечили домашними средствами. Но, наконецъ, онъ нѣсколько поправился и пошелъ на работу, но недолго проработалъ и возвратился домой, потому что тяжелыя вещи онъ не могъ носить, а за это ему давали подрядчики весьма малую плату, или совсѣмъ не брали его. Еще нѣсколько разъ онъ ходилъ на работу, перера-

боталъ у многихъ подрядчиковъ, но у всѣхъ онъ получалъ малую плату на первый разъ, а потомъ уже его отказывали. Наконецъ, отецъ бросилъ работу на сторонѣ, а оставался дома. Лѣтомъ онъ плелъ лапти, а зимой чуни. Это мастерство не могло прокормить семью (при усидчивой работѣ онъ не зарабатываетъ 20-ти коп. въ день), состоявшую къ тому времени уже изъ шестерыхъ дѣтей.

Пришлось добавлять міромъ. Съ этого времени я и сестры стали ходить зимой по-міру, а лѣтомъ мать работала поденно полевыя работы у сосѣдей, а сестры жили въ прислугахъ. Несмотря на то, что всѣ были при дѣлахъ, а жили очень бѣдно. Земли было на полторы души. Она была не очень плодородна, да при плохомъ удобреніи она еще давала меньшій урожай даже въ сравненіи съ сосѣдями, (удобреніе было плохое потому, что не было скотины и не было навоза). Такимъ образомъ, хлѣба своего намъ не хватало на годъ, приходилось прикупать. Но затѣмъ и эту плохую землю у насъ отобрали за недоимки (въ казну оброку накопилъ отецъ 9 рублей, за то деревней и землю отобрали). Теперь мы стали совершенными бобылями. Дрова большею частью таскали на плечахъ, ночью изъ казеннаго лѣса,— таскали повалившійся сухостой. Но не всегда приходилось украсть казенныхъ дровъ, а потому нерѣдко печь не топили по цѣлой недѣлѣ. Тогда и кушанье носили варить къ сосѣдямъ. Въ одно время отцу пришла такая мысль: „скотины у насъ нѣтъ и не будетъ, а потому зачѣмъ намъ большой дворъ. Довольно и маленькаго". Онъ убавилъ двора въ размѣрѣ и этимъ наготовилъ отличныхъ дровъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Затѣмъ дворъ перестраивался и убавлялся, до тѣхъ поръ, пока не дошло до того, что стало убавлять нечего.

Дворъ былъ весь сожженъ, но духъ плотницкій отца еще не угасъ, тогда отецъ принялся за перестройку и самой избы. Въ одно прекрасное время отецъ поругался съ сосѣдомъ и, между прочимъ, сказалъ сосѣду: „я не только съ тобой никакихъ разговоровъ вести не желаю, но даже на твой домъ смотрѣть не буду". Выходъ изъ избы какъ разъ былъ противъ дома этого сосѣда. На другой день отецъ прорубилъ въ другой стѣнѣ двери и сдѣлалъ выходъ на другую сторону, а старый выходъ задѣлалъ. И такъ отецъ переносилъ двери нѣсколько разъ съ одной стороны на другую, мѣняя направленіе выхода. Онъ этимъ совершенно растревожилъ всю избу, а также и печь. Одинъ простѣ-

нокъ послѣ дверей не могъ уже держаться въ стѣнѣ и его пришлось заложить съ обѣихъ сторонъ омельемъ и обставить кольями, вколоченными въ землю.

Видя все это я не могъ оставаться равнодушнымъ, укоряя отца въ томъ, что онъ и избѣ-то не дастъ спокою. За эти слова отецъ съ руганью пускалъ въ меня топоръ или рубанокъ, или что попадетъ въ руки. Вотъ вамъ и другая причина для ссоры и драки. Съ нами отецъ обращался деспотически. Если что отецъ заставляетъ дѣлать, то дѣлай тотчасъ-же, никакихъ отговорокъ быть не должно, иначе онъ задастъ сильную порку. Въ виду этого мы всѣ его очень боялись и каждое приказаніе отца исполняли безпрекословно. Когда мы шли гулять на улицу, то отецъ наказывалъ, чтобы мы не шалили, „а то я узнаю, такъ голову отверну", говорилъ онъ.

Сестрамъ, отпуская на бесѣду, наказывалъ, чтобы онѣ напряли два простня, а иначе и на бесѣду отпускать не будетъ. Напряденную пряжу велѣлъ ставить на окно, а утромъ провѣрялъ ее. Утромъ на окнѣ всегда красовались два или четыре простня, хотя и не въ эту ночь напряденные. Мать моя иногда видя, что сестры мало напряли, ставила два простня пряжи изъ запаса, т. е. ранѣе напряденныхъ. Дочерей вообще отецъ не любилъ и говорилъ про нихъ:

„Дочь кормлю,—въ яму валю, а сына кормлю, въ долгъ даю", а потому къ сыновьямъ онъ относился лучше.

По-міру.

Мнѣ было шесть лѣтъ. Я сидѣлъ на полу и съ перекувырнутой скамейкой игралъ. Отецъ мой сидѣлъ у стола и рѣзалъ мелко-намелко свой чубукъ, для того, чтобы покурить. (Онъ всегда такъ дѣлалъ, когда нѣтъ табаку,—онъ рѣзалъ чубукъ на мелкія крошки и курилъ ихъ вмѣсто табаку).

Нарѣзавъ чубука, наклавъ въ трубку, онъ сѣлъ на шестокъ (изба была устроена по черному) и началъ пускать клубы дыма. Во все время куренья онъ что-то сосредоточенно думалъ. И, наконецъ, обратился ко мнѣ и сказалъ: „Вотъ, Андрюха, матки у насъ нѣту дома и долго еще не придетъ, хлѣба у насъ нѣтъ, ѣсть нечего, а ты возьми маленькую корзиночку обойди, хоть

полдеревни, а я тѣмъ временемъ согрѣю самоваръ и наварю картофеля". Эти слова, какъ по сердцу ножомъ рѣзнули, и у меня невольно потекли слезы, но я отвернулся отъ отца и скрылъ ихъ. Какъ я пойду по улицѣ съ корзинкою! Товарищи увидятъ меня и будутъ дразнить: „нищій, нищій",—э, сбирать пошелъ, не стыдно-ли?"

А отецъ, между тѣмъ, продолжалъ: „что подѣлаешь? Нужда наша, я нездоровъ, а мать ушла, а ты маленькій, тебѣ ничего... Сходи и обойди, хоть немного своей деревни, а остальную часть,— въ другой разъ. Вотъ мы и проживемъ съ тобой безъ матки". Потомъ сходилъ отецъ на чердакъ, досталъ корзиночку, принесъ ее, вытряхнулъ изъ нея соръ въ тазъ, и, подавая мнѣ, проговорилъ: „Вотъ, Андрюха, я тебя одѣвалъ, обувалъ, кормилъ, а теперь ты мнѣ долгъ плати". Проговоривъ это, онъ далъ корзинку въ руки и сказалъ: „Ну съ Богомъ, пошелъ!" Я взялъ корзинку и пошелъ за двери. Вышелъ я на улицу, сначала оглядѣлся во всѣ стороны, потомъ медленно пошелъ. А слезы неудержимо текутъ. Идя дорогой я думалъ, къ кому идти, къ кому не идти. Вдругъ сзади слышу голосъ: „Ондря, куда"? Я оглянулся—мой товарищъ, тоже Андрей, подходилъ ко мнѣ. Я сначала опѣшилъ, но потомъ нашелся и сказалъ: „корзинку иду относить Алешинымъ". Пришелъ я въ сѣни къ Алешинымъ, лѣстница высокая, поднимаюсь по ней, не торопясь и все обдумываю, какъ сказать. Ужъ очень смущаюсь. Подошелъ къ двери, стою—не отворяю. И Богъ знаетъ, долго-ли достоялъ бы, но на мое счастье или несчастье, изъ избы вышла старушка. Я вошелъ въ комнату, перекрестился на иконы и чуть-чуть проговорилъ: „Милостинку, ради Христа"! Меня бросило въ жаръ, такъ и чувствую, что весь покраснѣлъ. Изъ-за перегородки выходитъ тетушка Аграфена (такъ звали хозяйку) и увидавъ меня, всплескиваетъ руками и говоритъ: „Андрюшка, это ты"?—„Я". „Ай, ай! ужъ и тебя батька послалъ по-міру. Вотъ дѣтушки-то натерпятся нужды-то, примутъ всего". Она подходитъ къ прилавку и отрѣзаетъ большой кусокъ пирога и подаетъ мнѣ. „На, батюшка, на родимый. Что подѣлаешь? дѣлать нечего, поди собирай". Когда я пошелъ изъ квартиры, она еще разъ сказала: „Охъ дѣтки, дѣтки, плохо вамъ придется". Отъ Алешиныхъ вышелъ я ужъ ободренный. Я уже зналъ, что люди не меня осудятъ, а осудятъ отца. Лишь бы не встрѣчаться съ товарищами, а то засмѣютъ. Отъ Алешиныхъ пошелъ къ Моринымъ, а отъ нихъ къ Якушевымъ, а Жуковыхъ

пропустилъ—тутъ есть товарищъ, смѣяться будетъ надо мной. И такъ черезъ домъ, черезъ два я насбиралъ полную корзинку хлѣба. Были тутъ и пироги. Прихожу домой, отецъ уже согрѣлъ второй разъ жестяной самоваръ (первый разъ грѣлъ, картофель варилъ) и поставилъ на столъ. Картофель стоялъ тоже на столѣ.

Когда отецъ увидѣлъ меня и полную корзинку хлѣба, то воскликнулъ: „Ай, да Андрюха! ай да, молодецъ! Это не то, что дѣвки,—отца прокормитъ"! Онъ взялъ у меня корзинку и сказалъ: „Садись, садись скорѣй чай пить, а я и картофелю наварилъ, вотъ мы съ тобой и поѣдимъ"! Видя такую ласковость отца, у меня на сердцѣ отошло, прошла злость и обида на него, и мы принялись, какъ два счастливца, пить чай.

Школа.

Въ одно прекрасное время пришелъ къ намъ мой двоюродный братъ Андрей. Онъ увидалъ на стѣнѣ у насъ приклеенную газету. Андрей всталъ на колѣни на лавку и сталъ читать газету. Мнѣ было въ это время семь лѣтъ. Я съ удивленіемъ слушалъ чтеніе брата, а когда тотъ кончилъ читать, то я сказалъ ему: „Ты выдумываешь нарочно слова и говоришь мнѣ, что это написано въ газетѣ". Братъ оскорбился, что я не вѣрю, и сказалъ: „Спроси кого-нибудь другого, и онъ тебѣ скажетъ тоже, что можно читать книги и газеты". Послѣ ухода брата, я долго размышлялъ надъ этимъ вопросомъ: какъ же это можно читать газету, и я опять подошелъ къ газетѣ и началъ пристально разсматривать ее: тутъ какіе-то кружечки, крючки, палочки, а словъ у меня никакихъ не получается. „Почему это такъ", думалъ я: „братъ читаетъ, а я не могу". И съ этихъ поръ у меня явилось сильное желаніе учиться. Я узналъ, что въ школу принимаютъ только девяти лѣтъ, и съ нетерпѣніемъ сталъ ждать, когда наступитъ мнѣ девятый годъ. Я каждый разъ съ завистью смотрѣлъ въ окно на учениковъ, идущихъ въ школу. Я всегда съ большимъ удовольствіемъ слушалъ, когда кто-нибудь читаетъ. Но вотъ наступила девятая осень моей жизни. Пришло время поступленія въ школу. Товарищи зашли за мной и стали звать меня въ школу. Отца въ это время дома не было, а была одна мать. Я попросилъ мать отпустить меня въ школу. Мать меня отпустила, я взялъ кусокъ хлѣба и

съ радостью пошелъ съ товарищами въ школу. Когда мы пришли въ школу, то тамъ уже было много учениковъ. Нѣкоторые ученики, увидавъ насъ, закричали: „Новички, новички". Одинъ изъ учениковъ проводилъ насъ въ первый классъ.

Когда вошли въ первый классъ, то уже ученики сидѣли за партами, а учительница сидѣла за столомъ и записывала званіе, имя, фамилію и отчество ученика, стоящаго у стола. Увидавъ насъ, она встала изъ-за стола, подошла, раздѣла насъ и усадила на заднюю скамейку. Послѣ записи учениковъ, учительница назвала свое имя и отчество и велѣла называть ее, когда кто-либо будетъ обращаться съ какими-либо вопросами (ее звали Августа Васильевна). Затѣмъ учительница спросила насъ нѣсколько названій предметовъ, стоящихъ въ классѣ, а потомъ прочитала намъ сказку: „О рыбакѣ и рыбкѣ". Послѣ прочтенія сказки распустила домой, велѣвъ намъ приходить на другой день къ 9-ти часамъ утра и садиться на тѣ мѣста, кто гдѣ занималъ сегодня.

Изъ школы я вышелъ очень довольный и радостный. Все мнѣ въ школѣ понравилось: и тепло, и свѣтло, и чисто, и учительница такъ ласково говоритъ, однимъ словомъ, не то, что дома. И я съ первыхъ дней полюбилъ школу, а потому ходилъ всегда аккуратно. Первый годъ я учился не то чтобы хорошо, но и не дурно, за не выученный урокъ никогда не наказывали, а за шалости частенько, а чаще всего за шалости другихъ. Ужасно обидно было терпѣть наказаніе за людей, еще обиднѣе, когда начинаешь оправдываться, а тебѣ усиливаютъ наказаніе. Однажды одинъ ученикъ дернулъ за волосы другого, а тотъ думалъ, что я, пожаловался учительницѣ, меня поставили „столбомъ", я сталъ оправдываться—меня поставили на колѣни, но и здѣсь я уже со слезами началъ оправдываться, тогда учительница поставила на колѣни за печку. Я ужасно разсердился и не сталъ честно отбывать наказаніе, а сѣлъ на приступокъ, а когда учительница стала провѣрять меня, я вставалъ на колѣни. На второй годъ я перешелъ во второй классъ и къ другой учительницѣ. Эта учительница гораздо была разборчивѣе и не наказывала напрасно, а лучше умѣла найти истинныхъ виновниковъ и наказывала ихъ. За два года ученья я стоялъ столбомъ не болѣе трехъ разъ и то за подсказываніе. Во второмъ и третьемъ классѣ по ученью я былъ третьимъ ученикомъ, и по Закону Божію даже первымъ, за что священникъ очень любилъ меня. По выходѣ изъ школы подарилъ мнѣ Псалтырь и Евангеліе и фунтъ кренделей.

Не мало пришлось потерпѣть всякихъ притѣсненій и даже побоевъ моей матери отъ отца за мое ученье. Выше я уже упоминалъ, что просился въ школу только у матери, а отца дома не было. Когда отецъ возвратился домой, и узналъ, что я ушелъ въ школу, сталъ всячески ругать мать. Онъ говорилъ: „Зачѣмъ намъ грамота?—въ пастухахъ то и не ученый живетъ, и безъ грамоты можно жить. Вотъ мы и не учены, а до старости дожили. А то будетъ въ школу ходить, да обувь и одежду рвать". Мать же настаивала на своемъ, она говорила: „Пусть парень ходитъ въ школу, разъ ему охота. Ему еще жизнь впереди, а нынче всѣ стали грамотные. Можетъ быть, Господь дастъ и не въ пастухахъ будетъ жить. Ученье для него полезно. А что тебѣ нужно, то все заставляй меня и я сдѣлаю, а сына не трошь, пусть учится". Наконецъ, отецъ. сказалъ: „Ну, посмотрю я, какъ онъ будетъ учится и чему будутъ учить тамъ, а то я вамъ обоимъ голову сверну".

Затѣмъ другой разъ отецъ чуть не побилъ меня и мать за то, что пустякамъ меня учатъ въ школѣ: мнѣ задано было выучить стихотвореніе: „Печальный конь". Я пришелъ домой изъ школы и началъ читать: „Что ты ржешь, мой конь ретивый, что ты шею опустилъ, не потряхиваешь гривой, не грызешь своихъ удилъ и т. д... Отецъ услыхалъ это и закричалъ: „Это что за баланда!. Этому-то васъ въ школѣ и учатъ. Чтобы я больше этой баланды не слыхалъ, а то возьму твою книжку, разорву и брошу и схожу въ училище и учительницу изругаю". Досталось и матери. Наконецъ, на третью зиму случилось такъ, что у меня никакой обуви не было, а потому я въ школу не ходилъ, три дня дома сидѣлъ и плакалъ. Учительница прислала за мной ученика узнать, отчего я не хожу въ школу. Когда учительницѣ объяснили, что я не хожу въ школу изъ-за обуви, тогда она наказала, чтобы я въ чемъ-нибудь да приходилъ въ школу. Мать нашла мнѣ худые чуни, я обулъ ихъ и пошелъ въ школу. Ужасно я не смѣлъ идти въ такой обуви въ школу. Я представлялъ себѣ, что какъ только войду въ школу, то всѣ засмѣются надо мной, но все-же, преодолѣвъ свою совѣсть, пошелъ. Дѣйствительно, при входѣ моемъ въ школу, нѣкоторые ученики засмѣялись надо мной и стали дразнить меня: „Эхъ въ чуняхъ пришелъ. Эхъ въ чуняхъ пришелъ". Учительница вошла въ классъ и замѣтила смѣющихся надо мной учениковъ, дала она строгій выговоръ, а потомъ пояснила: „Хорошо, что у васъ родители богатые и могутъ

вамъ обувь купить, а у него бѣдные, и купить не на что, стыдно вамъ смѣяться надъ нимъ. Не смѣяться нужно, а жалѣть". Съ тѣхъ поръ никто надо мной больше не смѣялся, а скорѣе жалѣли. Я не особенно утруждалъ своихъ родителей и пищей. Возьму кусокъ хлѣба и живу въ школѣ недѣлю или двѣ. Этому способствовала опять Елена Васильевна (такъ звали учительницу). Она узнала, что мать моя ходитъ по-міру, то посовѣтовала не утруждать мать сборомъ хлѣба для меня, а дала мнѣ корзинку и велѣла самому насбирать. Такъ я и сталъ дѣлать, обхожу деревню, насбираю кусковъ и живу недѣлю или двѣ въ школѣ. Мнѣ, дѣйствительно, было лучше въ школѣ: и тепло, и свѣтло, и раздоровъ отца съ матерью не слышу, а слѣдовательно, и уроки учить никто не мѣшалъ. Сильно любилъ я учительницу, внимательно слушалъ ея слова, и крѣпко засѣли они у меня въ душѣ. Особенно передъ окончаніемъ ученья она говорила: „Вотъ скоро вы уже окончите ученіе и приметесь за домашнія дѣла, но я очень бы желала, чтобы не забывали того, чему я васъ учила; почаще навѣщайте школу и берите читать книги, онѣ васъ научатъ всему хорошему. Съ людьми будьте вѣжливы. Особенно берегитесь пьянства, отъ него происходитъ очень много зла. Куренье тоже пользы никакой не приноситъ, а приноситъ только вредъ, и потому остерегайтесь курить табакъ".

Крѣпко запали мнѣ эти слова, и, идя изъ школы, говорилъ товарищамъ, что я не буду курить табакъ и пить водку. И я свое слово сдержалъ, чему обязанъ своей матери и доброй учительницѣ, а потому я всегда помню о нихъ и благодарю ихъ.

ИЗЪ ДѢТСТВА. *В. Васильевъ.*

Ревунокъ.

Было мнѣ еще всего пять лѣтъ, и я услыхалъ разговоръ о ревункѣ, но не зналъ, что представляетъ изъ себя ревунокъ, а мнѣ подумалось, что ревунокъ есть птица. И вотъ захотѣлось мнѣ поймать эту птицу ревунка. Зимою передъ Рождествомъ Христовымъ въ нашъ садъ прилетѣло много птицъ: снѣгирей, щегловъ и чижей. Снѣгири разрывали мусоръ и разыскивали зерна,

а щеглы прыгали по дѣдовнику и выбирали тамъ мелкія зерна. Меня все это очень интересовало и даже я не могъ отойти отъ окна. Но скоро мнѣ этого стало мало, чтобъ только смотрѣть на птицъ, а я уже хотѣлъ снѣгиря, щегла или чижа имѣть на окнѣ въ клѣткѣ. Вотъ приходитъ отецъ на завтракъ, и я сталъ у него просить, чтобъ онъ поймалъ мнѣ снѣгиря. Отецъ сказалъ, что ему ловить снѣгиря времени нѣтъ, потому что послѣ завтрака нужно идти опять на работу. Но я еще пуще сталъ просить его, говоря: „Милый тятенька, сдѣлай Божескую милость, брось всю работу, а поймай мнѣ птичку, у меня уже клѣтка принесена. Или петли сдѣлай, я и самъ поймаю“.—„Вотъ что сынокъ, если хочешь поймать птицу, то я тебя научу, но только эта птица будетъ не снѣгирь, а ревунокъ“, сказалъ отецъ. Я обрадовался и сказалъ ему: „Тятенька, хоть ревунка, а то вѣдь клѣтка то пустая“, Тогда отецъ подаетъ мнѣ пальто, шапку и перчатки, помогъ мнѣ одѣться и говоритъ: „вотъ теперь дойди до дяденьки Павла и опять иди обратно домой и ты съ собою принесешь ревунка“. Я обрадовался, пошелъ и все думалъ, какъ я поймаю ревунка. Морозъ былъ сильный, такъ что пока я шелъ до дяденьки Павла, у меня уже руки замерли, я повернулъ обратно и побѣжалъ домой. Пока бѣжалъ, руки у меня совсѣмъ зашлись. Я вбѣжалъ въ домъ съ великими слезами и говорю отцу: „Я только руки обморозилъ и никакого ревунка не видалъ“. Отецъ сталъ смѣяться и говоритъ мнѣ: „Вѣдь ты же принесъ съ собой ревунка и до сего времени ревешь; вотъ тебѣ и ревунокъ“. Я пуще того заплакалъ, зачѣмъ меня отецъ обманулъ, не сказавъ, что это за ревунокъ. Черезъ нѣсколько времени отецъ сдѣлалъ петли, и я въ нихъ ловилъ птицъ. Годъ отъ года сталъ я самъ петли дѣлать и у меня всегда на окнѣ въ клѣткѣ были птицы. Я уже привыкъ къ морозу и сталъ сплошь ходить на улицу. Вотъ одинъ разъ гулялъ я съ ребятишками до поздняго вечера. Мальчики были больше меня и стали уговаривать меня, чтобъ я былъ въ ихъ компаніи. Я согласился все то дѣло дѣлать, которое они будутъ. Вотъ мы всѣ сговорились идти Егорову солому жечь. Приходимъ къ соломѣ, беремъ по пучку ея и немного отнеся ее, стали жечь. Намъ было очень весело, смотря на огонь. Я ничего не подозрѣвалъ, какъ вдругъ откуда не явись Егоръ и, схвативши меня, давай таскать меня за уши. Ужъ долго онъ меня таскалъ, но, наконецъ, бросилъ и побѣжалъ за другими. Я взялся за свои уши, а изъ нихъ кровь такъ и течетъ. Вотъ я поплакалъ, поплакалъ, да и

пошелъ домой, но скоро я обдумалъ, что лучше надо сходить къ Егору и попросить у него прощенія, а то онъ можетъ сказать моему отцу, а послѣдній больше набить меня, какъ набилъ Егоръ. Я вернулся и пошелъ къ Егору. Подойдя къ двери, остановился и сталъ слушать, что говоритъ Егоръ. Я подслушалъ, что очень сожалѣетъ меня, что такъ здорово мнѣ надавалъ. Я отворилъ дверь, вошелъ и остановился у порога. Егоръ спросилъ меня, зачѣмъ я пришелъ. У меня сразу покатились слезы и, подойдя къ нему, сталъ просить его, чтобы онъ простилъ меня и не сказалъ отцу объ этомъ. Онъ выслушалъ меня и говоритъ: „Я не скажу, если больше не будешь жечь солому". Я ему сказалъ: „Дяденька, вѣкъ не буду больше, только не говори отцу, а то онъ меня застегаетъ, я очень боюсь его": Я пошелъ домой, мать меня спрашиваетъ, гдѣ я такъ долго гулялъ. Я отвѣтилъ, что былъ у Павла и тамъ съ нимъ все время игралъ. Мать посмотрѣла на меня и говоритъ: „А почему ты плакалъ". Я сталъ отпираться, что я не плакалъ. Она говоритъ, почему у меня лицо заплаканное. Я все не сознавался и, наконецъ, опять заплакалъ. Мать стала все разспрашивать, а я ей все разсказалъ. Она мнѣ ушки чѣмъ то помазала. Я ее попросилъ, чтобы она объ этомъ не говорила отцу, она пообѣщала, и я легъ спать.

Мой дѣдушка.

Было мнѣ всего 7 лѣтъ, какъ умеръ мой дѣдушка на 76-мъ году отъ роду. Я очень любилъ дѣдушку. Одинъ разъ онъ плелъ лапти, въ это время подошелъ я къ нему и сталъ просить его, чтобы онъ научилъ меня плесть лапти (онъ плелъ для нищихъ). Дѣдушка посмотрѣлъ на меня и сказалъ ласково: „Милый внучекъ, вѣдь ты еще малъ, испортишь только".—„Нѣтъ, дѣдушка, я не испорчу, я давно уже смотрю, какъ ты плетешь"— сказалъ я дѣдушкѣ. Тогда дѣдушка далъ мнѣ недоплетенный лапоть и костыгъ, сказалъ: „Плети, внучекъ, а я покурю трубочку". Сталъ я плесть и все перепуталъ, потомъ, обратившись къ дѣдушкѣ, сказалъ: „не могу, дѣдушка, мнѣ конца не протащить". Дѣдушка сказалъ мнѣ: „Положь на лавку", а самъ все ищетъ трубку. Я замѣтилъ, что дѣдушка трубку ищетъ, а она у него во рту. Я сказалъ ему: „дѣдушка, я знаю, гдѣ твоя трубка".—

„Гдѣ, кормилецъ? покажи, родненькій,“ сказалъ мнѣ дѣдушка. Я взялъ его за руку и повелъ къ зеркалу. Какъ только подвелъ его къ зеркалу, то сказалъ: „вотъ, дѣдушка, смотри въ зеркало и увидишь трубку“. Дѣдушка посмотрѣлъ въ зеркало и увидѣлъ, что трубка у него въ зубахъ. „Тьфу ты, сколько я ее искалъ, а она въ зубахъ у меня“,—сказалъ дѣдушка. Я засмѣялся. Дѣдушка, не говоря ни слова, сѣлъ и сталъ, куря трубку, плесть лапоть. Я замѣтилъ, что дѣдушка разсердился на меня. Я сталъ говорить ему: „не сердись, дѣдушка, я только пошутилъ“.—Да, хороши шутки смѣяться надъ старымъ человѣкомъ“, сказалъ мнѣ дѣдушка. Потомъ мы стали говорить по хорошему. Вотъ дѣдушка захотѣлъ посмѣяться надо мной, призываетъ меня и говоритъ: „Вася, хочешь, я выворочу лапоть“.—„Вывороти, дѣдушка“, сказалъ я ему. Я подошелъ къ нему и сталъ смотрѣть, какъ онъ будетъ выворачивать лапоть. Дѣдушка беретъ лапоть за пятку, а головку въ зубы и хлопъ имъ меня по головѣ. Я заплакалъ. Дѣдушка говоритъ: „Вотъ лучше не будешь смѣяться надо мной“. Ну, скоро мы примирились и опять стали жить по хорошему. Дѣдушка мнѣ разсказывалъ, какъ онъ служилъ 8 лѣтъ въ Павловскомъ полку, какъ ходили усмирять поляковъ, какъ поляки собирались шайками и съ оружіемъ въ рукахъ. Онъ мнѣ говорилъ, что пробылъ тамъ два года. Больше всего меня интересовало то, какъ онъ ѣздилъ въ Новоржевъ и Порховъ на ярмарку за дровнями, санями и за посудой, а потомъ торговалъ ею. Сижу я съ нимъ и говоритъ мнѣ дѣдушка: „Однажды я поѣхалъ въ Порховъ съ Анисимомъ Ермолаичемъ. Пріѣхали туда, у насъ бороды обмерзли, ноги прозябли и самому то не очень тепло. Вотъ везетъ меня Анисимъ Ермолаичъ: „Кузьма Ивановичъ, пойдемъ въ чайную, погрѣемся, да позавтракаемъ. Еще говорятъ люди, что хорошо грѣться чаемъ, попробуемъ, Кузьма Ивановичъ, что за чай“. Я согласился. Привязали лошадей и отправились въ чайную. Придя туда, стали требовать служащихъ, чтобъ тѣ подали намъ чаю. Служащіе узнали, что мы никогда еще чаю не пили. Приносятъ чай и посуду, ставятъ стаканы въ блюдца и наливаютъ полные стаканы и полныя блюдца. Я никогда чаю не пилъ, и поэтому я взялъ сразу блюдце со стаканомъ и поднялъ. Сталъ пить съ блюдца, а со стакана полилось мнѣ на носъ. Мнѣ стало очень, очень жарко, я поставилъ на столъ и сталъ думать, какъ мнѣ приловчиться пить чай, чтобы не обжечься. Я опять поднялъ блюдце со стаканомъ, тогда сталъ пить чай изъ стакана. Чай пью изъ стакана,

а изъ блюдца полилось мнѣ на грудь. „Ну, что же дѣлать“, думаю себѣ, „пусть лучше льется чай на грудь, чѣмъ такой горячій на носъ“. Потомъ одинъ служащій подходитъ и говоритъ: „Эхъ, дядя, зачѣмъ ты такъ пьешь? Возьми стаканъ, составь съ блюдца и со стакана поливай въ блюдце и пей“. Только тогда я понялъ всю эту картину, сталъ знать, какъ нужно пить чай, чтобы носа не обжечь и грудь не облить“. Вотъ такъ мнѣ дѣдушка разсказывалъ свои случаи, а я этимъ интересовался и просиживалъ съ нимъ цѣлыми днями. Такъ сильно я любилъ дѣдушку своего, что когда онъ умеръ, я долго, долго плакалъ по немъ, но понемногу сталъ забывать и уже не сталъ плакать, хотя еще долго вспоминалъ его.

Какъ я проводилъ лѣто.

Зиму проходилъ въ школу, а лѣтомъ я ничего не дѣлалъ. Вотъ, бывало, лѣтомъ уходитъ отецъ съ матерью на работу и станутъ мнѣ наказывать, чтобы я смотрѣлъ за домомъ и за всѣми порядками. Конечно, я очень строго слѣдилъ, но только не за хозяйствомъ, а за отцомъ съ матерью. Какъ только они выходятъ изъ дому, я выхожу на улицу и смотрю: если они ушли далеко, то я смѣло иду въ огородъ, набираю тамъ различныхъ овощей, потомъ иду въ садъ и рву много яблокъ, грушъ, сливъ и ягодъ и устраиваю различныя кушанья, собираю сосѣднихъ ребятишекъ, и у насъ начинается веселая игра. Раздѣливъ яблоки, груши, сливы, ягоды и овощи, начинаемъ ходить другъ къ другу въ гости. Время проходитъ очень скоро и весело. Если эта игра надоѣдаетъ, то начинаемъ другую: въ жмурки или въ прятушки, а если и это надоѣдало, то устраиваемъ въ домѣ палатки и тамъ играемъ. Бывало затѣешь такую игру и приходитъ отецъ или мать и безжалостно начинаютъ стегать. Стегаютъ да приговариваютъ: „Не будешь ходить въ садъ да въ огородъ и не будешь то и то дѣлать, а будешь за порядками смотрѣть“. Но все это не могло научить, и какъ только уходятъ изъ дому, то берешься опять за свои дѣла.

17

Какъ я пасъ гусей.

Исполнилось мнѣ 9 лѣтъ, а я, кромѣ школы, ничего не дѣлалъ. Всѣ маленькіе мои друзья были заняты дѣлами: кто коровъ пасъ, кто овецъ, а кто и гусей. Я сталъ завидовать ихъ жизни и все время думалъ, какъ бы мнѣ упросить отца, чтобы тотъ купилъ мнѣ гусей. Вотъ одинъ разъ вечеромъ сталъ я просить отца, чтобы тотъ купилъ мнѣ гусей. Отецъ сказалъ мнѣ: „Ты не хочешь пасти гусей, это только просишь, пока ихъ нѣтъ“. Я сталъ увѣрять отца, говоря ему: „Тятенька, купи гусей, я буду хорошо ихъ пасти и отходить отъ нихъ не буду“. Отецъ купилъ мнѣ гусей, и я сталъ ихъ пасти. Сначала я былъ очень радъ гусямъ, а потомъ скоро мнѣ надоѣло, я уже и смотрѣть на нихъ не хотѣлъ. Однажды бросилъ я гусей и убѣжалъ въ деревню къ ребятишкамъ играть на рюхи. За веселой игрой времени прошло много и когда я вернулся, то гусей уже не было тамъ, гдѣ я ихъ оставлялъ. Я побѣжалъ разыскивать ихъ. Я разыскивалъ ихъ долго, потому что гуси были въ овсѣ. Пока я ихъ выгонялъ изъ овса, ко мнѣ подошелъ отецъ и спросилъ меня: „Ну, ты гдѣ же былъ, голубчикъ“.—Ну, тятенька, прости, я только ходилъ домой пообѣдалъ и вернулся обратно, а они уже здѣсь“.—„Врешь, врешь, голубчикъ, гуси уже давно въ овсѣ, только я не зналъ, что чьи это гуси, наши или нѣтъ“. Я умолялъ его, но онъ ни на что не смотрѣлъ и началъ меня стегать плетью. Долго онъ меня стегалъ, такъ что во многихъ мѣстахъ уже полилась кровь. Бросилъ меня стегать и сказалъ: „Если не хотѣлъ пасти гусей, такъ зачѣмъ же просилъ ихъ?“ Я ничего не отвѣчалъ, а все плакалъ. Отецъ ушелъ домой. Я хотя и пересталъ ревѣть, но еще долго всхлипывалъ. Дождавшись вечера, я погналъ гусей домой. Я очень сердился на отца и ужинать не садился; отецъ сталъ говорить, почему я не сажусь ужинать, но я ничего не отвѣчалъ. Тогда отецъ беретъ ремень и начинаетъ меня опять стегать и приговариваетъ: „Не сердись, не сердись!“ Мнѣ пришлось повиноваться и сѣсть поужинать. Скоро боль моя зажила, но гусей пасти было очень плохо, потому что гуси уже не хотѣли клевать травы, а все время лѣзли въ овесъ. Я уже ихъ сталъ пасти не съ прутикомъ, а съ палкой, отчего и стали часто дохнуть молодые гусенята. Правда, бывало, у людей гуси ходятъ по травѣ, а мои только и знаютъ: га-га-га, да ближе къ овсу, вотъ невольно разсердишься и начнешь бросать въ нихъ палками.

Вотъ шутъ возьми, что попадетъ въ стараго гуся, потому что онъ, какъ только видитъ, что палка летитъ, сразу же пригибаетъ голову, а молодые не понимаютъ и палка всегда падаетъ на нихъ. Тутъ очень жаль станетъ молодого гуська и заплачешь, но самъ не знаешь, отчего плачешь: оттого, что гуся жаль или оттого, что тебѣ за него попадетъ. Кое-какъ допасъ гусей до Успенія Богородицы и уже въ праздникъ всегда шелъ къ гусямъ со слезами. Въ первый день праздника мы уговорились съ пастухами гусей бросить свои стада и пойти домой (у насъ въ деревнѣ была ярмарка). Бросили гусей и отправились на ярмарку. Тамъ было намъ очень весело смотрѣть на молодыхъ людей, какъ они гуляютъ и уже не хотѣлось идти къ гусямъ. Пробыли на ярмаркѣ почти до вечера, какъ вдругъ слышимъ: двѣ женщины заговорили о гусяхъ, что они въ овсѣ были и ихъ погналъ Волкъ въ свой дворъ. Такъ какъ онъ даромъ не отдастъ гусей, то отцу придется выкупать ихъ по двадцать или двадцать пять копеекъ за гуся. Я посчиталъ, что отцу за гусей придется отдать больше десяти рублей и я подумалъ, что меня за это не похвалитъ отецъ, а отстегаетъ, какъ слѣдуетъ. Я, обратившись къ товарищу Ивану, говорю: „Ванька, пойдемъ просить у Васьки Волка гусей (это прозвище одному сосѣду „Волкъ"), можетъ быть онъ для праздника смилуется и отдастъ гусей".—„Пойдемъ, попробуемъ просить", отвѣтилъ онъ. Вотъ мы пошли къ Волку просить гусей и дорогой уговорились, какъ просить гусей у Волка. Приходимъ къ нему въ домъ и у порога остановились. Васька Волкъ замѣтилъ насъ и сказалъ: „Ну, что, хлопцы, что хорошенькаго скажете". У насъ навернулись слезы на глазахъ и дрожащимъ голосомъ сказали ему: „Дяденька Василій, отдай намъ гусей, мы въ ножки тебѣ поклонимся и вѣчно Бога за тебя будемъ молить, отдай, миленькій дяденька".—„Не отдамъ, идите домой за деньгами или снимайте свои кафтаны, тогда отдамъ гусей". Мы стали плакать и все продолжали просить у него гусей. Тутъ гости его стали просить своего хозяина Волка, чтобы тотъ отдалъ намъ гусей. Тогда Волкъ сказалъ намъ: „Если будете плясать, то отдамъ вамъ гусей, а если не будете плясать, то идите домой за деньгами". Ужъ стыдно намъ было, но все же пошли плясать. Первый вышелъ я плясать. Васька Волкъ сказалъ намъ: „Вы пляшите, да съ припѣвками". Я пошелъ плясать да запѣлъ пѣсню:—„Наши ужинать сядятся, вспоминаютъ про меня: Гдѣ побѣдная головушка гусей пасетъ до темна".—Самъ Волкъ и его гости похвалили меня, что

я очень хорошо плясалъ. Теперь мой товарищъ пошелъ плясать и запѣлъ пѣсню: „Плясать пошелъ, пляши хорошенько, волкъ съѣлъ гусенка, осталась одна шейка“. Гости Волка засмѣялись, но самъ Волкъ сконфузился, что про него пѣсню спѣли, а гусей все же отдалъ. Мы гусей погнали домой и уже было темно. Я всю дорогу то плакалъ, то смѣялся: вотъ какъ вздумаю про ту просьбу, въ которой я просилъ гусей, то у меня льются слезы, а если вздумаю, какъ мы плясали, то мнѣ дѣлается очень смѣшно. Вогнавъ гусей во дворъ, пошелъ домой. Тутъ всѣ у меня спросили, почему я такъ долго пасъ гусей. Я все имъ разсказалъ, какъ гуси попали во дворъ Волку, какъ мы у него просили и какъ плясали. Гости всѣ засмѣялись. Отецъ сталъ меня бранить, но гости защищали меня и отецъ не сталъ больше бранить меня, а только смѣялся. Я гусей допасъ до осени и отецъ продалъ всѣхъ старыхъ и молодыхъ гусей. Я опять сталъ жить ничего не дѣлая, только съ 1-го октября всегда начиналъ ходить въ школу, пока не кончилъ церковную школу.

Какъ я одну недѣлю пасъ коровъ.

Заболѣлъ у насъ пастухъ, который пасъ коровъ. Пришлось мнѣ пасти коровъ, пока не выздоровѣетъ пастухъ. Мнѣ очень не хотѣлось пасти коровъ, но ничего я не могъ подѣлать, пришлось пасти коровъ. Отпасъ ихъ шесть дней и все было благополучно. У насъ въ деревнѣ было три пастуха, а четвертая пастушка. Вотъ на седьмой день мы взяли удочки и стали удить рыбу. Насъ три пастуха ловило рыбу, а пастушка одна находилась около стада. Пастушка Маша прибѣжала и говоритъ намъ: „Я не буду одна пасти коровъ, пусть онѣ идутъ, куда хотятъ“. Мы стали посылать ее къ стаду, но она не шла; мы все продолжали ловить рыбу. Стадо коровъ понемногу подвигалось къ чертовидовскому покосу, но мы все ловили рыбу. Стадо, подойдя на небольшое разстояніе къ покосу, пустилось въ него, не останавливаясь. Мы бросили удочки и побѣжали за коровами, но бѣжать было не менѣе двухъ третей версты. Невдалекѣ отъ покоса Чертовидовскіе мужики пахали и, увидя, что наше стадо на покосѣ, побѣжали и погнали его въ свою деревню. Мы догнали стадо и стали просить мужиковъ, чтобы тѣ отдали стадо, но мужики только погрозили намъ

плетью и сказали: „Идите домой и несите по рублю за корову“. Мы вернулись назадъ. „Эхъ“, думаю себѣ, „вѣдь мои дѣла плохія, отецъ теперь мнѣ ни за что не проститъ, забьетъ, какъ собаку, да и за дѣло, потому что за четырнадцать коровъ нужно отдать четырнадцать рублей, а вѣдь меньше ни за что не отдадутъ. Ай-ай-ай-ай, теперь то я пропалъ, вѣдь меня застегаетъ отецъ“. Я сѣлъ и задумался. Подходитъ ко мнѣ пастухъ Яковъ и говоритъ мнѣ: „Ну, что-жъ мы теперъ будемъ дѣлать, вѣдь насъ теперь отцы забьютъ“.—„Да, и я такъ думаю, что домой показаться нельзя“. Вотъ мы думали, думали, да и рѣшили идти въ лѣсъ ночевать. Дождавшись ночи въ лѣсу, стали ночевать тамъ. Скоро намъ стало очень холодно, да еще страшно, когда вздумали, что въ этомъ лѣсу былъ задавленъ Спиридонъ Фралевскій и потопленъ Васька Руль. Мы встали и пошли изъ лѣсу, но куда дальше путь держать и сами не знаемъ. Намъ уже ѣсть захотѣлось и мы пошли въ горохъ. Поѣли гороху и стали совѣтоваться, куда идти ночевать. Скоро уговорились идти по своимъ сараямъ и зарыться тамъ въ сѣно. Попрощались и пошли на тѣ мѣста, куда сговорились: онъ въ свой сарай съ сѣномъ, я въ свой. Я прихожу въ сарай въ сѣно, вырылъ въ сѣнѣ большую яму и забрался въ нее. Спать было очень мягко и тепло, но все-же мнѣ надоѣло тамъ быть. Пролежалъ въ сѣнѣ ночь и день. Вечеромъ слышу, что у отца идетъ съ матерью разговоръ. Отецъ говоритъ: „Я ему ни за что не прощу, зачѣмъ спрятался и нейдетъ домой“. Мнѣ еще стало страшнѣе, но дѣлать нечего, пришлось еще одну ночь ночевать въ сѣнѣ. Рано утромъ отецъ уѣхалъ на пашню и я всталъ и пошелъ домой. Мать увидѣла меня и какъ слѣдуетъ постегала, а потомъ накормила меня. Я забрался на печку и легъ спать. Черезъ нѣсколько времени пріѣзжаетъ отецъ завтракать. Когда онъ сѣлъ за столъ, я слѣзъ съ печи и сталъ у него просить прощенія. Онъ мнѣ сказалъ. „За коровъ я прощаю, а за это я сейчасъ тебѣ вкачу“. Я опять полѣзъ на печь. Отецъ позавтракалъ и сказалъ мнѣ: „Поди ко мнѣ“. Я не могъ отказаться и въ великомъ страхѣ пошелъ къ нему. Тутъ онъ и началъ меня стегать. Простегалъ мнѣ спину до крови и, бросивъ меня, сказалъ: „Теперь тебѣ довольно, а впредь я за маленькое дѣло такъ тебѣ дамъ, какъ теперь далъ“.

ЮНОСТЬ. *В. Васильевъ.*

Рыбная ловля весной.

Мы живемъ на берегу рѣки Великой и, какъ только вскроется весною рѣка и очистится отъ льда, мы начинаемъ приготовляться къ рыбной ловлѣ: чинимъ невода, лодки и всю остальную принадлежность. Выбираемъ тихій вечерокъ, когда хорошо свѣтитъ вечерняя заря, свѣтятъ звѣзды, а иногда и мѣсяцъ и отправляемся. Одѣваемъ сапоги съ длинными голенищами, подвязываемъ фартуки, беремъ большую корзину для рыбы, неводъ и весла, складываемъ неводъ въ лодку, вкладываемъ неводъ въ ключины и отъѣзжаемъ отъ берега. Ѣдемъ въ какую-нибудь тоню. Заря хорошо свѣтитъ и иногда видишь, какъ звѣздочки перелетаютъ съ мѣста на мѣсто. Тутъ видишь, какъ крупная рыба плещется по водѣ. Вотъ и пріѣхали въ Шениховскую тоню, остановились около берега. Я всегда былъ гребцомъ. Посмотришь, какъ далеко можно отъѣзжать отъ берега да еще поѣхать поаккуратнѣе, не шлепая веслами. Я начинаю грести, а отецъ сбрасываетъ неводъ въ воду, остальные остаются на берегу держать веревку. Вотъ я полукругомъ объѣхалъ сажень пятьдесятъ и подъѣхалъ къ берегу. Лодку причаливаемъ къ берегу, а сами выходимъ на берегъ и беремся всѣ тащить неводъ. Вотъ тащимъ. Я чувствую, что что-то толкнуло въ моемъ крылѣ невода и вода забурлила. Я подумалъ, что навѣрняка есть большая рыба и, обратившись къ отцу, сказалъ: „Папа, въ моемъ крылѣ вѣроятно большая щука ударилась, не поднимайте высоко невода, не ушла бы она подъ неводъ". Тутъ мы всѣ подходимъ къ водѣ, крылья невода поднимаемъ низко, вотъ уже стали выходить изъ воды крылья невода, стали встрѣчаться небольшія щуки и мелкая рыба, вотъ къ берегу уже подтянули матку невода, а большой рыбы не слышно. Совсѣмъ матку вытащили. „Эхъ, что тутъ, тащите скорѣе матку отъ берега", крикнулъ отецъ. Тутъ мы съ братомъ подбѣжали, схватили матку съ большой рыбой и дальше отъ воды. Потомъ смотримъ, „вѣдь штука то хорошая", думаемъ себѣ. Развязали матку, вытряхнули всю рыбу, и тамъ оказался двухпудовый сомъ. „Ну, слава Богу, не даромъ пріѣхали", ска-

залъ отецъ. Стали еще закидывать неводъ, но большой рыбы не было: были семи-пяти фунтовыя и меньше щуки, но мелкой рыбы было много. Закинули неводъ всего пять разъ и корзина оказалась полная рыбы. „Ну, довольно теперь ловить, поѣдемте домой“, сказалъ отецъ. Усѣлись въ лодку и поѣхали домой. Я сталъ грести двумя веслами, а отецъ однимъ. Вечерняя заря уже была низко, но звѣздочки будто еще веселѣе блистали. Вѣтерокъ сталъ съ юга задувать и взмуривать воду. Тутъ стали находить тучки, а сквозь нихъ блистали звѣздочки. Вотъ смотришь на небо и тебѣ кажется, какъ-будто не тучки бѣгутъ впередъ, а звѣздочки перелетаютъ съ одного мѣста на другое. Вѣтеръ задувалъ часъ отъ часу все сильнѣе. Волны на рѣкѣ стали больше. Вотъ и нашъ островъ, поросшій кругомъ лознякомъ. Внизъ по теченію ѣдешь очень быстро. Смотришь на берегъ острова, поросшаго лознякомъ, и тебѣ кажется, что ты будто стоишь на одномъ и томъ же мѣстѣ, а будто это быстро бѣжитъ берегъ острова съ лознякомъ. „Ну, пріѣхали, приковывайте лодку къ столбику да скорѣй домой, а то я очень прозябъ. Неводъ то мы и завтра заберемъ. Берите скорѣй корзину съ рыбой да весла и домой“, сказалъ отецъ, а самъ побѣжалъ домой. Мы съ братомъ взяли корзину и тоже пошли домой. Идешь домой, вѣтеръ свищетъ, ель шумитъ, осина скрипитъ, только одинъ дубъ не шелохнетъ своими желѣзными сучьями. Пришли домой, мать спѣшитъ ставить самоваръ, чтобы насъ обогрѣть. Мы сначала покушали, а потомъ попили чаю и легли спать.

Первая любовь.

Я въ дѣтствѣ не зналъ и совершенно не понималъ, что есть на свѣтѣ какая то особенная любовь къ дѣвушкѣ, но даже кто-нибудь скажетъ о любви, я никогда не хотѣлъ вѣрить и согласиться съ тѣмъ, а всегда опровергалъ то и думалъ одно, что никакую красивую дѣвушку не полюбишь такъ, какъ любишь свою мать; но все это вышло наоборотъ. Когда исполнилось мнѣ шестнадцать лѣтъ, я уже сталъ ходить на бесѣды и гулянія. Тутъ сталъ видѣть, какъ молодые люди гуляютъ съ дѣвушками, а я оставался почти одинъ и смотрѣлъ на эту картину съ большимъ любопытствомъ, какъ они любезничаютъ, а потомъ, идя

домой, разсказываютъ о любви къ дѣвушкѣ и о душевномъ страданіи изъ-за нея. Я хотя и не такъ вѣрилъ, а уже сталъ подумывать, что это можетъ случиться; вѣдь люди молодые, и имъ взглянется какая нибудь красивенькая дѣвушка, тутъ невольно и явится особая любовь къ ней. Вотъ какъ, напримѣръ, я видѣлъ одну дѣвушку: молоденькая, бѣленькая, лицо румяненькое, полненькое, глазами милая, аккуратная таліей, красивая походка и волосы хорошо убраны, а улыбка то какая, вѣдь это право роскошь. Почему же я раньше людямъ не хотѣлъ вѣрить, если самъ два три раза увидѣлъ и то уже полюбилъ ее, а вѣдь есть мои товарищи уже давно познакомлены съ дѣвушками, поэтому они и говорятъ о душевномъ страданіи изъ-за дѣвушки, а я почему то не вѣрилъ. Вѣдь правда, я самъ уже сознаю это, потому что я уже не думаю о матери, а все время мечтаю о той любвеобильной барышнѣ, которую всего на всего видѣлъ два три раза и она у меня осталась на душѣ, какъ соринка на глазу, которую нельзя забыть, пока она сама не выпадетъ. Вотъ теперь и дома лежу на кровати... бывало послѣ ужина ляжешь и какъ то скоро уснешь, а сегодня уже нѣсколько часовъ лежу и только мечтаю о ней.—Теперь брошу о ней думать завернусь въ одѣяло и буду постараться, чтобъ уснуть. Тутъ я повернулся внизъ лицомъ, покрылся, но не такъ скоро уснулъ. На второй день тоже мечтаю о ней. Вотъ воскресеніе пришло; послѣ двѣнадцати часовъ вся молодежь стала собираться въ Рублевскій садъ гулять, и я съ ними. Мы пошли по саду. Я все всматривался, чтобы увидѣть ту дѣвушку, о которой я мечталъ. Вдругъ она мнѣ попадается на глаза и я тутъ сдѣлалъ ей низкій поклонъ и она въ свою очередь. Тутъ у меня забилось сердечко и я уже не зналъ куда дѣваться: съ ней пойти по саду стыдно людей, да еще не знаю, что съ ней нужно говорить. Нѣтъ не буду стыдиться, а пойду къ ней и предложу ей пройтись со мной. Раскинувъ широко мысль, пошелъ ей навстрѣчу. Подойдя къ ней сказалъ:—„Здравствуйте, Анна Алексѣевна“, и подалъ ей руку. Она тоже сдѣлала въ свою очередь. Я предложилъ ей пройтись со мной, она согласилась, и мы пошли. Разговоръ у насъ былъ почти дѣтскій, потому что я былъ молоденькій и она тоже. Незамѣтнымъ образомъ появился вечеръ и намъ пора идти домой. Путь намъ былъ въ одну сторону и такъ мы шли до самой ея деревни. Я распростился съ нею и пошелъ домой. Вотъ я всю дорогу мечталъ: теперь мои дѣла, слава Богу, пойдутъ на ладъ, видно, что и она

желаетъ со мною знакомство вести“. Тутъ сдѣлалось мнѣ на душѣ очень легко и шелъ я, не слыша подъ собой ногъ. Тутъ я сталъ ходить на гулянья, не пропуская ни одного праздничнаго дня. Дѣло шло очень хорошо, и мы гуляли до самой зимы. Зимою стали ходить на вечера и гуляли все вмѣстѣ, а въ будній день я все ходилъ въ ея деревню на супрядку, гдѣ было тоже весело. Тутъ мы очень влюбились другъ въ друга. Я очень любилъ и жалѣлъ ее и у меня на все совѣсть была очень чиста. Тутъ она сдѣлалась очень довѣрчивой ко мнѣ и я къ ней. Конечно, я надѣялся на нее, что она ни съ кѣмъ не будетъ гулять, а такъ же и она надѣялась на меня. Такъ и зима прошла. Настало лѣто. Стали опять ходить въ Рублевскій садъ. Туда я уже сталъ ходить очень рѣдко, а попрошу ее бывало, чтобы она вышла на берегъ рѣки.

Выйдетъ она на берегъ да еще ея подруга, съ которой гулялъ мой товарищъ, и мы съ нимъ пойдемъ къ нимъ и гуляемъ по берегу, а иногда садились въ челнокъ и катались по рѣкѣ Великой.

Товарищъ играетъ на гармоникѣ, а я правлю челнокомъ и держу направленіе прямо на островокъ, гдѣ мы всегда проводимъ времячко со своими дѣвушками. Правда, теперь вздумаешь про прежнюю жизнь, какъ раньше весело и незамѣтно проходила молодость. Вотъ, бывало, сидишь на островкѣ, смотришь и думаешь: „Господи, насколько моя любовь горяча къ ней. Вѣдь я бы все отдалъ ей, лишь бы мнѣ пришлось имѣть ее въ женахъ“. Вотъ такъ подумаешь, подумаешь, да такъ глубоко вздохнешь, что тутъ и сердечко чуть не выпрыгнетъ. Правда, на сколько же пріятно сидѣть съ тѣмъ человѣкомъ, котораго ты такъ сильно любишь. Вѣдь это сидишь, она приклонитъ свою блаженную головку къ тебѣ, точно маленькое дитя къ своей матери, и глубоко, глубоко вздыхаетъ, а если прислушаешься къ біенію ея сердца, такъ какъ будто бьется такъ, какъ у пойманной птички и уже не знаешь, отчего такъ ея бьется сердце: отъ радости или же сердце чувствуетъ будущее. Но тутъ возьмешь, обхватишь ея блаженную головку и прижмешь къ своей груди, потомъ смотришь на ея нѣжное личико и улыбнувшіяся губки и радуешься ея веселой улыбкѣ, точно мать радуется своему дѣтяти, которое, сидя у нея на колѣняхъ, въ первый разъ открываетъ ротикъ и улыбается. Тутъ невольно поцѣлуешь ея медовыя губки, а у нея еще нѣсколько повторится глубокихъ вздоховъ. Тогда

обхватишь ея нѣжную талію, голову приклонишь къ ея головкѣ и тихо, тихо скажешь ей: „Милая Нюша, что такъ глубоко вздыхаешь, вѣдь я тебя никогда не брошу, я сознаю женскую любовь, вѣдь и я такъ же люблю тебя и жалѣю, какъ жалѣешь и ты меня".—„Вѣдь мы то (дѣвушки) любимъ васъ и никогда не бросаемъ, а вы гуляете, гуляете, да если вамъ взглянется покрасивѣе, то вы забываете о нашемъ страданіи, а начинаете гулять съ другой".—„Нѣтъ, если влюбиться такъ сильно, какъ я влюбился въ тебя, то навѣрно никогда и ни за что не промѣняешь, хоть на золотую",—скажешь ей. „Нѣтъ, не знаю, можетъ быть ты меня и бросишь"—„Ну, что ты, Нюша, развѣ я могу тебя бросить, если мое сердце въ тебѣ и я одной минуты не могу жить безъ тебя, и могу забыть только тогда, когда усну крѣпкимъ сномъ". Тутъ еще поцѣлуешь нѣсколько разъ и уже время подходитъ, что ѣхать домой. Я встаю, беру свою Нюшу за ручки и поднимаю ее. Потомъ скажу товарищу, чтобъ онъ шелъ къ челноку. Приходимъ, садимся въ челнокъ и ѣдемъ. Товарищъ опять играетъ на гармоникѣ, а я правлю челнокомъ. Подъѣзжаемъ къ берегу и выходимъ на него. Тутъ видимъ идетъ молодежь изъ Рублевскаго сада съ музыкой и припѣвками. Я весла оставляю на берегу, а беру свою пичужинку подъ ручку и провожаю ее до самой ея деревни. Распростившись, пожелаешь ей спокойной ночи, во снѣ видѣть розовые цвѣточки, а между цвѣточками и меня. Тутъ скажешь ей: „Милая, до свиданія, не забудь моего страданія до прихода моего и не влюбляйся ни въ кого". Она пошла домой и я домой. Идя домой нѣсколько разъ оглянешься назадъ да посмотришь, какъ она ушла, оглядывается ли она и далеко ли ушла, до тѣхъ поръ оглядываешься, пока она не скроется изъ глазъ. „Вотъ", думаешь себѣ, „вѣдь это чужое дитя, а на сколько оно жалкое, вѣдь это съ двѣнадцати часовъ дня просидѣлъ съ нею на островкѣ и не могъ наговориться съ нею и налюбоваться ею. О, не дай Богъ, если мнѣ не придется ее взять замужъ. Вѣдь я думаю, что она мнѣ никогда не измѣнитъ, а я то буду ее до смерти на рукахъ носить. Какъ это есть люди; гуляютъ, гуляютъ, возьмутъ ее замужъ, а потомъ бываетъ, что бьютъ ее, но я ни за что, да у меня бы пожалуй рука то не поднялась. Если уже она измѣнила бы, тогда можетъ быть, и то не знаю, пожалуй себѣ бы сталъ что нибудь дѣлать". Такъ съ глубокою мечтою идя домой еще нѣсколько разъ оглянешься, но какъ только видишь, что она совсѣмъ скрылась, прибавляешь

шагу и смотришь—уже дома. Тутъ, бываетъ, отецъ скажетъ: „Ну, чтожъ ты, голубчикъ, такъ поздно приходишь, вѣдь мы уже давно поужинали, да и вся молодежь уже пришла домой“.—„Ну, что же, вѣдь я хоть послѣ пришелъ, но худого никому не сдѣлалъ и пьяно не напился, а поужинать то могу и послѣ, вѣдь молодость. Развѣ вы никогда молодые не были“—скажешь ему. Конечно отецъ больше ничего не скажетъ и я ужинаю и ложусь спать. Тутъ ложишься спать, стараешься какъ бы скорѣй уснуть, потому что утромъ нужно вставать и идти на работу. Полную недѣлю и устали никакой не чувствуешь, знаешь, что придетъ воскресеніе, отдохнешь и повеселишься. Никогда не пойдешь такъ въ поле, чтобъ не посмотрѣть въ ту сторону или на ту деревню, гдѣ живетъ твоя милая, а если увидишь, что какая нибудь дѣвченка выходитъ изъ деревни, то сразу подумаешь: не она ли это пошла. Но издали не можешь разсмотрѣть и поэтому посмотришь, посмотришь, да и пойдешь на дѣло. Смотришь, незамѣтно и недѣля прошла. Въ воскресеніе встаешь часовъ въ девять и идешь въ церковь. Тамъ смотришь и она молится. Прости, Господи, не столько Богу молишься, сколько смотришь на нее. (Конецъ первой части).

Сватаніе.

Былъ у меня истинный другъ и товарищъ Павелъ Васильевичъ Ефимовъ. Мы жили съ нимъ очень дружно и не скрывали другъ отъ друга ничего. Пришла пора женитьбы моему товарищу Павлу Васильевичу, сталъ онъ поговаривать о невѣстахъ, но я все время уговаривалъ его не жениться и думаю себѣ: когда онъ женится, вѣдь я останусь одинъ, не будетъ у меня вѣрнаго друга, съ которымъ я дѣлилъ тоску, радость и тайну о любви. Ну, впрочемъ, вѣдь онъ меня все равно не послушаетъ, разъ ужъ вздумалъ жениться, то женится и если я съ нимъ буду спорить, то я могу разгнѣвать его и потерять съ нимъ дружбу. Пойду лучше къ нему и посовѣтую ему ѣхать свататься. Я одѣлся и пошелъ къ нему. Придя туда, поздоровался и сказалъ: „Что же, другъ милый, будешь жениться?“—„Буду“, онъ въ отвѣтъ.—„Ну, такъ поѣдемъ, вѣдь, двѣ недѣли только остались до масленицы“.—„Такъ поѣдемъ, я запрягу Гнѣдка и... айда“.—„Ну, скорѣй

одѣвайся и запрягай Гнѣдка, а я пойду тоже одѣваться". Онъ сталъ одѣваться, а я пошелъ домой. Придя домой на скорую руку одѣлся и пошелъ къ нему. Прихожу туда, а у него все готово: самъ одѣтъ и Гнѣдко запряженъ. „Ну, садись, да поѣдемъ, мой другъ Василій", сказалъ мнѣ товарищъ. Я сѣлъ и мы съ нимъ покатили. Гнѣдко бѣжалъ очень хорошо и красиво: шею несъ гребнемъ, махая головой и потряхивая длинной косматой гривой. Санки легко разбѣгались по укатанной дорогѣ и весело шумѣли и свистѣли по ней. Мы съ нимъ завели разговоръ о невѣстѣ, но онъ говорилъ, что хорошо ее знаетъ и она ему очень нравится. Время уже было вечернее; вездѣ горѣли огоньки въ домахъ. Вотъ уже пріѣхали въ Рублевскій лѣсъ, гдѣ часто встрѣчаются волки, но мы проѣхали благополучно, не увидѣвъ ни одного звѣря.

Пріѣзжаемъ въ ту деревню, гдѣ жила его невѣста. „Вотъ и домъ невѣсты", сказалъ женихъ. Спрыгнули съ санокъ и давай привязывать Гнѣдка на улицѣ. Тутъ вышелъ отецъ невѣсты, Алексѣй Михайловичъ, поздоровался съ нами и говоритъ: „Идите молодцы въ домъ, а я введу вашего Гнѣдка во дворъ и дамъ ему сѣна". Мы пошли въ домъ. Войдя туда поздоровались и сѣли на лавку. Тутъ входитъ Алексѣй Михайловичъ и у насъ съ нимъ пошелъ разговоръ. Мы объяснили, что пріѣхали сватать его дочь Наталію Алексѣевну. Хозяйка, посылая мальчишку за невѣстой, стала ставить самоваръ. Тутъ и Алексѣй Михайловичъ засуетился, сталъ часто приносить изъ другой половины дома что-то и ставить на столъ. Вотъ уже на столѣ самоваръ, вина и закуски, только одной невѣсты нѣтъ, которая еще была на супрядкѣ. Вотъ и невѣста пришла, съ вспыхнувшей краской на лицѣ и миловидными глазками, и подаетъ намъ бѣлую нѣжную дрожащую ручку и садится.

Будущая теща моего товарища сказала невѣстѣ, чтобъ она наливала чай и ухаживала за нами. Невѣста стала ухаживать за нами со стыдливостью, но веселою улыбкою и не сводя глазъ съ жениха.

Тутъ Алексѣй Михайловичъ сказалъ: „Ну, что же молодцы, по рюмочкѣ вина", а самъ беретъ въ руки графинъ съ темной настойкой. „Благодарю васъ, я не пью и женихъ тоже", улыбнувшись и ласково я ему сказалъ. „Напрасно, Васильичъ, весьма напрасно, водка вещь хорошая, я даже и не знаю, какъ это можно прожить безъ водки: озябнешь ли, устанешь ли,—

лучшее средство рюмка—другая хорошей настойки, а иногда и къ тому хорошо, когда на сердцѣ скверно. Вотъ у меня только одно спасеніе, какъ выпьешь немного, то повеселѣешь и на душѣ становится легче". Мы съ женихомъ чуть-чуть выпили, закусили и стали собираться домой.

Алексѣй Михайловичъ пообѣщалъ отдать свою дочь Наталію Алексѣевну и дать жениху двѣсти рублей денегъ, а невѣста дала жениху перчатки, цѣпочку и шелковый платокъ и пообѣщала ни за кого нейти замужъ. Мы съ женихомъ согласились и сказали имъ, чтобъ они къ такому-то дню готовились къ свадьбѣ и готовили невѣсту къ вѣнцу, потомъ, распростившись, уѣхали.

Ѣхать было очень весело и скоро пріѣхали въ Рублевскій лѣсъ, но вдругъ нашъ Гнѣдко опѣшилъ и сталъ кругомъ смотрѣть; вертя головой то направо, то налѣво, настороживъ острыя уши, раздувъ ярко-красныя ноздри, тонкія и нѣжныя, какъ перепонка летучей мыши, медленно подвигался Гнѣдко.

Чуя опасность, умное животное начинаетъ дрожать всѣмъ тѣломъ; въ большихъ, вытаращенныхъ глазахъ отражается смертельный ужасъ, и надо было много умѣнья и силы воли съ нашей стороны, чтобы заставить Гнѣдка идти впередъ. По серединѣ лѣса Гнѣдко вдругъ остановился, упрямо трясетъ головой и дѣлаетъ попытку повернуть назадъ. Я сказалъ товарищу, что тутъ что-нибудь неладное есть. Я вынулъ револьверъ и, спрыгнувъ съ санокъ, сталъ смотрѣть кругомъ и вдругъ вижу, что что-то впереди блеститъ, точно два маленькихъ фонарика сверкаютъ.

Тутъ я сказалъ товарищу, что, вѣроятно, это блестятъ глаза волка. Товарищъ посмотрѣлъ и сказалъ мнѣ, чтобы я стрѣлялъ изъ револьвера. Я далъ два выстрѣла изъ револьвера, волкъ побѣжалъ. Мы сѣли и поѣхали впередъ.

Гнѣдко больше не волновался, а бѣжалъ очень быстро, потому что онъ постоялъ на морозѣ и прозябъ. Домой доѣхали благополучно, больше не встрѣтили никого.

На второй день пріѣхалъ и Алексѣй Михайловичъ смотрѣть домъ жениха, и тутъ ему все понравилось. На третій день женихъ и невѣста ѣздили въ городъ за покупками, а на пятый день уже играли свадьбу.

Мнѣ пришлось тоже погулять на свадьбѣ товарища, за то послѣ пришлось искать себѣ такого же товарища.

МОЯ ЖЕНИТЬБА. *Николай Цвибисовъ.*

Когда мнѣ исполнилось двадцать первый годъ, мнѣ родители мои стали предлагать жениться. Мнѣ очень не хотѣлось было жениться, потому что жалко было разставаться съ холостой и вольной жизнью. Я отказался отъ женитьбы, говоря родителямъ, что мнѣ не наступило время жениться. Тогда мои родители стали меня уговаривать и стыдить. Мнѣ стало очень прискорбно, я заплакалъ и вышелъ изъ дому. Вышелъ я на улицу. День былъ праздничный; ребята и дѣвки были всѣ на улицѣ. Я пошелъ къ ребятамъ. Пробылъ я на улицѣ до вечера, прихожу я домой, а мнѣ никто ничего не говоритъ на счетъ женитьбы. Когда мы сѣли за столъ пить чай, опять мои родители завели рѣчь про меня, что надо меня женить и стали предлагать мнѣ дѣвокъ въ своей деревнѣ, а потомъ предлагали и изъ чужой деревни, которыхъ знали. Я имъ на ихъ предложеніе ничего не говорилъ. Они перебирали, перебирали дѣвокъ, съ одной дѣвки на другую, наконецъ, начинаютъ мнѣ говорить, что въ такой-то деревнѣ дѣвка очень хорошая и богатая, надо ѣхать свататься. „Можетъ быть, она и пойдетъ за тебя, Николай". Я на это предложеніе ничего не сказалъ. Разсердились мои родители на меня, также и братъ старшій,—сестра—всѣ стали уговаривать меня: „Докудова ты будешь ходить холостымъ и проводить съ дѣвками по цѣлымъ ночамъ гуляніе?". Вижу, что съ моей стороны нѣтъ защитниковъ никого, а всѣ одно только и говорятъ, что надо женить.

Заплакалъ я, а братъ сталъ надо мной смѣяться, что должно быть дѣвокъ бросать жалко. Прошелъ день, прошелъ и другой, стали узнавать люди въ деревнѣ, что меня хотятъ женить. Узнали также и дѣвки, ребята, товарищи мои, также, не хуже моего брата, стали надо мной смѣяться. Стали меня дѣвки спрашивать: „Какую ты думаешь взять замужъ, Николай?". Я имъ говорю, что буду брать всѣхъ васъ. „Полно, Николай, тебѣ смѣяться, поди—думаешь куда нибудь въ другую деревню ѣхать свататься, гдѣ ты будешь брать въ своей деревнѣ". Узнала также и моя барышня, съ которой я раньше гулянье имѣлъ.

Въ одно прекрасное время мы имѣли свиданіе вдвоемъ, тогда она мнѣ стала говорить: „Ну что же, Николай Дмитріевичъ,

должно быть обманулъ ты меня, что ты только время проводилъ со мной, а замужъ меня не возьмешь". Я на ея вопросъ отвѣтилъ: „Я тебя не обманывалъ, хотя я и говорилъ, что пойдешь за меня замужъ, но, конечно и ты говорила, что я пойду, мало чего не бываетъ въ частныхъ разговорахъ". Она заплакала и бросилась ко мнѣ на шею, но я на эти слезы не обратилъ никакого вниманія, только я ей сказалъ: „Ты можешь себѣ, Маня, искать другого жениха, а я буду искать себѣ другую невѣсту, я тебѣ не женихъ, а ты мнѣ не невѣста", отвернулся и ушелъ. Въ одинъ прекрасный день собрались всѣ наши родственники къ намъ въ домъ, я думаю самъ себѣ: „Зачѣмъ они къ намъ собираются, для какой цѣли?" я этого ничего не зналъ. Стали они разсуждать о дѣлѣ, т. е. о женитьбѣ моей, стали они наперво въ своей деревнѣ перебирать дѣвокъ: та нехорошая, она такая, а вотъ эта хорошая дѣвка, да бѣдная. Стали они говорить о прочихъ деревенскихъ дѣвкахъ, кто гдѣ зналъ хорошихъ дѣвокъ. Я сижу, ничего не говорю на ихъ предложенія, а только одно думаю самъ себѣ: „ищите, въ случаѣ не придется отказаться отъ женитьбы, то у меня есть невѣста, приготовлена въ другой деревнѣ. Они про нее заводили рѣчь, тоже говорили, что она такая-то, вотъ этакая, тогда мнѣ ее жалко стало, что они на нее такъ говорятъ. Тогда я спросилъ ихъ: „Почему вы знаете, что она такая?" Они мнѣ говорятъ, что люди говорятъ, что она такая. „Хорошо намъ дѣвокъ судить, да какъ меня-то будутъ хвалить". Они тогда всѣ стали меня спрашивать: „Какую думаешь, Николай, взять?" Но я не разъ пытался отказаться отъ женитьбы, но всѣ меня стали уговаривать, что надо жениться. Тогда я на ихніе ласковые уговоры рѣшился жениться и сталъ имъ говорить о своей невѣстѣ, что надо ѣхать сватать въ деревню Лебяжью, Парасковью Черепанову, если она не пойдетъ, то тогда можно гдѣ-нибудь еще искать другую. Тогда они всѣ стали обсуждать мой вопросъ, всѣ стали предлагать, что дѣвку можно взять. Тогда я имъ сказалъ, что ея сейчасъ нѣтъ дома, она уѣхала къ теткѣ за сто двадцать верстъ, все-таки рѣшили сватать ее. Въ случаѣ ея родители согласны будутъ отдать ее, то они и согласны будутъ съѣздить за нею. Это было обсужденіе въ среду, а ѣхать свататься отложили до воскресенія.

Въ одно прекрасное время, я иду по улицѣ и мнѣ въ окошко стучитъ дядя мой.

Я вошелъ къ нему въ избу, помолился Богу, спрашиваю:

„Ну, въ чемъ дѣло, зачѣмъ ты меня звалъ?" Онъ говоритъ, что я тебѣ привезъ почтеніе отъ твоей невѣсты изъ Лебяжья. Я говорю: „Полно тебѣ смѣяться, дядя Иванъ, пусть хоть чужіе люди посмѣются, а ты, какъ дядя, и ты туда-же смѣяться. Я хорошо знаю, что ея нѣтъ дома, она уѣхала въ гости къ теткѣ за сто верстъ". Дядя говоритъ: „Что ты мнѣ не вѣришь, то поди, погляди ихнія санки я привезъ отъ нихъ, я у нихъ пилъ чай, я ей говорилъ, что мы тебя хотимъ сватать за Николая, а она мнѣ говоритъ на это: „Полно тебѣ, дядя Иванъ, смѣяться, неужели вашъ Николай возьметъ меня?" Вышелъ я въ ограду, дѣйствительно, увидѣлъ стоятъ ихнія санки, какъ я раньше ихъ зналъ и не разъ катался на санкахъ, когда въ праздникъ бывалъ у нихъ въ деревнѣ. Поэтому я повѣрилъ дядѣ своему, что онъ былъ дѣйствительно у моей невѣсты. Я спросилъ дядю, почему она не поѣхала гостить въ деревню. „Она поѣхала было, да изъ деревни „Мартыновой" возвратилась". Я прихожу домой, говорю своимъ родителямъ, что моя невѣста не поѣхала гостить къ теткѣ, воротилась изъ деревни „Мартыновой" домой. Родитель мой говоритъ, что теперь будетъ безо всякихъ хлопотъ, надо въ воскресеніе ѣхать свататься. Пришло воскресеніе. Мы около часовъ десяти утра запрягли лошадей и поѣхали въ деревню Лебяжью свататься. Пріѣзжаемъ мы въ деревню, заѣзжаемъ къ Черепанову, т. е. къ невѣстѣ. Они насъ приняли, какъ гостей, посидѣли мы, поговорили такъ кое о чемъ. Невѣсты моей въ это время не было дома. Смотрю я въ окошко, она идетъ домой, заходитъ она въ ограду и узнала, должно быть, нашихъ лошадей и санки. Я дожидаю ее въ избу, но она должно быть испугалась, и не заходила въ избу болѣе часу. Входитъ наша невѣста, поздоровалась она поручки и прошла въ горницу. Невѣстины родители заставили ее скипятить самоваръ. Когда былъ самоваръ готовый, они намъ предложили пойти въ горницу и сѣсть за столъ. Мы пришли въ горницу, сѣли за столъ, невѣста стала насъ подчивать. Мои родители стали заводить рѣчь о томъ, для чего мы пріѣхали, для какой цѣли. Родители ея на это ей сказали: „Если невѣстѣ глянется женихъ, то мы воли не снимаемъ съ нея, если же не глянется, то мы тоже силой не можемъ отдать". Тогда мои и ея родители стали говорить невѣстѣ: „Что, Парасковья, пойдешь замужъ, или нѣтъ". Невѣста моя, долго не думая говоритъ: „Если отдадите, то пойду, а будете отдавать, то не пойду". Мои родители говорятъ, что теперь дѣло предстоитъ за вами, Михаилъ Алексѣевичъ и Марья Николаевна.

Тогда ея родители говорятъ: „Вотъ въ чемъ дѣло, Дмитрій Васильевичъ, это дѣло мы отложимъ до Крещенія, а въ Крещеніе вы пріѣзжайте въ церковь къ обѣднѣ и мы будемъ тамъ, тогда мы поговоримъ, послѣ обѣдни, объ этомъ дѣлѣ. Попрощались мы и поѣхали домой. Пришло Крещеніе, я сталъ своихъ родителей провожать въ церковь къ обѣднѣ. Поѣхали мои родители въ церковь, а я остался дома. Пріѣзжаютъ мои родители изъ церкви, я выхожу, встрѣчаю ихъ и спрашиваю о своемъ дѣлѣ. Родитель говоритъ: „Мы ихъ въ церкви видѣли во время службы, а когда стали выходить изъ церкви, то мы ихъ болѣе не видали".—„Теперь какъ быть-то, навѣрно вамъ придется ѣхать узнавать, отдадутъ, или нѣтъ". Пообѣдали мои родители, я сталъ провожать ихъ свататься. Мой родитель приказалъ мнѣ, чтобы я имъ запрягъ другую лошадь. Поѣхали мои родители свататься. Пріѣзжаютъ мои родители домой, я выхожу и встрѣчаю и спрашиваю: „Какъ мое дѣло идетъ?" Родитель говоритъ: „Дѣло, слава Богу, всѣ согласны отдавать, только было дѣло за тобой, если бы ты былъ, то мы дѣло бы сдѣлали совсѣмъ".—„А когда они велѣли пріѣзжать".—„А когда угодно". Прошло послѣ этого два дня, мы стали опять собираться ѣхать свататься. Поѣхали мои родители, я, братъ мой старшій, взяли вина съ собой для всякаго случая. Пріѣзжаемъ мы къ невѣстѣ, они насъ встрѣтили очень хорошо. Невѣстины родители очень были веселые, а невѣста моя не очень веселая. Тогда родитель невѣстинъ предложилъ намъ, чтобы мы прошли въ горницу. Мы прошли и сѣли на стулья и стали говорить для чего пріѣхали, для какой цѣли. Дѣло наше пошло съ перваго слова, что всѣ согласны, какъ ея родители, такъ и невѣста. Родители ея и невѣста вышли изъ горницы въ избу для переговора о своемъ дѣлѣ. Пробыли они тамъ съ часъ времени и возвращаются опять въ горницу, гдѣ сидѣли мы. Родитель ея говоритъ моему родителю: „Вотъ въ чемъ дѣло, Дмитрій Васильевичъ, должно быть придется намъ съ тобой породниться, а твоему сыну на моей дочери жениться, а моей дочери выйти замужъ за твоего сына и быть ему вѣрной женой. Сколько намъ люди ни хаяли твоего сына, но людскимъ разговорамъ мы не вѣрили и не будемъ вѣрить; такъ же навѣрно и мою дочь хаяли. Нѣтъ такого деревца въ лѣсу, чтобы пташка не посидѣла, нѣтъ той дѣвки и парня, чтобы про нихъ не было слова, поэтому мы не вѣрили людскимъ разговорамъ. Тепериче, Дмитрій Васильевичъ, надо дѣлать уговоръ насчетъ колыма". Мой родитель говоритъ: „Сколько

вы, Михаилъ Алексѣевичъ, думаете взять колыму". Родитель ея, не долго думая, говоритъ: „Только возьму тридцать рублей на ведро водки". Мой родитель говоритъ, что онъ согласенъ на это: „Теперь давайте молиться Богу, что у насъ дѣло совершилось". Поставили насъ съ невѣстою рядомъ и стали мы всѣ молиться Богу, помолившись, насъ посадили за столъ и велѣли намъ съ невѣстой перемѣниться кольцами для обрученія. Тутъ у насъ пошла небольшая гулянка. Родители наши стали проводить гулянку, а мы съ невѣстой поѣхали кататься по улицѣ. Покатались мы немного, а этимъ временемъ наши родители покончили всѣ дѣла насчетъ совершенія свадьбы. Когда мы зашли къ нимъ съ невѣстой, тогда они намъ стали разсказывать, когда у насъ будетъ свадьба, что свадьба будетъ черезъ недѣлю, т. е. въ четвергъ должны вѣнчаться. По окончаніи дѣла, мы попрощались и поѣхали домой. Насъ встрѣтили родственники и спрашивали: „Какъ ваше дѣло". Родитель мой говоритъ: „Дѣло, слава Богу, выставили невѣсту, а черезъ недѣлю будетъ свадьба; въ четвергъ поѣдемъ за невѣстой и прямо проѣдемъ въ церковь". На другой день мой родитель пошелъ приглашать родственниковъ на свадьбу. Стали мы приготовляться къ свадьбѣ. Бабы наши стали варить пиво, а наше дѣло мужское: мы приготовили вина, стали поить лошадей, на которыхъ ѣхать на свадьбу, и стали чистить сбрую и привязывать колокольчики къ дугамъ; такъ же и родственники наши стали приготовляться, однимъ словомъ—дѣло закипѣло у насъ. Прошла недѣля, наступилъ четвергъ; мы утромъ встали; бабы начали приготовляться, а я пошелъ собирать всѣхъ своихъ родственниковъ. Когда собралися родственники, мы ихъ посадили за столъ и стали потчевать. Вылѣзли они изъ-за стола, поблагодарили насъ, тогда мой родитель говоритъ, что теперь время запрягать лошадей и ѣхать за невѣстой. Тогда родственники запрягли лошадей и съѣхались къ намъ въ ограду. Поѣздъ составился изъ девяти подводъ и былъ очень прекрасный; публики собралось отъ стараго до малаго со всей деревни, смотрѣть на нашу свадьбу. Стали меня мои родители благословлять иконою святой. Вышли мы всѣ изъ дому въ ограду, то меня дружка, или старшій поѣзда, обвелъ меня кругомъ всѣхъ лошадей или подводъ, три раза кругомъ нихъ, посадилъ онъ меня и самъ сѣлъ, перекрестились и поѣхали. Пріѣзжаемъ мы къ невѣстѣ; тутъ публики стоитъ масса: дожидаются нашего пріѣзда. Заѣхали мы въ ограду, поставили лошадей, какъ полагается; подходитъ къ намъ дружка, поправилъ

меня кругомъ и пошли мы въ избу. Приходимъ мы въ избу, помолились Богу, поздоровались мы. Тутъ была публики полна изба, а невѣсты моей не было въ избѣ: она была въ горницѣ, да ей и не полагается быть на видномъ мѣстѣ. Тогда дружка идетъ къ невѣстѣ, здоровается, какъ по обывательству полагается. Вышелъ дружка изъ горницы, предложилъ мнѣ идти здороваться съ невѣстой. Я зашелъ въ горницу, поздоровался, какъ полагается, невѣста подноситъ мнѣ дары и я подношу ей свои. Подарили мы другъ дружкѣ дары и я вышелъ изъ горницы. Тогда дружка предложилъ поѣзжанамъ идти здороваться; такъ же ходили всѣ здороваться поочереди, и невѣста дарила всѣхъ моихъ поѣзжанъ дарами. Родитель невѣстинъ беретъ ее и выводитъ изъ горницы въ избу и садитъ ее за столъ, кругомъ ея садятся братья, тогда дружка подходитъ къ столу и сталъ выкупать у братьевъ невѣсту деньгами. Выкупилъ онъ, братья вылѣзаютъ изъ-за стола, а меня дружка садитъ за столъ рядомъ съ невѣстой, также и поѣзжанъ садитъ всѣхъ за столъ. Тогда онъ начинаетъ подавать намъ вина, также и невѣстиной роднѣ подаетъ онъ вино. Посидѣли нѣсколько времени, дружка предложилъ намъ съ невѣстой выйти изъ-за стола; мы вышли; онъ насъ поставилъ рядомъ, а ея родители берутъ икону и благословили они насъ. Дружка велѣлъ мнѣ взять невѣсту за руку. Когда я взялъ ее, тогда дружка взялъ меня, вывелъ онъ насъ изъ избы, обвелъ кругомъ поѣзда; дошли мы до подводы, на которой должна невѣста ѣхать, посадилъ онъ невѣсту, а мы съ нимъ обошли три раза весь поѣздъ; дошли до моей подводы, посадилъ онъ меня, а самъ сѣлъ на другую подводу. Выѣхали мы за деревню, дружка остановился и приказалъ намъ, чтобы мы дожидали пріѣзда его. Я его спросилъ, для чего онъ ворачивается, онъ мнѣ сказалъ, что нужно ея родителей пригласить на свадьбу.

Черезъ нѣсколько времени возвращается дружка и предложилъ намъ, чтобы мы ѣхали за нимъ. Пріѣзжаемъ мы къ церкви, церковь была заперта; выходитъ сторожъ, отворилъ онъ намъ церковь, зашли мы въ церковь, а дружка пошелъ доложить священнику. Приходитъ священникъ, поставилъ онъ насъ къ аналою и сталъ онъ насъ вѣнчать. Обвѣнчалъ насъ священникъ и поздравилъ онъ насъ съ законнымъ бракомъ. Вышли мы изъ церкви, сѣли на подводы и поѣхали домой. Пріѣзжаемъ мы домой, а у насъ публики стоитъ масса, дожидаются нашего пріѣзда. Заѣзжаемъ мы въ ограду, выходятъ мои родители съ хлѣбомъ и

солью. Подхожу я къ невѣстѣ, беру ее за руку, подходимъ мы къ родителямъ, кланяемся мы имъ въ ноги и цѣлуемъ ихъ; они насъ поздравляютъ съ законнымъ бракомъ. Проводятъ они насъ въ избу, благословили они насъ иконою святой, посадили насъ за столъ и стали насъ потчевать. Подошла сваха къ невѣстѣ, которая присутствовала и при вѣнчанiи, и стала она заплетать невѣстѣ волосы на двѣ косы и подвязали ее по-бабьи, какъ полагается по закону. Тогда дружка и сваха повели насъ въ горницу, и заперли они насъ тамъ, чтобы никто не могъ къ намъ зайти. Прiѣзжаютъ невѣстины родители со своими родственниками. Мои родители ихъ приняли и посадили за столъ и стали ихъ потчевать; тутъ пошла у нихъ гулянка. Тогда ея и мои родители предложили дружкѣ, чтобы онъ насъ привелъ показать родителямъ. Заходитъ дружка къ намъ въ горницу, предложилъ онъ намъ, что насъ просятъ родители, чтобы мы вышли къ нимъ въ избу. Вышли мы къ нимъ въ избу, тогда я кланяюсь ея родителямъ въ ноги и говорю я имъ: „Спасибо вамъ, тятенька и маменька, что вы сумѣли свою дочь выпоить и выкормить и сумѣли въ добрые люди вывести“. Тогда ея родители благодарили свою дочь за то, что она хорошо сама себя вела до сего времени: „и не получили мы изъ-за тебя никакого стыда и выговора, а только получили большую благодарность отъ своего зятя, а отъ твоего мужа“. Также и ея родственники стали благодарить ее. Тогда мои родители заставили насъ подавать всѣмъ гостямъ вино и пиво; пошла у насъ гулянка очень веселая. Прогуляли мы восемь дней и проводили мы гостей, и сталъ я жить, да поживать съ молодой женой. Прожили мы съ ней пятнадцать лѣтъ, но пришло на насъ тяжелое время, т. е. война, и разлучила она насъ, навѣки или нѣтъ, этого я не могу знать.

РАЗСКАЗЪ О МОЕЙ ЖИЗНИ ОТЪ 15-ти ДО 20-ти ЛѢТЪ.

Б. О. Ковгеръ.

Отецъ мой былъ хозяиномъ и служилъ у помѣщика лѣсникомъ. Каждый день ходилъ осматривать лѣсъ, иногда и меня бралъ съ собой. Давалъ мнѣ ружье и патроны, и училъ меня стрѣлять. Когда я научился хорошо стрѣлять, потомъ уже меня

бралъ съ собой на охоту звѣрей. Очень мнѣ понравилась охота. Я потомъ уже не пропущалъ ни одного дня, чтобы не пойти на охоту. Отцу не понравилось, что я каждый день началъ ходить одинъ на охоту. Отобралъ отъ меня ружье, чтобы я не ходилъ такъ часто на охоту. Потомъ я началъ дѣлать все съ хитростью, вставать раньше, пока отецъ и мать спали. И отправлялся потихоньку, чтобы не услыхали отецъ съ матерью. Беру ружье съ собой и гончихъ собакъ, отправляюсь въ лѣсъ.

Это было нѣсколько разъ, уходилъ, не пивши не ѣвши. Мать начала большіе выговоры давать отцу, что научилъ меня охотиться, А меня, когда я возвращался домой, начинаетъ ругать, и чуть по маскѣ не хлещетъ. Я начинаю извиняться, что больше не пойду одинъ никогда. Но по привычкѣ я не могъ выдержать, чтобы не пойти. И до тѣхъ поръ ходилъ, на охоту, пока не влюбился въ дѣвченку. Тогда началъ ходить къ своей возлюбленной по вечерамъ, и проводилъ время весело до двухъ и трехъ часовъ ночи.

Приходишь домой, отворяешь потихоньку двери, чтобы папаша и мамаша не слыхали, и ложился преспокойно спать. Уснешь крѣпкимъ сномъ и проспишь до десяти часовъ утра. На охоту уже поздно идти, и этимъ отвыкъ ходить охотиться.

Началась другая бѣда, еще хуже первой. Меня тянетъ, чтобъ сходить къ своей милашечкѣ, какъ желѣзо магнитомъ, а тутъ начинаютъ ругать на чемъ свѣтъ стоитъ. „Вотъ тутъ и живи", подумалъ я. Началъ я говорить папашѣ и мамашѣ: „если вы будете запрещать ходить къ ней, въ кого я сильно влюбленъ, то я долженъ буду уйти отъ васъ куда-нибудь". И только этимъ случаемъ я запугалъ своихъ родителей, они перестали говорить и препятствовать мнѣ противъ моей любимой жизни. Одинъ разъ я случайно слыхалъ разговоръ своихъ родителей, что нужно меня женить, чтобы былъ хорошій хозяинъ. Черезъ нѣсколько времени мнѣ говорятъ: „Поѣзжай сватать себѣ невѣсту". Я отказался, что ни подъ какимъ предлогомъ я не буду жениться, пока не отслужу военную службу.

Послѣ этого отецъ мой померъ, я самъ началъ хозяйствомъ править, и занялъ отцовскую службу—лѣсничество. Жилъ полтора года дома и управлялъ хозяйствомъ. Не было времени ходить ни на охоту, ни на какія гулянья, по вечерамъ, до самаго призыва на военную службу.

БЕЗЪ МАТЕРИ. *Ф. Голубевъ.*

Когда мнѣ было года два отъ роду, тогда моя маменька померла. Отецъ мой часто пилъ запоемъ,—объ насъ совсѣмъ забылъ и думать, что есть дѣти у него. Но послѣ смерти матери насъ было пять бѣднягъ сиротъ, но я былъ самый меньшій изъ всѣхъ.

Тогда отецъ мой былъ на городскихъ бойняхъ старшимъ сторожемъ, а водку также пилъ—не переставалъ и также черезъ водку погубилъ насъ бѣднягъ сиротъ. И вотъ, когда подросъ я больше, и сталъ я понимать, тогда отецъ задумалъ нашъ плохую думу, конечно,—насъ поразбросать. Я какъ меньшій, то онъ съ меня перваго хотѣлъ начать: завесть меня и бросить куда-нибудь подальше. И вотъ однажды онъ говоритъ: „Пойдемъ, сынокъ, мы погуляемъ". Я, мальчишка, тогда былъ глупъ, не зналъ въ чемъ дѣло было тутъ,—ну и собралъ онъ меня въ путь. А мнѣ сестра старшая и говоритъ: „Чего съ роду не бывало, что отецъ беретъ съ собой гулять". Ну вотъ пошли мы съ нимъ въ городъ, и я все изъ глазъ ужъ потерялъ. И вотъ чуть помню я, пришли мы до вокзала въ скверъ, и вотъ отецъ мнѣ говоритъ: „Постой, сынокъ, здѣсь, а я пойду въ лавку куплю тебѣ конфектъ, сынокъ". Я былъ мальчишка глупъ, не зналъ, въ чемъ дѣло было тутъ: стою себѣ въ скверочкѣ и жду я все конфектъ; а онъ пошелъ себѣ въ трактирчикъ: сидитъ, и съ радости за столикомъ и полбутылка передъ нимъ; а я все стою въ садочкѣ, конфектъ все жду. Уже и ночь меня застала, а тятьки нѣтъ, какъ не бывало, а все-таки стою себѣ въ садочкѣ. На дворѣ совсѣмъ ужъ потемнѣло, и я уже плакать тутъ началъ, а тятька и думать позабылъ, что я стою здѣсь, ожидаю и думу горькую мечтаю. Домой далеко—не найду я. Въ это время вдругъ подходитъ городовой и говоритъ: „Чего ты, мальчикъ, здѣсь стоишь". А я тутъ и говорю: „Тятьки нѣту". Онъ взялъ меня, посадилъ на извозчика, повезъ меня въ участокъ.

По дорогѣ онъ купилъ булку и колбасы, и я тутъ сталъ все прибирать—какъ за плечи все кидать. Вотъ привозитъ онъ меня въ участокъ. Тамъ спрашиваютъ: „Гдѣ ты живешь?"—А я и говорю: „А на бойняхъ". Взяли меня повезли на бойни. При-

возятъ, а тятька ужъ дома спитъ пьяный, какъ сапожникъ. Въ это время намъ отказали квартиру: некуда намъ было дѣваться бѣднымъ сиротамъ. Ну сестра старшая говоритъ: „Я не уйду отъ васъ покамѣстъ васъ не опредѣлю по людямъ куда-нибудь". И въ это время она стала упрашивать управляющаго городскихъ боенъ, чтобы онъ взялъ меня, самаго меньшаго изо всѣхъ, покамѣстъ на время. Ну онъ смиловался надъ нами и взялъ меня. Ну я у его прожилъ недолго,—такъ что нашлась добрая душа: взяла меня и кормила до десяти лѣтъ, потомъ отдала въ ученье къ сапожнику, и тамъ я прожилъ пять лѣтъ. И когда я кончилъ ученье, тогда я увидѣлъ Божій свѣтъ. И пошелъ тогда я жить припѣваючи.

Таковъ нашъ былъ родитель, что можно дѣтямъ вспомнить хорошимъ словомъ. Короче сказать: гонялъ, какъ стадо овецъ и того еще хуже.

ОПИСАНІЕ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Петръ Божко.

Я родился у Большой Александровкѣ 1893 года 24 ноября. Я былъ первый сынъ у своихъ родителей, они меня очень любили и ласкали, утѣшалися мной; пуще всего меня любила бабушка. Я помню, что когда мнѣ было три года, то меня родители брали съ собой на поле, я тамъ ловилъ мотыльковъ и кузнечиковъ и мнѣ день проходилъ очень скоро; когда мы ворочались съ поля домой, то я бѣжалъ прямо къ бабушкѣ и показывалъ наловленныхъ мною въ полѣ мотыльковъ и кузнечиковъ. Бабушка хвалила моихъ мотыльковъ и кузнечиковъ, говорила: „вотъ хорошіе, гдѣ ты ихъ наловилъ такихъ хорошихъ?" Я ей отвѣчалъ: „у полѣ наловилъ, завтра поѣду, еще лучшихъ наловлю." Но, бывало, что иной разъ родители уѣзжали очень рано, то они жалѣли меня будить, и бросали меня дома; я когда просыпался, и разсматривался, что родителей нѣтъ, то я бѣжалъ на огородъ смотрѣть: телѣги нѣтъ, лошадей нѣтъ, то я бѣжалъ къ воротамъ, смотрѣлъ на улицу, но не видно родителей; я очень плакалъ, но бабушка говорила мнѣ: „не плачь, ты же самъ виноватъ, тебя будили, но ты не хотѣлъ вставать." Но она то мнѣ говорила, чтобы я не плакалъ, а они меня и не будили. Она говорила: „не плачь, я

тебѣ хорошее кушанье сварю", и когда наваритъ, то даетъ мнѣ ѣсть и говоритъ: „когда мама пріѣдетъ, то не говори, что я тебѣ варила," я ей отвѣчалъ: „нѣтъ, не скажу," но, наоборотъ, какъ вечеромъ родители ворочались съ поля, то я ихъ встрѣчалъ еще на улицѣ и говорю мамашѣ:—„мама, я тебѣ не скажу, что мнѣ бабушка варила супъ и яички". Родители посмѣются и говорятъ: „развѣ варила?"—„нѣтъ, не скажу." Когда я подросъ мнѣ стало 6 лѣтъ, то я, бывало, гулялъ съ ребятишками цѣлый день, а зимой, бывало, катался изъ снѣжной горы саночками. Когда приходила весна, то я ходилъ съ ребятишками на лугъ и рвалъ тамъ цвѣты. Время шло скоро.

Когда мнѣ стало 9 лѣтъ, я ходилъ въ школу, придя изъ школы я выучивалъ свои уроки, потомъ отправлялся на улицу гулять или бралъ удочки и шелъ на рѣку, рыбу удить, вечеромъ возвращался домой. Я обучался въ училищѣ 4 года, въ 1907 году я держалъ экзаменъ и выдержалъ, потомъ послѣ моего экзамена я поработалъ съ отцомъ дома, убирали хлѣбъ. Когда настала осень, то меня отецъ отдалъ въ мастерскую обучаться сапожному мастерству; я поучился $1^1/_2$ года, потомъ не кончивши ученья, я началъ работать дома съ отцомъ, хозяйствовать, сапожничать больше не доучивался, потому что не было кому дома работать; братья мои малы были. И такъ я дома жилъ до 21 года, и мнѣ эти года прошли незамѣтно, счастливо.

ОТЦОВСКАЯ НАУКА.

N—овъ.

Родился я 1891 года 6-го февраля. Какъ протекли мои годы въ младенчествѣ, я не буду описывать, а прямо начну съ того какъ я сталъ учиться.

Когда мнѣ исполнилось 9 лѣтъ, я зналъ нѣкоторыя молитвы и меня сестра научила читать. Разъ отецъ мнѣ говоритъ: „Вотъ, что, Макарка, тебѣ надо ходить въ школу учиться". „Хорошо, сказалъ я; пойду въ школу и буду учиться". На другой день я пошелъ въ школу. Съ этого дня я ходилъ въ ее цѣльныхъ два года. Окончивъ земскую школу, я вышелъ изъ ее все-таки грамотнымъ человѣкомъ и усвоилъ все, чему обучали меня въ храмѣ науки.

Разъ сижу я дома и занимаюсь какой-то игрой. Вдругъ вижу, приходитъ домой отецъ, и не въ трезвомъ видѣ. Онъ съ сердцемъ снялъ пальто и шапку, и вытащилъ изъ кармана недопитую бутылку водки, поставилъ ее на столъ. Потомъ сѣлъ за столъ, посмотрѣлъ на меня и сказалъ: „Ну вотъ, сынокъ, ты учился въ школѣ и научился кой-чему хорошему, теперь ты долженъ учиться, какъ надо жить на свѣтѣ и зарабатывать себѣ на хлѣбъ, вотъ учись у меня, я одинъ работаю, а кормлю васъ всѣхъ. Видишь, вотъ я сумѣлъ заработать, теперь и выпить не грѣхъ"—сказалъ мнѣ отецъ и съ довольнымъ видомъ посмотрѣлъ на столъ, гдѣ стояла живительная влага. „Хорошо, покорно сказалъ я—„буду учиться отъ тебя", и пошелъ гулять. Однажды барыня изъ сосѣдней усадьбы послала меня на станцію (станція отъ нашей деревни 10 верстъ) снести какое-то спѣшное письмо. Я взялъ письмо и пошелъ на станцію. Вернувшись со станціи, я пошелъ къ барынѣ сказать, что я ея порученіе исполнилъ. Она меня угостила конфектами и дала мнѣ денегъ—тридцать копѣекъ. Я обрадовался такому обильному заработку и тутъ же вспомнилъ слова отца учиться отъ него, какъ надо жить. „Вотъ", подумалъ я, „теперь то я могу доказать отцу, что его слова не пропали даромъ". Съ этими мыслями я пошелъ въ деревню и купилъ полбутылки водки. Запасшись покупкой, я рѣшилъ зайти въ укромное мѣсто и отпить немного водки, а остальную снести домой, какъ дѣлалъ отецъ.

Такъ я и сдѣлалъ. Прійдя домой, я прямо подошелъ къ столу, гдѣ сидѣли за обѣдомъ всѣ домашніе. Я вытащилъ изъ кармана остатокъ водки, поставилъ на столъ и сказалъ, радостно поглядѣвъ на отца: „Вотъ я не забылъ наставленія отца и знаю, какъ надо жить, сумѣлъ заработать, теперь и выпить не грѣхъ". Тутъ отецъ встаетъ съ своего мѣста, одной рукой беретъ меня, а въ другую руку—внушительной величины ремень и начинаетъ меня учить, но уже по другому. Поучивъ меня, онъ сѣлъ опять на свое мѣсто, а я залѣзъ на печку, плакалъ и думалъ: „За что меня побили? кажется, я въ точности выполнилъ наставленіе отца, а вотъ поди-жъ ты, отецъ началъ драться".

Такъ я и сейчасъ не знаю, за что меня побили.

ВОСПОМИНАНІЯ. *Гр. Ціома.*

Когда мнѣ было десять лѣтъ, то я уже работалъ въ отцовскомъ дрянномъ хозяйствѣ. Въ школу отецъ не пустилъ, сказавъ: „я самъ научу грамотѣ". И правда, началъ учить; поучилъ одну зиму, и я научился складывать буквы и писать имя и фамилію.

„И довольно, сказалъ отецъ, довольно тебя учить, а то многому научишься, такъ и Бога не будешь признавать." А потомъ отецъ заболѣлъ и померъ въ 1903 году.

Насъ было пять братьевъ и двѣ сестры, словомъ, семья была большая. Пожили безъ отца одинъ годъ, жизнь была очень плохая, бѣдность была большая. Приходилось сидѣть по мѣсяцу безъ хлѣба. А мать посмотрѣла на своихъ работниковъ, что кушаютъ много, и начала посылать насъ къ богатымъ мужикамъ, кого куда, а меня къ дядѣ за 10 рублей на годъ.

Пожилъ два мѣсяца, разсердилъ дядю, дядя хотѣлъ меня побить; я удралъ домой и больше не пошелъ служить. Меня мать побранила, но все же оставила жить дома.

На другой годъ я задумалъ поѣхать на заработки. Пошелъ я весной въ сосѣднюю деревню, нанялся за 40 рублей съ 1-го марта до Покрова въ Таврическую губернію къ графу Мордвинову. Пожилъ я полтора мѣсяца, потомъ начали тавричане на насъ нападать за то, что мы пріѣхали къ ихъ помѣщикамъ. Я взялъ разсчетъ и поѣхалъ домой на пароходѣ по Днѣпру.

Пріѣхалъ въ Золотую Балку Херсонской губерніи, зашелъ въ „казенку" пять рублей размѣнять. Винопольщикъ размѣнялъ серебряными полтинниками и изъ нихъ одинъ далъ фальшивый, а для меня—пускай, хотя-бы всѣ далъ фальшивые,—я ничего не понималъ. Потомъ я сѣлъ на поѣздъ и пріѣхалъ на станцію Долгинцево, гдѣ была мнѣ пересадка. На этой станціи жилъ мой дядя, маминъ братъ, но я его никогда не видалъ. Я пошелъ искать его квартиру и нашелъ ее, но дяди дома не было и я опять пошелъ на станцію. Пора было ѣхать домой, пришелъ поѣздъ, на которомъ мнѣ надо было ѣхать. Я подошелъ къ кассѣ взять билетъ и попался какъ разъ фальшивый полтинникъ. Кассиръ посмотрѣлъ на этотъ полтинникъ и говоритъ: „Этотъ полтинникъ фальшивый, гдѣ ты его взялъ?"

Я сказалъ, что мнѣ дали въ „казенкѣ". Онъ сказалъ: „Я тебя арестую".

Я стою около него и плачу. А потомъ кто-то сказалъ моему дядѣ, что какой-то мальчикъ спрашивалъ Гладкаго и, говорятъ, что онъ пошелъ на станцію.

Дядя догадался, что это вѣрно какой-либо родственникъ, пошелъ на станцію и нашелъ меня плачущимъ около кассы. Онъ спросилъ меня: „Чего ты плачешь". Я разсказалъ ему, отчего я плачу. Онъ спросилъ:

„Какъ твоя фамилія".

— Я сказалъ: Ціома.

— А имя твоего отца.

— Петръ, говорю,

— А мать.

— Меланія.

— Ну, ладно, идемъ ко мнѣ. Я твой дядя, а ты мой племянникъ.

Я пошелъ къ нему, погостилъ съ недѣлю, а потомъ дядя нашелъ мнѣ должность за 25 рублей до Филипповскаго поста. Я поѣхалъ уже съ будущимъ хозяиномъ.

Пріѣхали; онъ меня повелъ показать, что я буду дѣлать, а дѣло было неважное: пасти скотину,—лошадей. Пожилъ я у него два мѣсяца. Жить у него было плохо, тяжело. Было много рогатаго скота и лошадей. Однажды, въ прекрасное время, я разсердился на лошадь и ударилъ ее кнутомъ. Хозяйка увидала, прибѣжала ко мнѣ, схватила грабли и ударила меня по головѣ. Разбила мнѣ голову, то-есть ранила. Кровь залила мнѣ лицо.

Я началъ кричать и побѣжалъ на станцію къ дядѣ, хозяина не было дома.

Дядя разспросилъ въ чемъ дѣло. Я объяснилъ ему. Дядя далъ мнѣ умыться, а потомъ повелъ къ доктору. Докторъ перевязалъ меня. Было уже поздно, одиннадцать часовъ. Потомъ пошли спать.

На другой день пріѣхалъ хозяинъ и говоритъ мнѣ: „Иди дослуживать".

Я отказался. Дядя сказалъ хозяину, что въ судъ будемъ подавать, а онъ говоритъ: „давай помиримся".

Я сказалъ: „Дай 20 рублей, а то въ судъ".

Потомъ на могарычъ сошлись за 15 рублей. Затѣмъ дядя отправилъ меня домой

Пріѣхалъ я домой. Мать меня печально встрѣтила: „Ты что-же, бродяга, пріѣхалъ домой, почему ты не работалъ?“

Я объяснилъ свое приключеніе. Мать выслушала, что я разсказалъ, тяжело вздохнула и сказала:

„Ну, ладно, будешь дома теперь“.

Пріѣхалъ я какъ разъ въ іюлѣ. Прожилъ я лѣто и зиму дома, а на весну пошелъ наниматься въ уѣздный городъ Черкассы къ подрядчику въ грабарки, и нанялся за 30 рублей отъ Пасхи до филипповскаго поста по 15-ое ноября. Работа была тяжелая для меня, потому что я былъ ростомъ маленькій и малосильный. Я былъ свальщикъ на насыпь для желѣзной дороги—разрывалъ землю. Проработалъ лѣто, послалъ домой матери денегъ 5 рублей. При расчетѣ получилъ 12 рублей, а остальныя прожилъ за лѣто. Семь рублей украли честные товарищи.

Пріѣхалъ я домой, привезъ 4 рубля денегъ. Мать и спрашиваетъ: „Ну, сколько денегъ привезъ?“ Я сказалъ: „Четыре рубля“.

— А остальные гдѣ?

Я разсказалъ. Мать заплакала и сказала, что она самая несчастная, потому что не только я пріѣхалъ на зиму и мало денегъ привезъ, но и братъ старшій тоже ничего не привезъ.

Перемучился я зиму, а на весну пошелъ опять въ грабарки за 45 рублей, отъ 1-го марта по 15 ноября гонялъ лошадей въ каламашкахъ, проработалъ лѣто; 15 рублей домой послалъ матери. Двадцать пять рублей при расчетѣ получилъ, а остальные израсходовалъ за лѣто. Послѣ этого заработка я себя чувствовалъ хорошо.

Пріѣхалъ домой и похвалился матери удачнымъ заработкомъ и мать возрадовалась.

А послѣ этого мнѣ такая работа надоѣла, а задумалъ научиться какому-либо мастерству. Поѣхалъ я въ городъ Торопецъ по рекомендаціи одного добраго молодого человѣка. Одинъ годъ я учился работать, а другой годъ работалъ за деньги, за 100 рублей, а потомъ поѣхалъ въ городъ Кіевъ 15 мая 1913 года и прожилъ въ Кіевѣ до 1-го октября, когда меня потребовали на призывъ въ городъ Черкассы.

Я поѣхалъ, меня признали годнымъ на службу и зачислили меня въ 1-ый разрядъ ополченія. Послѣ этого призыва я себя чувствовалъ вполнѣ хорошо. Думаю, теперь заживу не на шутку, деньги заработаю легче прежняго и больше, я самъ мастеръ. Пріѣхалъ домой и началъ продолжать свое дѣло и учить младшаго брата. Поработалъ дома до 22-го іюля 1914 года.

Вдругъ вспыхнула война, объявили мобилизацію, въ то же время попалъ и я.

Тогда пропали всѣ планы моей жизни, которые я рисовалъ.

Поучили въ строю полтора мѣсяца, потомъ назначили въ маршевую роту, отправили въ городъ Холмъ, изъ Холма въ Варшаву, а потомъ въ дѣйствующую армію.

Попалъ я въ ...-й лейбъ-....скій полкъ, въ которомъ воевалъ до 25 сентября 1915 года.

25 сентября я былъ раненъ и тогда попалъ въ лазаретъ, гдѣ нахожусь на излеченіи до сихъ поръ.

ДѢТСТВО. *Тивилевъ.*

Родился я въ бѣдной крестьянской семьѣ у крестьянина села М. К. Симб. губерніи. Родители мои были очень рады моему рожденію и старались лучше меня воспитать, потому что я у нихъ былъ одинъ, да еще были двѣ дочери, но онѣ были уже взрослыя. Но несмотря на всѣ старанія и заботы моихъ родителей, я до пяти лѣтъ былъ какой то хилый и за это время часто болѣлъ. Въ это время пошли у насъ въ домѣ несчастье за несчастьемъ, какой то злой рокъ тяготѣлъ надъ нашей семьей. Въ это время заболѣла моя старшая сестра и померла. Отъ этого удара пошатнулось здоровье моей нѣжной и любящей матери, она захворала и слегла въ постель и черезъ нѣкоторое время тоже умерла. Послѣ похоронъ своей матери, насъ осталось въ домѣ только отецъ, я и сестра, девятнадцати лѣтъ. Отецъ мой дома жилъ очень мало; онъ уѣзжалъ на лошадяхъ на работу и только на ночь пріѣзжалъ къ намъ домой, а иногда жилъ по цѣлымъ недѣлямъ въ лѣсу на заработкахъ. А мы въ это время съ сестрою оставались одни въ домѣ, и она мнѣ разсказывала разныя деревенскія сказки. По вечерамъ приходили къ ней ея подруги со своею работою: кто прялъ пряжу или шерсть, а кто вязалъ чулки или варежки, пѣли пѣсни и играли. И такъ проводили въ такихъ развлеченіяхъ весь долгій зимній вечеръ. Прошло около полугода послѣ похоронъ матери, особеннаго за это время ничего не случилось. Но вотъ сестра стала мнѣ говорить, что отецъ за-

думалъ вновь жениться и подыскиваетъ невѣсту, равную себѣ. И вотъ нашлась невѣста и отецъ повѣнчался. Послѣ этого мы стали жить съ своею новой матерью. Съ перваго времени жизнь наша потекла хорошо, мачеха обходилась съ нами ласково, обиды мы отъ нея никакой не видѣли и мы думали, что такъ и будетъ все время. Но мы ошиблись въ своихъ расчетахъ, дальше пошло все хуже и хуже, наша мачеха, прежде казавшаяся такою доброю и ласковою, сдѣлалась раздраженною и злою, какъ разъяренный звѣрь. Прежде стала нападать на мою сестру и часто ругала ее разными словами. Моя сестра ей долгое время не перечила и всю ея брань переносила терпѣливо, но наконецъ ея терпѣніе лопнуло и пошла у нихъ частая перебранка. Все это происходило на моихъ глазахъ и мнѣ было такъ жалко свою сестру и обидно за себя, что я не могъ защитить и словомъ свою сестру, потому что я былъ еще очень малъ—я только забьюсь куда нибудь въ уголъ и смотрю на всю происходящую сцену и съ тѣхъ поръ я возненавидѣлъ свою мачеху. А отецъ мой помощи могъ дать очень мало, потому что дома бывалъ мало и то, когда станетъ говорить ей за насъ, она его же и обругаетъ, и онъ броситъ говорить. А она, видя слабость моего отца, дала полную волю своей необузданности. И сестрѣ моей немного пришлось терпѣть отъ нея брань: ее вскорѣ же выдали замужъ, и тогда я остался одинъ со своею злою мачехою. Какъ голое одиночное деревцо, стоящее среди поля и ему во время бури не на что даже опереться и нѣтъ никакой защиты ни съ одной стороны и оно, треща и изгибаясь до полу во время сильнаго вѣтра, не находитъ себѣ защиты, такъ и я остался одинъ среди наступившей бури и не на что стало мнѣ опереться; была у меня послѣдняя надежда и ту отъ меня отняли, и послѣ ея я остался круглымъ сиротою; только она одна была моимъ ангеломъ утѣшителемъ, только при ней я чувствовалъ себя, какъ при матери родной. И я, какъ только наступаетъ день, то ухожу изъ дома къ своей сестрѣ и жилъ у нея по цѣлымъ днямъ, а когда прихожу домой, то меня начинаетъ бранить моя мачеха, что я весь день не бываю дома. Прошло такъ около двухъ годовъ моей жизни съ мачехою и минуло мнѣ восемь годовъ. Отецъ сталъ говорить мнѣ: „запишу въ школу и будешь учиться грамотѣ". Я былъ очень радъ, что отецъ хочетъ отдать меня въ школу учиться грамотѣ, мнѣ очень хотѣлось выучиться читать и писать. Отецъ сталъ говорить моей мачехѣ про это, но она стала противиться этому, такъ какъ у нея стали

рождаться дѣти и она хотѣла, чтобы я няньчился съ ея дѣтьми. Но отецъ не послушалъ и отдалъ меня вмѣстѣ съ моими товарищами въ школу. Въ школѣ я проучился три года, ученье мнѣ давалось очень хорошо и на двѣнадцатомъ году я сдалъ экзаменъ, получилъ за свое ученіе похвальный листъ и свидѣтельство. По выходѣ изъ школы отецъ сталъ брать меня съ собою на работу и я только былъ свободенъ тогда въ праздники. Ребяческія игры я сталъ забывать да и некогда было. Лѣтомъ отецъ бралъ меня съ собою въ поле, и я тамъ, когда отецъ кончитъ пахать, начиналъ боронить, а отецъ отдыхаетъ. Такъ кончились мои дѣтскіе годы, въ которыхъ я не видѣлъ ни одного отраднаго и веселаго дня и ни одного ласковаго и привѣтливаго слова я въ домѣ у себя не слыхалъ, только встрѣчалъ сердитые взоры своей мачехи. И дома я всегда былъ какой то раздраженный и серьезный, что отразилось на мнѣ и до сего времени. Только чувствовалъ я себя хорошо тогда, когда уходилъ изъ дома куда нибудь гулять съ товарищами или же уходилъ къ сестрѣ и проводилъ свободное время у нея.

ВЪ ГОДЫ ЮНОСТИ.

М. Мамыкинъ.

Когда мнѣ было отъ роду восемь лѣтъ, я поступилъ въ церковно-приходскую школу, которая находилась въ двухъ верстахъ отъ нашей деревни „Подгорская Каменка“. Съ 1-го сентября 1886 года я сталъ ходить въ школу. Насъ набралось 8 мальчиковъ. Ходить намъ было весело, пока было тепло, потомъ наступила суровая зима, пошли морозы, выпало много снѣгу. Рѣку Свіагу, которая протекаетъ между нашихъ селъ и раздѣляетъ ихъ, крѣпко заморозило. Мы стали ходить по свѣтлому льду его, что намъ сократило нашего ходу наполовину. Морозы все усиливались, да усиливались и бывали мятели даже иногда по суткамъ и долѣе. Разыгрывалась такая вьюга, что даже и носу показать было невозможно на улицу, а въ школу нужно было пройти не менѣе одной версты. Тогда наши родители запрягали въ сани лошадь, насъ завертывали потеплѣе, у кого что находилось: кто обертывался въ материну шаль съ ногъ до головы, кто въ какой нибудь шубный лоскутъ и выглядывалъ, какъ медвѣжонокъ, изъ

него, въ томъ добирался до школы. Зима давала себя чувствовать. Два нашихъ товарища скоро отказались отъ всего этого за неимѣніемъ на себѣ теплой одежды, бросили ходить въ школу. Потомъ мы стали просить учительницу, чтобы она намъ позволила въ холодное время ночевать въ школѣ, на что было получено позволеніе. Тогда намъ не приходилось бояться холода, а только голода; хотя намъ родители и доставляли хлѣба, но вѣдь на одномъ хлѣбѣ безъ горячей пищи прожить очень трудно, да еще дѣтямъ. Это все обходилось иногда и не безъ слезъ, но я, все-таки думалъ: какъ бы ни пришлось трудно, а нужно учиться, потому что мнѣ предстояло идти на военную службу. Объ этомъ мнѣ внушали родители, что тебѣ грамота пригодится. Одну зиму я проучился, и на экзаменѣ я хорошо отличился по всему, и за это получилъ большое евангеліе въ русскомъ переводѣ отъ инспектора и благодарность. Первый годъ меня очень порадовалъ, на второй годъ я еще прилежнѣе сталъ учиться, ни одного дня не пропускалъ, несмотря и на зимніе холода суровой зимы. На вторую зиму меня родители мои опредѣлили на холодное время ночевать къ одному знакомому. Мнѣ это дало удовольствіе, потому что у нихъ былъ тоже мальчикъ, онъ тоже ходилъ въ школу. Мы съ нимъ познакомились и стали какъ братья. Товарищи же мои отставали отъ меня въ ученіи, потому что они изъ-за холода не приходили по нѣсколько дней въ школу и пропускали уроки. Вотъ прошла и вторая зима. Слава Богу, стало тепло ходить въ школу, а тутъ скоро и экзаменъ. Я тоже сдалъ хорошо, но только на этотъ разъ мнѣ дали маленькое евангеліе, но я и этимъ былъ доволенъ. А мои товарищи ни одинъ ничего не получилъ. А на третью зиму уже намъ не пришлось ходить въ другое село въ школу, потому что у насъ въ своемъ селѣ разрѣшили открыть школу, что насъ всѣхъ учениковъ обрадовало, что намъ уже не придется ходить долѣе въ другое село и бороться съ суровой зимой, которая намъ очень надоѣла. И вотъ какъ школа наша была только что открытая вновь и охотниковъ оказалось очень много, даже нѣкоторымъ пришлось отказать за неимѣніемъ мѣстъ въ школѣ. Учительницей къ намъ поставили дочку нашего священника. Она была очень для насъ хорошая, добрая и невзыскательная. Учила очень хорошо, потому что ей было охота, чтобы мы занимались лучше, чѣмъ въ другихъ школахъ, такъ какъ наша школа вновь открытая, и учительница тоже только что окончила свое ученіе и поступила къ намъ на первую

вакансію. Батюшка къ намъ ходилъ не только въ свои часы, а проводилъ у насъ время по цѣлымъ днямъ. Ученики всѣ занимались очень хорошо, несмотря на то, что у насъ первый годъ училище. Младшаго класса оказалось очень много, съ которымъ приходилось не безъ труда, но, благодаря старанію учительницы и батюшки, на экзаменѣ всѣ съ успѣхомъ перешли въ слѣдующіе классы. Я въ то время сидѣлъ въ третьемъ классѣ и экзаменъ сдалъ съ похвальнымъ листомъ и еще получилъ большое евангеліе. Когда пошли домой мы изъ школы, я отъ радости не слышалъ подъ собой ногъ: прыгалъ, скакалъ и торопилъ свою мать, которая шла со мною, чтобы идти скорѣе домой. Вотъ, когда мы пришли въ свой домъ, меня первая встрѣтила старшая сестра и спросила, сдалъ ли я экзаменъ, а я ей показываю похвальный листъ и евангеліе. Она меня похвалила. Потомъ входитъ въ избу отецъ. Я къ нему бросился на руки и сталъ показывать, что я получилъ на экзаменѣ, онъ меня погладилъ по головкѣ и, похваливъ за стараніе, далъ мнѣ пять копеекъ денегъ на зерна, чему я еще болѣе былъ радъ. На четвертый годъ мнѣ тоже было охота ходить въ школу, но мнѣ уже не позволяли, говорили, что я нуженъ для работы: „Довольно выучился и будетъ, а ученье уже будетъ одно и то же". Мнѣ стало обидно и завидно на товарищей, они пошли въ школу, а меня не пускаютъ. Я немножечко поплакалъ, потомъ я увидѣлъ своего священника и сталъ его спрашивать: „что вѣрно ли, батюшка, мнѣ говорятъ, что сколько въ нашей школѣ не учись, больше ничего не выучишься". „Да,—онъ говоритъ,—это правда, что въ нашей школѣ сколько не учись, все одно и то же, а нужно поступить въ городскую школу, вотъ тамъ уже будетъ другое ученіе". Я сталъ просить его, чтобы онъ меня отпустилъ и похлопоталъ для поступленія въ городскую школу, на что и получилъ согласіе со стороны батюшки. Спустя нѣкоторое время, онъ увидѣлъ моего отца и сталъ ему совѣтовать, чтобы онъ меня отдалъ въ городскую школу, что у меня есть хорошая память и прилежаніе къ ученію. „А въ случаѣ, если ты его не отдашь, это все у него въ деревнѣ пропадетъ и исчезнетъ". Но получилъ полный отказъ отъ отца, потому что вѣдь во-первыхъ нужны деньги, а во-вторыхъ нужно пріучать къ крестьянской работѣ, а въ городѣ все это забудется. Такъ я и остался до сего времени крестьяниномъ и мужикомъ безъ всякаго образованія.

ВЪ ДЕРЕВНѢ. *Л. Тарасовъ.*

Страшное изъ моего дѣтства.

Мнѣ было девять лѣтъ. Было лѣто. День былъ очень жаркій. Я пошелъ въ лѣсъ за ягодами; ягодъ было въ это лѣто очень много. Первымъ дѣломъ мнѣ нужно было идти, какъ можно подальше: я зналъ, что если я пойду подальше въ лѣсъ, то ягодъ будетъ больше. Вотъ я и пошелъ. Шелъ я по небольшой дорогѣ, потомъ мнѣ попала небольшая тропинка; свернулъ я съ дороги на эту тропинку и пошелъ по ней. Тропинка эта скоро пропала, то-есть потерялась въ лѣсу. Я почувствовалъ, что я здѣсь въ незнакомомъ мѣстѣ, но я не растерялся и пошелъ дальше по лѣсу. И вотъ мнѣ стали попадаться ягоды. Сначала ихъ было мало, а потомъ стало больше и больше; но почему-то попадали мало въ мою корзинку, а больше въ мой ротъ. Вотъ я почувствовалъ, что ѣсть мнѣ больше не нужно, а нужно собирать. И я набралъ полную корзинку. Мнѣ пора была домой и я, закрывъ ягоды платкомъ, сталъ осматривать мѣстность, гдѣ я находился. Но мѣстность была мнѣ совершенно незнакомая и я не зналъ, куда мнѣ идти. Кругомъ былъ лѣсъ, нигдѣ не было даже и тропинки и я растерался. Вдругъ мною овладѣла тоска и я сталъ плакать. Куда мнѣ идти я не знаю, а дѣло уже было къ вечеру. Что же мнѣ дѣлать. Кричать—меня никто не услышитъ, а идти—не знаю куда. Я вспомнилъ, что мнѣ нужно идти въ ту сторону, гдѣ закатывалось солнце. Я побѣжалъ бѣгомъ. Бѣжалъ я очень долго; въ одномъ мѣстѣ я упалъ и просыпалъ ягоды. Что мнѣ дѣлать? Если стану собирать, то я вовсе опоздаю, а оставить ягоды жалко, и я опять заплакалъ. Но все-таки я немного, хотя и съ соромъ, да собралъ. Потомъ я опять побѣжалъ и, споткнувшись обо что то, просыпалъ свои остальныя ягоды. Ну, тутъ я совершенно растерялся: плакалъ, кричалъ, потомъ мнѣ стали представляться разныя лѣсныя чудовища. „Вотъ скоро они меня схватятъ", думалъ я. А солнце уже закатилось и начинало темнѣть. Вотъ это время мой дядя Коля, ѣздилъ по этому лѣсу и искалъ своихъ лошадей. Онъ услыхалъ мой крикъ, пріѣхалъ ко мнѣ взялъ меня къ себѣ и привезъ домой.

На охотѣ.

На двадцать третьемъ году моей жизни со мной было нѣсколько приключеній. Однажды я пошелъ на охоту. Взялъ съ собой своего пса. Мнѣ нужно было переправиться черезъ рѣку Тоболъ, а рѣка была только въ началѣ разлитія. Вода вышла изъ своихъ береговъ и стала заливать прилегающія къ ней низкія мѣста. Вотъ я сѣлъ въ небольшой ботикъ и переѣхалъ на противоположный берегъ рѣки; онъ былъ очень низкій и вода затопила его на большое разстояніе, поэтому мнѣ ѣхать пришлось довольно долго. Погода была тихая и ясная; ѣхать было безопасно. Времени было около часу дня. Вотъ я доѣхалъ до берега, затащилъ свой ботикъ очень далеко за берегъ и привязалъ за березку. Я долженъ былъ быть осторожнымъ, вода приливала и могла меня оставить безъ ботика, а я долженъ былъ уйти на цѣлыя сутки. Вотъ я пошелъ по начинающему зеленѣть лугу, вышелъ на небольшой островокъ. На этомъ островкѣ были пахатныя поля, и птицы было очень много. Охота была, хотя не изъ очень счастливыхъ, но все таки ладно. Я охотился на этомъ островкѣ до самой ночи и расположился здѣсь переночевать. Я нашелъ здѣсь стогъ соломы, какъ слѣдуетъ закусилъ, сдѣлалъ себѣ въ соломѣ уютное мѣстечко и легъ спать. Спалъ я очень крѣпко. Когда я всталъ, было уже совсѣмъ свѣтло и я опять возобновилъ свою охоту. Такъ прошло до 12 часовъ дня. Теперь мнѣ было нужно кончить свою охоту и отправляться домой. Я сѣлъ отдохнуть и какъ слѣдуетъ закусилъ, потомъ, положивъ всю свою добычу въ мѣшокъ, отправился къ своему ботику. Когда я дошелъ до луга, то лугъ былъ весь затопленъ водой. Охъ, Боже мой, что я буду дѣлать? Вѣдь теперь до ботика будетъ версты двѣ, а то и больше и все залито водой? Куда мнѣ идти? Только теперь я понялъ, что я былъ на островѣ, затопленномъ кругомъ водой. Потомъ я вспомнилъ, что есть такое мѣсто, гдѣ можно пройти, и я пошелъ. Воды было не очень много, я зналъ хорошо расположеніе мѣстности и шелъ, гдѣ было мельче. Вотъ я прошелъ уже болѣе версты, воды было всего на поларшина, а гдѣ и меньше, а мѣстами было больше, какъ на аршинъ, а до ботика оставалось еще болѣе версты; но во что бы-то ни стало, а я долженъ добраться до ботика, и я добрался. Но, увы, ботика моего уже не было и мѣсто было залито водой. Я прямо обезумѣлъ отъ такой неожиданности. Какъ это могло случиться,

что мой ботикъ исчезъ? Или я его плохо привязалъ, или на немъ могъ уѣхать случайный человѣкъ? Что мнѣ дѣлать? Мнѣ осталось одно: вернуться обратно на островъ. Когда я пришелъ на островъ, то я весь перемокъ. Я пришелъ къ старому ночлегу, Когда я пришелъ къ соломѣ, то развелъ большой костеръ и весь обсушился, но закусить у меня уже было нечего. На слѣдующее утро я опять занялся охотой. Для своего же пса я убилъ зайца и онъ утолилъ свой голодъ, но мой голодъ мнѣ утолить было нечѣмъ. Такъ прошелъ и слѣдующій день, а вода все прибывала и прибывала, и мой островокъ все дѣлался меньше и меньше и, наконецъ, сталъ совсѣмъ небольшимъ. Вотъ я уже на островкѣ четвертый день. Собаку я кормилъ убитыми зайцами, да самъ вторую утку началъ жарить на огнѣ, по способу дикарей. Вотъ прошелъ и четвертый день; островка моего осталось совсѣмъ мало, потомъ его раздѣлило на двѣ части. Я очутился въ критическомъ положеніи. Я не боялся голода, такъ какъ у меня было довольно птицы, а собакѣ моей хватало зайцевъ. Вотъ и пятый день прошелъ, а помощи мнѣ никакой не было. На шестой день я вздумалъ взлѣзть на дерево и посмотрѣть, не плаваетъ-ли кто вблизи моего острова. Я взялъ длинный шестокъ, привязалъ къ нему черный шарфъ и взлѣзъ на высокую осину на самую вершину и началъ смотрѣть по сторонамъ. Къ моему удивленію, я увидѣлъ людей, плавающихъ въ лодкѣ у самаго моего острова. Я началъ кричать и махать имъ. Вотъ они увидѣли меня, приплыли къ моему острову, взяли меня къ себѣ на лодку и привезли въ сосѣднюю деревню, а на слѣдующій день я пришелъ въ свою деревню. Когда я пришелъ домой, то меня считали уже погибшимъ, такъ какъ мой ботикъ рыбаки нашли разбитымъ на нашемъ домашнемъ берегу. Но какъ очутился ботикъ у нашего берега, этого узнать никакъ было нельзя. Это осталось и до сего времени загадкой.

„ДѢТСТВО И ЮНОСТЬ". *Михаила Алешина.*

Я родился 1892 года іюля 11 дня въ селѣ Дубровицахъ, Владимірской губ. Отецъ мой былъ очень бѣдный крестьянинъ. Бѣдность моего отца была не отъ лѣности, какъ многіе думаютъ про деревенскихъ мужиковъ, я согласенъ, вѣрно, есть и такіе, которые находятся въ бѣдномъ состояніи отъ пьянства, при которомъ является лѣность и упадокъ жизни, но отецъ мой былъ трудолюбивъ, не пилъ вина, съ молодыхъ лѣтъ страдалъ какой то серьезной болѣзнью, отъ которой и скончался 43 хъ годовъ отъ роду. Бѣдность его, какъ я думаю, произошла, во-первыхъ, отъ большихъ подушныхъ налоговъ, во-вторыхъ, онъ былъ одинъ работникъ въ дому, помощницей ему была только жена, моя мать, а насъ дѣтей было пять человѣкъ: четыре сына и дочь. Когда мы еще были несовершеннолѣтними, онъ на насъ тратилъ послѣдніе гроши, для того, чтобы мы были одѣты и обуты, а когда старшій подросъ, надо было его женить, тогда онъ только могъ помогать отцу. Второй былъ взятъ еще маленькимъ однимъ нашимъ помѣщикомъ, это былъ пятый, но я его не считаю, потому что онъ на свое воспитаніе не требовалъ отъ отца ничего. Помѣщикъ его обучилъ на свои средства и когда онъ окончилъ техническое училище, опредѣлилъ его на мѣсто. На насъ же малышей онъ тратилъ всѣ деньги. Вотъ чѣмъ я могу опредѣлить бѣдность отца.

Домъ у насъ былъ ветхій, который походилъ на согнувшуюся старушку, топка печи была, какъ говорятъ у насъ, по черному, т. е. курная изба, не было дымовой трубы, а замѣняло таковую, прорубленное въ потолкѣ окно, въ которое и выходилъ дымъ во время топленія печи и въ это же время открывалась дверь.

Росъ я въ этой курной избѣ, при ласкахъ своей матери, которая меня, а также и другихъ дѣтей очень любила. Воспитывала она насъ по-деревенски, въ страхѣ Божіемъ. Съ самыхъ малыхъ лѣтъ, я помню, пріучала не ѣсть чего либо скоромнаго по средамъ и пятницамъ. Бывало ни одной заутрени не давала спать, обязательно чтобы шли въ церковь, если не съ ней, то съ отцомъ, если же отецъ былъ занятъ, то мы шли однѣ; не умыв-

шись утромъ никогда не позволяла браться за кусокъ хлѣба, ложась спать, а также вставая утромъ, всегда заставляла при помощи прочитывать молитвы: „Отче нашъ“, „Ангелу Хранителю“ и „Богородицу“.

Росъ я и набиралъ силы, нѣга для меня была чужда, я засыпалъ часто въ саду подъ рябиной, на стоявшей у дома телѣгѣ на мѣшкахъ въ полѣ, когда мать копала картофель, пѣлъ мнѣ пѣсни вѣтеръ, ласкало мою голову солнце. Лѣтомъ любимое дѣло мое было собиранiе цвѣтовъ, изъ которыхъ я научился плесть вѣнки, цѣлыми днями бѣгалъ по лугу и по рощѣ, которая находится недалеко отъ села.

Время летѣло. Я росъ и въ то время привыкалъ уже къ деревенскимъ шалостямъ и грубѣлъ съ каждымъ годомъ. Мать нерѣдко меня наказывала за садъ, за огородъ, въ которыхъ я рвалъ непоспѣлыя яблоки, крыжовникъ выдергивалъ только что зародившуюся морковь, огурцы и т. п. Угрозы матери мало стали уже на меня дѣйствовать и если когда боялся что нибудь взять въ своемъ саду или огородѣ, то вмѣстѣ съ другими дѣтьми шелъ въ чужой садъ или огородъ. Нерѣдко приходилось за эти поступки, какъ другимъ, такъ и мнѣ получать хорошiя поучительныя таски за уши, за волосы, которые были нестрижены, а лѣтомъ даже и нечесаны. Такъ и летѣло это золотое время среди деревенскихъ грубостей, но несмотря на все, никогда не было мрачно на душѣ, а всегда было весело. 1900 года, когда мнѣ исполнилось восемь годовъ, меня послали вмѣстѣ съ моими друзьями по шалостямъ въ школу. Тогда въ первый разъ я узналъ науку, которая меня не мало заинтересовала, такъ что когда я сталъ читать, еще по слогамъ, то мнѣ хотѣлось уже читать книги и знать больше, что зналъ. Никакая бумажка, найденная мной на дорогѣ, или еще гдѣ, не оставалась непрочитанной. Первая зима въ школѣ прошла для меня незамѣтно. Весной, когда кончились занятiя, я снова свободно бѣгалъ по лугу. Цвѣты и прочiя растенiя стали еще больше меня интересовать, потому что про нихъ кое-что было говорено намъ въ классѣ, зналъ нѣкоторыя названiя ихъ, но опредѣлялъ ихъ плохо: васильки называлъ ромашкой, незабудками часто назывались колокольчики, лѣсные цвѣты всѣ были для меня ландышами. Бѣгать такъ мнѣ скоро наскучило, я вспомнилъ, что могу читать, пошелъ къ своему учителю и попросилъ у него книжку. Онъ мнѣ давалъ дѣтскiя книжки, сказки и дѣтскiе разсказы. Я, заинтересованный ими, все больше сталъ предаваться чтенiю.

Другая и третья зима промелькнули также, какъ и первая.

Я кончилъ учиться въ 1903 г. Сдалъ экзаменъ, получивъ въ награду двѣ книжки, свидѣтельство и похвальный листъ. Лѣто послѣ экзамена провелъ дома, помогалъ отцу въ полѣ бороновать, косилъ, привыкалъ жать, любилъ ѣздить въ ночное, а когда было свободное время, то я брался за книгу и читалъ. Учитель мнѣ далъ книгу подъ заглавіемъ „Саардамскій плотникъ". Она меня очень заинтересовала, а больше то, что плотникъ этотъ былъ самъ Петръ Великій. Прочитавши эту книжку, я не утерпѣлъ и спросилъ у учителя: „почему Петръ Великій былъ царь, а плотникъ". Учитель мнѣ разсказалъ, что онъ любилъ свой народъ, а также любилъ науку, онъ хотѣлъ, чтобы народъ больше зналъ, для того онъ поступилъ въ плотники, чтобы научиться строить корабли и чтобы мы на нихъ могли ѣздить по морю такъ же, какъ по дорогѣ. Тогда я сталъ мечтать о морѣ и корабляхъ, что по нему плаваютъ, но я только могъ объ этомъ мечтать, а видѣть мнѣ этого было негдѣ. Я представлялъ себѣ море и идущій по нему на колесахъ корабль, но потомъ увидѣлъ на картинѣ, что колесъ у корабля нѣтъ, тогда я его представлялъ, какъ сани. Но хотѣлось узнать, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ и далъ себѣ слово, что когда выросту большой, то обязательно поступлю въ моряки и буду плавать на корабляхъ.

Такъ прошло лѣто. Осенью 1-го сентября скончался мой отецъ. Вскорѣ послѣ его похоронъ меня отправили въ Москву къ портному въ ученики, котораго отецъ зналъ и просилъ его объ этомъ. Эта такая томная работа мнѣ не понравилась съ перваго дня и я радъ былъ ее бросить, но не зналъ, куда потомъ идти; знакомыхъ никого не было, никуда не позволено было выходить и не было свободнаго времени для чтенія книгъ, которыя я успѣлъ полюбить, да и негдѣ ихъ было взять. Какъ птичка въ клѣткѣ, такъ и я томился въ этой неволѣ, за каждое маленькое недоразумѣніе былъ битъ хозяиномъ и мастерами, сколько было пролито невинныхъ дѣтскихъ слезъ, сколько проведено безсонныхъ ночей. Я пробовалъ писать матери домой, чтобы она меня взяла обратно, но она мнѣ отвѣчала: „потерпи, а потомъ будешь съ вѣчнымъ кускомъ хлѣба". Такъ я остался жить въ этой кабалѣ. Цѣлой вѣчностью мнѣ показались эти четыре года обученія сталъ уже мастеромъ, но все же мнѣ эта работа была противна и при томъ стала болѣть грудь. Я сталъ искать себѣ другую работу, такую, гдѣ бы я могъ чему нибудь учиться и читать

книги, которыя не выходили изъ моей головы. Найти такую работу было трудно и въ 1908 году я поступилъ на прядильную фабрику, гдѣ пряли искусственный шелкъ. Сначала былъ прядильщикомъ, а потомъ сталъ вѣсовщикомъ. Было свободное время для того, чтобы читать. Читалъ много, но понимать всего не могъ, а спросить было не у кого. Купилъ себѣ и учебники, но въ нихъ открыть самому все было трудно, ходить и брать гдѣ нибудь уроки, на это не хватало средствъ, потому что я изъ своего заработка помогалъ матери.

Товарищи по фабрикѣ надъ моимъ ученьемъ начинали смѣяться и никто не хотѣлъ понять моего желанія и смотрѣли на всѣ мои работы съ насмѣшкой. Видя, что ничего не получается изъ моихъ занятій, съ болью въ душѣ я ихъ прекратилъ, только читалъ книги, наконецъ вошелъ въ близкое знакомство съ фабричными рабочими, которые и увлекли меня за собой. Я сталъ, какъ и большинство людей, посѣщать увеселительныя мѣста и нашелъ въ нихъ развлеченіе. Искру къ наукѣ, что было во мнѣ разгорѣлась, я потушилъ, но она по временамъ вспыхивала, я снова брался за учебники, но при первомъ затрудненіи опять откладывалъ ихъ и шелъ гулять. Такъ жилъ я до двадцати одного года.

1-го ноября 1913 года я былъ принятъ на военную службу. Когда меня принимали, я заявлялъ свое желаніе, чтобы меня приняли служить во флотъ, но врачи признали меня неспособнымъ къ этой службѣ и я былъ зачисленъ на службу въ пѣхотный полкъ, а флотъ такъ и остался для меня мечтою.

Когда я прибылъ въ полкъ, я сталъ солдатомъ, меня пѣхотная служба заинтересовала, я полюбилъ гимнастику, которая по моей неразвитости мнѣ трудно давалась, но со временемъ я ее изучилъ. Потомъ выбранъ былъ въ учебную команду, но это не пришлось окончить, потому что 18 іюля 1914 г. разыгралась война съ Австро-Германіей, и мы должны были выступить на защиту отечества.

Такъ какъ полкъ нашъ стоялъ близко къ границѣ, то мы должны были первыми вступить въ бой. Съ начала войны мы побѣдоносно шли въ глубь страны нашего врага, Германіи, но 17 августа потерпѣли неудачу около г. Нейденбурга на Мазурскихъ озерахъ Восточной Пруссіи. При этомъ случаѣ я былъ раненъ въ лѣвую ногу и чуть не остался въ плѣну, но рана была не опасна, и я сумѣлъ выйти оттуда,

хотя трудно мнѣ это пришлось. Послѣ этого раненія я пролежалъ въ полевомъ госпиталѣ двѣ недѣли, потомъ опять возвратился на позицію, но попалъ уже въ другой полкъ. Въ бою при городѣ Маріамполѣ Сув. губ. я былъ раненъ осколкомъ снаряда подмышку правой руки и послѣ этого раненія пролежалъ въ Москвѣ въ частномъ лазаретѣ два мѣсяца. Тогда снова возвратился въ свой пѣх. II полкъ, который былъ въ тылу арміи и формировался.

8-го февраля 1915 года мы снова были на позиціи подъ г. Гродно. Тамъ намъ удалось отстоять городъ отъ многочисленной, давившей на насъ германской арміи и отбросить ее за предѣлы г. Августова. Послѣ этой побѣды мы перешли въ наступленіе въ другое мѣсто, 1-го марта мы были уже близъ г. Остроленка и тамъ въ сраженіи 2 марта я былъ опять раненъ пулею въ лѣвую руку, которая и осталась въ рукѣ. Я былъ на этотъ разъ отправленъ на излеченіе въ Петроградъ, гдѣ и былъ помѣщенъ въ *** городской лазаретъ. Первое время отъ сильной боли и отъ переутомленія я даже не могъ ходить и лежа въ постели, иногда читая книгу: „Дѣти капитана Гранта“, опять хотѣлъ учиться и знать болѣе, чѣмъ зналъ.

Однажды я услышалъ—смотрительница лазарета опрашивала, кто хочетъ учиться грамотѣ. Я былъ грамотный, но пожелалъ пойти и еще болѣе усвоить грамоту. Я радъ былъ, что есть еще возможность учиться. Когда мнѣ было позволено пойти на занятія, я, несмотря на свои недомоганія, съ радостью пошелъ и узнавъ, что тамъ учили раненыхъ не только грамотѣ, но преподавали и болѣе сложные предметы, которыми я заинтересовался, и съ тѣхъ поръ уже въ лазаретъ приходилъ только ночевать.

Преподавательницей той группы, въ которую я записался, была учительница городского училища А. М., она и приняла участіе въ моихъ желаніяхъ учиться, я былъ на верху блаженства и радости.

Время не стояло, а летѣло такъ быстро, что я не замѣтилъ, какъ пришла пора мнѣ на выписку. Раны мои заживали, пуля изъ руки была извлечена, и 11 августа 1915 г. я былъ освобожденъ комиссіей вовсе отъ службы. Надо было покидать лазаретъ, но мнѣ жалко было оставить занятія. Я просилъ опять А. М., чтобы она похлопотала объ устройствѣ меня на курсы, которые предполагались быть устроены для раненыхъ — увѣчныхъ воиновъ.

Такъ какъ я давно уже не видалъ свою старушку мать, то мнѣ захотѣлось побывать на родинѣ, отдохнуть, подышать на свободѣ свѣжимъ воздухомъ и утѣшить осиротѣлое семейство, которое лишилось всѣхъ работниковъ по хозяйству, были тамъ только дѣти да бабы. Мать и все семейство наше моему пріѣзду были очень рады, но помочь имъ въ ихней работѣ ничѣмъ не могъ, — рука мнѣ отказывалась служить. Отдохнуть на родинѣ было можно только физически, но душой отдохнуть не удалось.

Всѣ молодые мужчины были на войнѣ, дома оставались только старики да дѣти, кругомъ все казалось скучно и грустно. Я взялъ съ собой нѣкоторые изъ учебниковъ и по нимъ опять сталъ заниматься, но опять одинъ и впередъ плохо шелъ, а стоялъ на одномъ мѣстѣ, не оставлялъ также писать стихи и читалъ книги, которыя бралъ у сельскаго учителя.

Чѣмъ я дольше жилъ въ деревнѣ, все больше мной овладѣвала тоска. И 16 октября я уѣхалъ снова въ Петроградъ, гдѣ меня и устроили на мѣсто.

Здѣсь я тоже не покидаю своихъ занятій. Хожу въ читальню. Свободнаго времени имѣю много и праздно оно не проходитъ. Жду открытія курсовъ, желаніе мое: быть хотя сельскимъ учителемъ и свою небольшую науку передать малышамъ, можетъ кто и будетъ находить въ ней пользу.

ТЕРПѢНІЕ ДА ТРУДЪ ВСЕ ПЕРЕТРУТЪ.

Подпрапорщика Ковалева.

АВТОБІОГРАФІЯ.

Я выросъ въ крестьянской семьѣ. Когда мнѣ исполнилось восемь лѣтъ, я былъ отданъ въ сельскую школу учиться. Учился я прилежно, а потому наука давалась мнѣ легко. По окончаніи сельской школы мнѣ еще хотѣлось учиться, но средствъ не хватало. Учитель, зная мое прилежаніе къ наукѣ, опредѣлилъ меня въ городское училище, гдѣ, пробывъ два мѣсяца, я уволился, какъ неимѣющій средствъ. Учитель мнѣ сказалъ: „Проси земскаго начальника, и онъ тебя опредѣлитъ куда нибудь учиться на земскій счетъ, какъ сироту". Мнѣ было уже двѣнадцать лѣтъ, отца

и матери не было, были два брата, но они и думать обо мнѣ не хотѣли.

По совѣтамъ учителя я долженъ былъ отправиться къ земскому начальнику съ просьбой, безъ всякой на то помощи. До города, гдѣ жилъ земскій начальникъ, было двадцать верстъ.

Всталъ я утромъ рано, у братьевъ спрашивать совѣта не сталъ, по случаю не задержали бы меня. Помолился Богу, взялъ себѣ немного хлѣба, потому что купить не на что было, и отправился въ городъ пѣшкомъ. Въ двѣнадцать часовъ дня я былъ уже у земскаго начальника. Былъ ясный апрѣльскій день. На дворѣ у земскаго начальника толпилось множество народа: одни отходили, другіе подходили по разнымъ дѣламъ. Долго я сидѣлъ и ждалъ своей очереди, когда настанетъ мой часъ и думалъ: „Люди собрались по важнымъ дѣламъ, а я зачѣмъ? Что мнѣ земскій начальникъ скажетъ? Какъ мнѣ подойти къ нему?“ Когда всѣ ушли и земскій начальникъ былъ свободенъ, было четыре часа пополудни.

Осмѣливаюсь, захожу въ комнату къ земскому начальнику; ему доложили, выходитъ земскій начальникъ ко мнѣ и спрашиваетъ: „А тебѣ что нужно?“ Я къ нему обращаюсь съ просьбою: „Ваше Высокоблагородіе, я—сирота, не имѣю никакихъ средствъ, а хочу учиться, нельзя ли опредѣлить меня куда нибудь на казенный счетъ?“. Земскій начальникъ посмотрѣлъ на меня, да и говоритъ „Ну, хорошо“. Взялъ листъ бумаги, подалъ мнѣ и молвилъ: „Напиши что нибудь“. Я написалъ нѣсколько словъ и онъ сказалъ: „Довольно. Подожди тамъ немного, я тебя позову“.

Ожидалъ я отвѣта на дворѣ около двухъ часовъ,—смотрю, земскій начальникъ съ ружьемъ на плечѣ и охотничьими собаками выходитъ въ садъ. Думаю: онъ забылъ про меня, подхожу, онъ оглянулся и воскликнулъ: „Охъ, я и забылъ про тебя, ты обѣдалъ сегодня или нѣтъ?“. Я отвѣтилъ, что нѣтъ; онъ спросилъ меня: „Тебѣ далеко итти домой? откуда ты?“. Я сказалъ, что съ села Павловки, а до села Павловки—двадцать верстъ. „Ты пѣшкомъ?“. Отвѣчаю: „Да пѣшкомъ“. „Такъ ты ночуй у насъ“. Позвалъ прислугу и велѣлъ накормить меня. Въ восемь часовъ вечера земскій начальникъ позвалъ меня къ себѣ, далъ мнѣ письмо и велѣлъ отнести его въ земскую управу. Въ земской управѣ взялъ у меня письмо кто то изъ членовъ управы, прочиталъ его

и, обратясь ко мнѣ сказалъ: „Земскій начальникъ спрашиваетъ про стипендіи, но сейчасъ ихъ нѣтъ, будутъ—сообщу“, и что то написалъ въ отвѣтъ. Земскій начальникъ на этотъ отвѣтъ мнѣ сказалъ: „Стипендій пока нѣтъ, а ты напиши прошеніе, что желаешь поступить въ Майновское сельско-хозяйственное училище на казенный счетъ и подай это прошеніе въ Управу, а когда будутъ производиться экзамены для поступленія въ это училище, тебя увѣдомятъ. Мнѣ тоже напомни объ этомъ, а если меня не будетъ, то въ Управѣ состоитъ членомъ моя сестра и ты обратишься къ ней“. Переночевавъ въ кухнѣ, гдѣ помѣщались служащіе, утромъ рано я отправился домой, чтобы разсказать обо всемъ этомъ учителю и попросить совѣта, какъ лучше написать. Труденъ былъ для меня этотъ переходъ, такъ какъ я былъ еще и голоденъ, но ноги поднимались у меня легко, и я не чувствовалъ никакой для себя усталости, мнѣ не думалось про усталость, потому что сердце мое было полно радости, что мнѣ не отказали и навѣрно уже теперь я поступлю учиться. Не заходя домой, я зашелъ къ учителю разсказать обо всемъ этомъ и написать прошеніе. Учитель подалъ мнѣ стаканъ чаю, составилъ черновикъ прошенія, велѣлъ мнѣ переписать его и отнести подать въ Земскую Управу. Я былъ до безумія радъ, мнѣ не предстояло теперь трудной задачи, вотъ сегодня перепишу, а завтра отнесу. Придя домой, я никому объ этомъ не говоря ни слова, сажусь въ свободный уголокъ и начинаю скорѣе переписывать. Окончивъ свое дѣло, я спряталъ все это до слѣдующаго дня. Мнѣ казалось, что не все еще не сдѣлано, но наконецъ я вспомнилъ, что я голоденъ еще со вчерашняго дня. Что мнѣ покушать?—спросить не было у кого. Братья смотрѣли на меня, какъ на блуднаго сына, что не помогалъ имъ въ работѣ. Нашелъ немного хлѣба, утолилъ свой голодъ и опять мнѣ вспомнилось, какъ бы раньше завтра отправиться въ городъ. На слѣдующій день я отправился съ прошеніемъ въ Земскую Управу. Придя въ Управу, я спросилъ: „А что здѣсь сестра земскаго начальника?“ Мнѣ сказали, что здѣсь и черезъ нѣсколько минутъ я увидѣлъ передъ собой молодую женщину, которая, обратясь ко мнѣ спросила: „Вы меня спрашиваете?“ „Да, я“, отвѣтилъ я, и разсказалъ все, то, что было сказано мнѣ земскимъ начальникомъ. „Пріемные экзамены будутъ одиннадцатаго сентября, я тогда сообщу“, отвѣтила она, „а пока вы свободны“. Было это двадцать пятаго апрѣля, ожидать было долго, но что дѣлать, „терпѣніе да трудъ

все перетрутъ", говоритъ русская пословица. Въ одинъ прекрасный майскій день, встрѣтясь со мною, учитель мнѣ говоритъ: „Есть объявленіе на поступленіе въ слесарно-техническое училище, гдѣ пріемные экзамены двадцатаго мая, не желаешь ли туда?" Я согласился, потому что ожидать было долго и кромѣ того я сомнѣвался еще въ поступленіи. На эти экзамены нужно было явиться лично въ училище, которое находилось отъ моего жительства въ сорока пяти верстахъ въ другомъ уѣздѣ. До экзаменовъ оставалось уже три дня, надежды на помощь нужно было ожидать только отъ одного Бога. Семнадцатаго мая я долженъ былъ отправиться въ это училище. Помолился Богу, взялъ съ собою нѣкоторые учебники, хлѣба на дорогу, какъ не имѣлъ другихъ средствъ, и отправился. До города я въ этотъ день не дошелъ, а переночевавъ въ одной изъ попутныхъ деревень, на слѣдующій день въ десять часовъ утра я уже былъ въ училищѣ.

Училище состояло изъ множества каменныхъ зданій, гдѣ размѣщены были разныя мастерскія. Мнѣ указали на одно изъ большихъ зданій, куда собирались ученики для испытаній. Въ двѣнадцать часовъ дня былъ приготовленъ обѣдъ, гдѣ я подкрѣпилъ свои силы. Насталъ жданный часъ. Двадцатаго мая въ десять часовъ утра мы всѣ были размѣщены въ классѣ для испытаній. Сюда прибыли начальствующія лица училища, а также и коммиссія для испытаній. Экзаменъ состоялъ въ письменныхъ работахъ: ариѳметики, диктанта, чтенія, и нѣкоторыхъ устныхъ вопросовъ. У меня все было удачно и я былъ въ полной надеждѣ на поступленіе. По окончаніи экзамена было прочитано кто выдержалъ экзаменъ и остается въ училищѣ, и здѣсь были выданы на руки пособія и черезъ два дня приступили мы къ настоящимъ занятіямъ. Пробывъ здѣсь въ училищѣ два мѣсяца, мы были распущены на августъ мѣсяцъ на каникулы. Въ училищѣ хотя и хорошая мнѣ жизнь была, но все-таки на каждомъ шагу мнѣ думалось про Майновское училище, куда было подано прошеніе раньше. По прибытіи на каникулы я разсказалъ о своихъ мечтахъ учителю и онъ мнѣ совѣтовалъ явиться на экзаменъ одиннадцатаго сентября для поступленія въ Майновское училище. Къ первому сентября я не явился съ каникулъ въ училище, сообщивъ, что я боленъ и не могу во время явиться.

Одиннадцатаго сентября я явился въ Земскую Управу держать экзаменъ на поступленіе въ Майновское сельско-хозяйственное училище. Предсѣдатель Управы, узнавъ отъ меня, что я

состою на казенномъ счетѣ въ техническомъ училищѣ и хочу поступить въ Майновское училище, никакъ не соглашался допустить меня къ экзамену, но только по просьбѣ сестры земскаго начальника я остался держать экзаменъ. На экзаменахъ на всѣ вопросы отвѣчалъ хорошо, но былъ зачисленъ только въ число кандидатовъ, въ виду того, что предсѣдатель Управы не хотѣлъ меня отрывать отъ техническаго училища, а на мое мѣсто въ Майновское училище назначалъ другого. Я былъ зачисленъ въ число кандидатовъ и оставался ожидать еще до двадцатаго сентября. Узнать, что я уже не буду принятъ въ Майновское училище, мнѣ было очень печально и я временами, когда задумывался, то даже плакалъ. Опечалившись на то, что, какъ достойный и знающій, не поступилъ въ Майновское училище лишь изъ за того, что предсѣдатель не пожелалъ меня опредѣлить, я не поѣхалъ въ техническое училище. Къ какой цѣли нужно прибѣгнуть я и самъ не могъ дать себѣ отвѣта. Думалъ только одно, что въ скоромъ времени предстоитъ мнѣ военная служба, откуда я могу почерпнуть нѣкоторыя данныя для своей цѣли. Когда настало время военной службы, я самъ заявилъ, что желаю служить. На военную службу поступилъ я жеребьевымъ. Правъ по образованію я не имѣлъ никакихъ. Службу несъ я въ рядахъ со всѣми одинаково, но стараніе и знаніе мое скоро явилось въ лицѣ начальствующихъ лицъ. По окончаніи четырехъ-мѣсячнаго образованія, какъ полагалось по закону, я первымъ былъ зачисленъ въ учебную команду. Учебная команда существовала для подготовки унтеръ-офицеровъ по образованію войскъ. Учебную команду я кончилъ первымъ и былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. Не успѣлъ я оглянуться, какъ началась Русско-Японская война. На войнѣ не о чемъ было уже больше думать, какъ выполнить свой долгъ: побѣдить врага. По окончаніи войны я остался невредимымъ и за хорошую усердную службу я всегда былъ въ полномъ довѣріи своего начальства. По окончаніи дѣйствительной службы, по просьбѣ командира, я остался на сверхурочную службу и былъ произведенъ въ фельдфебели. Чтобы дать хорошее воспитаніе сверхсрочнымъ нижнимъ чинамъ, были учреждены въ частяхъ войскъ школы подпрапорщиковъ. Я былъ командированъ въ школу подпрапорщиковъ и, пробывъ тамъ десять мѣсяцевъ, я успѣшно окончилъ эту школу и былъ произведенъ въ подпрапорщики. Служа подпрапорщикомъ, мнѣ недостаточнымъ казалось еще мое образованіе. Мое стремленіе, мои мечты къ ученью

всегда меня безпокоили, но мнѣ не было свободы. Всегда, какъ была мнѣ только свободная минута я бралъ какой нибудь учебникъ и, внимательно просматривая его, думалъ: „на службѣ и безграмотному можно служить, а послѣ службы куда я.... Какую должность я могу себѣ найти?". Но свободная трудовая минута моя въ ученьѣ не пропала даромъ. Я готовился и думалъ: держать экзаменъ на классный чинъ и при помощи учителя реальнаго училища черезъ мѣсяцъ такой подготовки я былъ въ надеждѣ выдержать экзаменъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1914 года, въ Верхнеудинскомъ реальномъ училищѣ я выдержалъ экзаменъ на классный чинъ. Духъ у меня немножко ободрился, что мои труды и мечты не пропали даромъ. Мнѣ вспомнилось теперь то время, когда я стремился поступить куда нибудь учиться, но мнѣ все это было недоступнымъ, чему и положенъ былъ конецъ военной службой. На военной службѣ, несмотря на свои труды и заботы, я все-таки не оставилъ своей мечты, которая безпокоила меня день и ночь. Мнѣ нужно было свои служебныя обязанности выполнять, чтобы не было ослабленія въ службѣ. Мнѣ нѣтъ никакой свободы. Мнѣ службу нельзя оставить, потому что не имѣю средствъ, но мечты своей я не оставилъ. Я думалъ: „много терпѣлъ и трудился, и еще буду трудиться, но достигну своей цѣли. Терпѣніе и трудъ все перетрутъ". Несмотря на то, что не имѣлъ я никакой свободы, я все-таки выдержалъ экзаменъ на классный чинъ, но стремленіе къ ученію все еще не могъ оставить. Я очень любилъ учительскую должность и мнѣ хотѣлось быть учителемъ сельской школы. Не оставляя своего намѣренія, я опять принялся за свой трудъ въ свободныя минуты своей службы. День за днемъ у меня было все больше и больше охоты къ своимъ намѣреніямъ. Теперь мнѣ путь очищенъ и глаза мои просвѣтлѣли. Мнѣ ничего не было затруднительнымъ, я очень радъ былъ, что иду по ступенямъ своего задуманнаго плана. Приближалось время къ сентябрю мѣсяцу 1915 года, гдѣ долженъ былъ быть мой роковой часъ задуманнаго плана, но судьба не дала докончить этотъ планъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ сего года была объявлена мобилизація. Здѣсь уже не моя судьба, а судьба всей Россіи, которую должны мы выполнить, какъ члены рѣшаемой задачи. Но на все Господня воля. Если суждено мнѣ умереть за Государя и отечество, такъ умру, но если не суждено, то никогда не намѣренъ оставить своего задуманнаго плана. Терпѣлъ и терпѣть буду. Терпѣніе да трудъ все перетрутъ.

ЖИЗНЬ КРЕСТЬЯНИНА.

Аванасія Минина.

Уроженецъ я Пермской губерніи, но теперь живу въ Тобольской губерніи. Рожденіе мое 1886 года 18 января, и вотъ, когда я родился, то отецъ мой хотѣлъ меня отдать кому-нибудь въ дѣти, но мать моя не давала и говоритъ она отцу: „Лучше я буду по міру ходить и ихъ кормить, а въ дѣти не отдамъ“. И вотъ на это мой отецъ осерчалъ, ушелъ неизвѣстно куда и бросилъ онъ свою жену и пятерыхъ дѣтей. Но мать наша старалась всѣхъ насъ воспитать и воспитывала такъ, что гдѣ по міру обойдетъ, а гдѣ какую копейку заработаетъ—это держитъ на бѣлье и одежду. И вотъ какъ насъ мать питала и одѣвала до 1889 года, потомъ является нашъ отецъ, но только не домой, а въ кабакъ, и сталъ онъ выпивать и свою жену поджидать, чтобы моя мать, а его жена, пришла и позвала его вмѣстѣ жить; но мать наша не пошла и не просила его,—онъ пришелъ самъ. Ну, все же и за это сердился на мать нашу, но когда онъ пришелъ домой и сталъ жить въ семьѣ родной, то все что-то его тревожитъ и сердце его безпокоитъ. А я, какъ былъ совсѣмъ маленькій, ничего не примѣчалъ и ничего во вниманіе не бралъ, а только зналъ, что сходить и поиграть при низинкѣ на лужкѣ, маленькихъ лягушекъ ловить и въ водѣ ихъ топилъ, и въ этомъ время проводилъ. А отца моего все что-то тревожитъ и вотъ частенько онъ, съ такой досады, нашей матери произносилъ такіе удары, что мать моя по нѣсколько минутъ лежала безъ памяти; а потомъ померла. Сестра, на два года меня старше, да еще потомъ померъ мой братъ, на три года меня моложе, и осталось насъ только трое; тогда мой отецъ разгнѣвался на такую печальную жизнь и вотъ онъ рѣшился въ 1890 году ѣхать въ Тобольскую губернію. И вотъ, когда мы пріѣхали въ Тобольскую губернію, то я первыхъ два года проводилъ въ игрѣ и баловствѣ, а потомъ уже сталъ меня отецъ заставлять работать. И вотъ я по своей силѣ сталъ работать, и также какъ и взрослые, ходилъ жать пшеницу, овесъ и ячмень. А въ зимнее время, мнѣ уже стало шесть лѣтъ. Отецъ мой жилъ въ работникахъ, братъ мой тоже жилъ въ работникахъ, на 7 лѣтъ меня старше, сестра моя, на 10 лѣтъ меня старше, тоже жила въ городѣ, въ стряпках[illegible] а другая ходила работать поденно, а я, шести лѣтъ мальчи[illegible]а, сидѣлъ дома и оставляли на меня напоить и накормить

одну лошадь и корову, а также оставляли на меня и хлѣбъ испечь. Вотъ такъ я цѣлый день провожаю: хлѣбъ пеку, лошадь и корову пою, да кормлю; и такъ я прожилъ до масленки, а когда насталъ большой постъ, то сестра была уже все время дома и меня научила вязать сѣти для рыбной ловли. Я сидѣлъ и вязалъ ихъ и заработалъ себѣ къ Пасхѣ рубашку и шаровары. Такъ я и до лѣта дожилъ. Лѣтомъ сталъ меня братъ учить боронить, но я это все понималъ скоро и хорошо; потомъ пришелъ и сѣнокосъ и сталъ меня отецъ учить косить. Косы отецъ хорошо направить не могъ. И такъ мы. вся семья, мучились: косили, какъ угорѣлые тараканы по стѣнамъ бродили. Итакъ, я еще нѣсколько лѣтъ и зимъ проводилъ: зимы хлѣбъ пекъ и сѣти вязалъ, а лѣто—сѣно косилъ и хлѣбъ жалъ. А въ 1895 году меня отецъ отдалъ въ училище учиться. Я сперва, недѣли двѣ, учился плохо и понималъ очень худо, а потомъ сталъ понимать больше и учиться лучше. Одну я зиму проучился, а потомъ меня отецъ пересталъ учить. А былъ намъ знакомый начальникъ и онъ просилъ меня у отца и хотѣлъ выучить и какъ слѣдуетъ меня образовать, но отецъ мой меня не отдалъ и говоритъ, что некому работать. И прошло такъ еще два года въ разной работѣ, а потомъ сталъ меня братъ обучать и пахать. Потомъ уже братъ такъ былъ занятъ домашней работой, а я работалъ полевую работу и по цѣлому лѣту я не выѣзжалъ домой—все работалъ: пахалъ и боронилъ. И такъ я жилъ одинъ въ полѣ: все лѣто пахалъ, боронилъ и сѣялъ рожь, но только я имѣлъ одно счастье, что ко мнѣ приходилъ отецъ два раза въ недѣлю. И вотъ, когда я отработался на этомъ полѣ, пріѣзжаю домой, а дома весь хлѣбъ сжали; теперь осталось намъ снопы возить въ кладу класть. Когда мы съ братомъ стали возить снопы, то отецъ нашъ намъ нисколько не пособлялъ. Но снопы были тяжелы, а у меня силы было совсѣмъ мало, потому что я еще былъ совсѣмъ молодой: мнѣ было еще только 13 лѣтъ. Если я цѣлый день проработаю, брату снопы подаю на возъ и на кладь, то я такъ устану, что вечеромъ отъ усталости не могу даже ноги переставлять, а тутъ еще надо ѣхать съ лошадьми, лошадей кормить въ полѣ, да чтобы не проспать, да потравы не продѣлать, чтобы чей-нибудь хлѣбъ не скормить. А когда хлѣбъ и снопы свозили, сложили ихъ въ клади, а потомъ братъ сталъ работать валенки, а я сталъ стога сѣна городить, и все это мнѣ было не подъ силу. И такъ я прожилъ въ такой тяжкой работѣ до 1903 года. И у насъ уже было двѣ пары хорошихъ лошадей

и не имѣли никакой нужды и жили очень хорошо и справно, а потомъ братъ пошелъ врозь. Когда братъ отъ насъ отдѣлился, то отецъ нашъ все раздѣлилъ пополамъ, и на себя только взялъ 70 пудовъ ржаного зерна и одного полутарника жеребенка. А долженъ былъ нашъ отецъ семьдесятъ рублей, и когда братъ ушелъ, то мнѣ уже не на кого было надѣяться, я сталъ работать одинъ. У меня осталось только одна пара лошадей, и я всѣ силы напрягалъ и работалъ на этихъ лошадяхъ: пахалъ, сѣялъ и боронилъ. Итакъ, я на одной парѣ лошадей обрабатывалъ землю и посѣву дѣлалъ десятинъ по 10 и 12. А потомъ я еще купилъ пару лошадей и вотъ тогда у меня дѣло пошло уже лучше, да я еще купилъ нѣсколько штукъ коровъ, и жизнь моя потекла въ очень хорошей радости, не могъ я житьемъ нарадоваться. Хотѣлъ я въ такой жизни пожить, какъ отецъ меня вздумалъ женить. Поѣхалъ я сватать одну дѣвушку, да вторую, и такъ я нѣсколько дѣвушекъ ѣздилъ сватать, но концы концовъ все жъ-таки женился. Но когда женился, то стала мнѣ уже жизнь хуже: все стали съ меня справлять мои родители. Ну, если бы они стали все это взыскивать изъ потиха, тогда бы мнѣ незамѣтно и я бы привыкъ къ этой семейной жизни, но мнѣ все это не нравилось. Однажды я поѣхалъ къ тестю въ гости, а тесть у меня былъ гораздо бѣднѣе насъ, и онъ попросилъ у меня денегъ на овесъ, или же, чтобы я ему далъ овса, и я ему посулилъ и сказалъ, чтобы онъ пріѣхалъ къ намъ, а я что-нибудь вамъ дамъ, потому что я зналъ хорошо, что у отца хотя немного, но деньги были. Когда я пріѣхалъ домой и сталъ спрашивать у своего отца денегъ и хотѣлъ дать тестю, но отецъ мнѣ сказалъ, что у насъ денегъ не хватитъ всѣхъ выручать, у насъ только есть немного денегъ для себя. Тогда я остался предъ тестемъ съ безстыдными глазами. Тогда я пошелъ и попросилъ у зятя пять рублей и онъ мнѣ, слова не сказалъ, далъ мнѣ денегъ. Вотъ я и купилъ для тестя овса. И вотъ, когда пріѣхалъ отъ тестя по овесъ, а мой отецъ въ этомъ чего-то осерчалъ и ушелъ еще утромъ, ничего не ѣлъ, не пилъ. Послѣ я уже узналъ, что онъ у сосѣда обѣдалъ и ужиналъ въ этотъ день, а послѣдующій день утромъ, когда я и моя жена еще спали, когда я проснулся, то слышу, что мой отецъ ругается, и соскочилъ съ постели, сѣлъ на лавку и смотрю на отца, что изъ него получится. И вотъ онъ хотѣлъ ударить мать, но не успѣлъ—мать успѣла отвернуться и онъ сдѣлалъ промахъ, а я въ это время и говорю отцу: „Это что такое, докудова это, тятя, будетъ у насъ“. Отецъ посмотрѣлъ на

меня и говоритъ: „Видимъ, вы съ матерью не хотите меня и кормить, я вчера уже цѣлый день питался въ людяхъ, а ты спишь до сихъ поръ, до этого времени надо уже насыпать сѣмянъ“. А я на это сказалъ, что сѣмена будутъ сейчасъ готовы, и я огнѣвался на это, что отецъ меня покорилъ, что я его не хочу кормить, и я еще сказалъ: „Навѣрно я плохо работаю, а много пропиваю, тогда лучше дай увольненіе и я возьму отъ общества удостовѣреніе и возьму волостнымъ правленіемъ паспортъ и поѣду во всѣ четыре стороны, куда мои глаза глядятъ“. А отецъ мнѣ и говоритъ: „Ступай съ Богомъ“. Когда мой отецъ старостѣ велѣлъ, чтобы мнѣ далъ удостовѣреніе, я поѣхалъ въ Волостное Правленіе и взялъ паспортъ и поѣхалъ вмѣстѣ съ женой на Амуръ, и со мной еще поѣхалъ мой родной братъ, да еще со мной изъ одной деревни Филиппъ Найбукъ. Пріѣхали мы всѣ вмѣстѣ въ Омскъ и не знаемъ, что дѣлать, потому что никто изъ насъ нигдѣ не былъ, но потомъ я нанялъ ломового извозчика за рубль двадцать копеекъ, сложились всѣ вмѣстѣ и поѣхали на станцію. Пріѣзжаемъ на станцію, я взялъ проѣздные билеты до Иркутска. Въ Иркутскъ мы пріѣхали и опять я взялъ билеты до Стрѣтенска, въ Стрѣтенскѣ уже взяли на пароходъ билеты и поѣхали по Амуру до Черняевой, а потомъ тамъ выгрузились и у меня денегъ осталось только пятьдесятъ копеекъ. Потомъ стали на квартиру, пообѣдали, напились чаю и пошелъ искать себѣ работы, чтобы хотя съ голоду не издохнуть. Нашелъ мѣсто за 30 рублей въ мѣсяцъ двоимъ съ женой. Ну, что сдѣлать, въ самомъ дѣлѣ, не съ голоду же пропадать. Взялъ я два рубля денегъ въ задатокъ и пошелъ къ своимъ товарищамъ, и къ женѣ и тамъ я разсказалъ, что нашелъ мѣсто. А братъ мой вздумалъ идти на Зею, и я ему далъ рубль пятьдесятъ копеекъ и онъ того же разу пошелъ, а я пока провожалъ, то мой товарищъ пошелъ и перебилъ у мена это мѣсто, и я остался опять, хотя съ голоду пропадай. Что тогда осталось мнѣ дѣлать? Вотъ я вздумалъ ѣхать въ Рейново-Ждалинда, а денегъ у меня нѣтъ. Пошелъ я, продалъ кошму за три рубля пятьдесятъ копеекъ и два рубля оставилъ женѣ и одинъ рубль пятьдесятъ копеекъ взялъ съ собою. Взялъ на пароходъ поѣздной билетъ за рубль сорокъ копеекъ и осталось у меня еще десять копеекъ. И что я на эти деньги сдѣлаю? И вотъ я и проѣхалъ. Одинъ разъ на пароходѣ чаю напился, больше у меня и хлѣба не осталось. И такихъ, что нечего кушать и не на что купить, насъ нашлось на пароходѣ восемь человѣкъ, да еще, на наше

счастье, пароходъ на перекатѣ сѣлъ на мель; тутъ кое-какъ снялись, да еще второй разъ сѣлъ на мель. Итакъ, онъ въ двухъ мѣстахъ просидѣлъ цѣлый день, да болѣе, какъ сутки намъ надо ѣхать. Вотъ мы всѣ восемъ человѣкъ и ѣдемъ голодомъ. И кое-какъ мы доѣхали до указаннаго мѣста; тамъ же выгрузились и тотчасъ же стали сразу искать работы. Но мы еще въ этотъ день работы не нашли. Переночевали мы кое-какъ и, чуть утро началосъ, опять пошли искать работы; но все-же, концы концовъ, нашли мы работу на постройкѣ желѣзнодорожной станціи, щепы убирать и котловины копать. Поработали мы одну недѣлю и работа наша прекратилась. Но мы заработали по пятнадцати рублей. У насъ люди тогда разошлись,—осталось насъ только четверо. Мы потомъ нанялись косить сѣно и тутъ мы еще заработали по пятьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ. Вотъ я уже и думаю, что, слава Богу, потому что я еще въ своихъ рукахъ не видалъ денегъ. И вотъ я поѣхалъ навѣстить жену. Пріѣхалъ къ женѣ въ Черняеву и тамъ я черезъ три дня поступилъ на мѣсто въ ночной караулъ, тридцать рублей въ мѣсяцъ. Тамъ я прожилъ только восьмеро сутокъ, а потомъ разсчитался, потому что очень безпокойно: ночь ходишь въ караулѣ, а утромъ, чуть начинается свѣтъ, возьмешь трехъ заштукъ быковъ, да и ведешь ихъ на бойню; пока ихъ тамъ зарѣжешь, да привезешь мясо домой, да надо его свѣсить, сколько вытянетъ пудовъ, а потомъ надо его стаскать въ подвалъ, тутъ уже гляди, что время уже одиннадцать, сядешь, пока пообѣдаешь, и еще часъ пройдетъ; тутъ чуть ляжешь, уснешь маленько, хозяинъ уже кричитъ, будитъ „вставай" и говоритъ, что на Лену выѣхалъ, что ли спать. И правда, приходилось спать не болѣе, какъ полтора часа, т. е. одинъ часъ и тридцать минутъ, въ сутки всего. Когда я встану, мнѣ надо хотя немного чаю попить, потому что такъ и хозяинъ завсегда велѣлъ, чтобы я чаю напился, и я только сяду и налью чаю стаканъ, хозяинъ кричитъ изъ дому: „Иди, дай коровамъ травы", и я тотчасъ же соскакиваю и побѣгу, коровамъ сброшу травы и только приду, беру стаканъ и начинаю пить, а онъ еще разъ закричитъ: „Бѣги скорѣй и дай конямъ отрубей". И вотъ я и туда схожу и только лишь успѣю придти на кухню и успѣю сѣсть къ столу и хотя бы выпить стаканъ чаю, какъ хозяинъ закричитъ опять, велитъ собакъ накормить, а собакъ кормятъ супомъ и остатками отъ быковъ, и вотъ опять иду. И никогда не дастъ какъ слѣдуетъ чаю попить. И вотъ такъ все время гоняетъ безо всякой пощады, два раза въ сутки и того

не дастъ какъ слѣдуетъ покушать, а потому я изъ-за этого и разсчитался. Затѣмъ пришелъ я къ женѣ и говорю, что завтра поѣду въ Рейново-Джалинду, а тутъ у меня ничего не выйдетъ, и на слѣдующій день я сталъ ожидать попутнаго мнѣ вѣтра и парохода. Потомъ я гляжу, приходитъ изъ Зеи мой родной братъ. Тутъ я еще одну ночь переночевалъ, а потомъ вечеромъ, мы дождались попутнаго намъ парохода и трое мы сѣли на пароходъ и поѣхали въ Рейново-Джалинду. Пріѣхали мы туда ночью, выгрузились на берегъ Амура. На квартиру уже никуда не пошли, потому что не знали, куда идти, а поутру на берегъ къ намъ пришелъ, Тамбовской губерніи, Яковъ Лобановъ и сталъ насъ звать работать. Мы съ радостью пошли и у него работали пять дней, по два рубля на день, а потомъ узнали, что у Ястребева насыпка на временку желѣзной дороги и я пошелъ и нанялся. Тамъ я проработалъ цѣлый мѣсяцъ и заработалъ 85 рублей и вышелъ опять въ Рейново-Джалинду. Тамъ обулся и одѣлся, какъ слѣдуетъ, и поѣхалъ опять къ женѣ въ Черняеву, затѣмъ привезъ уже ее съ собой и поставилъ на квартиру, а я пошелъ и хотѣлъ угодить на золото-промышленные пріиски на старательскія работы, но мнѣ все равно не пришлось поступить на работу, и я пошелъ дальше. Прихожу на большой Неверъ, т. е. на пріискову почтову станцію, и тамъ опять я нанялся на работу подъ желѣзну дорогу, чистить болото, корчевать кочки, да и тамъ дѣла плохія, и я поглядѣлъ, что дѣло не выйдетъ, заявилъ разсчетъ и пошелъ къ женѣ въ Рейново-Джалинду и тамъ нанялся на распиловку. Тутъ я все-таки немного заработалъ, такъ что за двѣ недѣли заработалъ 38 рублей. Пасху я провелъ хорошо и счастливо, такъ и лѣто прошло у меня кое-какъ, кое-гдѣ работалъ, а осенью заболѣлъ брюшнымъ тифомъ и пролежалъ я въ тифу два мѣсяца, а потомъ избѣгнулъ его. Когда поправился, пошелъ шпалы и брусья тесать для желѣзной дороги и тамъ проработалъ до масляной недѣли, пережилъ масленку, а на первой недѣлѣ большого поста я поѣхалъ на верхне-амурскіе золото-промышленные пріиски. Вмѣстѣ съ женой, когда я пріѣхалъ на пріиски и нанялся тамъ работать. Сталъ работать, работаю годъ, сталъ работать второй, прошелъ въ работѣ и третій годъ. Когда я проработалъ три года, увидѣлъ, что я заработалъ немного денегъ и вздумалось мнѣ ѣхать домой, попровѣдать своихъ родителей. Пошелъ я въ контору заявить расчетъ. Пришлось мнѣ нанимать двѣ пары оленей за пятьдесятъ рублей и поѣхалъ я въ жилое мѣсто, т. е. на станцію желѣзной

дороги и ѣхать мнѣ этого пути было 300 верстъ. Въ этомъ пути мы заблудились и пришлось ночевать подъ открытымъ небомъ въ зимнее время и съ малымъ дѣтямъ. Одинъ разъ было утонули въ рѣкѣ Тымтонѣ, но все же благополучно добрались до желѣзной дороги. Взялъ я проѣздные билеты на новой Амурской желѣзной дорогѣ и отправились въ родную сторону.

МОЯ ЖИЗНЬ ВЪ СИБИРИ.

Ивана Вѣковцова.

Въ 1909 году 1 мая я со своимъ семействомъ, состоящимъ изъ моего отца, матери, двухъ братьевъ, двухъ сестеръ и меня самаго прибылъ въ Сибирь. Остановились въ деревнѣ. Прѣсновкѣ, которая въ настоящее время называется: село Прѣсновское: Дѣло было вечеромъ. Заѣхали къ крестьянину Михаилу Попову ночевать. Поповъ мужикъ самостоятельный, зажиточный, принялъ насъ какъ гостей, честь честью. Деревня эта состояла изъ однихъ сибиряковъ-старожиловъ. Утромъ на второй день я и мой отецъ поразспросили Попова, какая вообще здѣсь жизнь. Поповъ разъяснилъ то и то, однимъ словомъ, хорошая, намъ понравилась. Мы рѣшили проживать здѣсь навсегда, но какъ это сбудется, намъ ничего неизвѣстно. Кстати, въ этотъ же день въ деревнѣ Прѣсновкѣ собрался сельскій сходъ. Мы, присутствовавшіе на сельскомъ сходѣ, стали просить крестьянъ того же схода, чтобы они приписывали насъ къ числу своего общества. Крестьяне Прѣсновскаго сельскаго схода, выслушавши нашу просьбу, постановили: принять въ среду своего общества съ условіемъ, чтобы мы за каждую земельную долю заплатили 50 рублей, деньги же эти собрать въ общественную сумму. Мы на такомъ условіи согласны, но дѣло въ томъ, что денегъ то у насъ всего 50 рублей, такъ какъ мы были бѣднаго состоянія, а съ насъ требовали 200 рублей. Мы просили крестьянъ вышесказаннаго схода, чтобы они взяли съ насъ только задатокъ 50 рублей, остальныя до осени. Сельскій сходъ согласился и на такомъ условіи, о чемъ постановилъ общественный приговоръ. Съ этого дня, т. е. со 2 мая, считались мы крестьянами деревни Прѣсновки, Покровской волости. Стали думать, какъ же заводить хозяйство, не имѣя ничего. Какъ? да при помощи своего труда! Предложили Попову построить кир-

пичный заводъ, на что Поповъ согласился. Приступили къ работѣ и у насъ заводъ черезъ двѣ недѣли готовъ. На заводѣ работалъ я съ меньшимъ братомъ и отецъ. Каждый день мы зарабатывали на троихъ два рубля. Кирпичъ стали сдавать Попову, который у него пошелъ въ продажу сильно, за неимѣнiемъ поблизости въ окружающей мѣстности кирпича. Благодаря этому заработку, мы собрали въ три мѣсяца около 200 рублей, да изъ Россiи прислали 200 р., итого денегъ у насъ было около четырехсотъ рублей. Работа изъ-за холоду прекратилась на заводѣ съ 15 августа, но вмѣсто этой работы, наступила уборка хлѣба, это для насъ еще выгоднѣе, потому что за уборку каждой десятины, только связать хлѣбъ да поставить тутъ же въ снопахъ, платили намъ 5 рублей. Про харчи уже не будемъ ничего говорить, потому что въ Сибири, какiя бы ни были работы, все на хозяйскихъ харчахъ. Проработавши съ мѣсяцъ, мы заработали сто двадцать рублей, убирая каждую десятину при помощи сестры и матери въ одинъ день. Къ осени уже у насъ скопилось пятьсотъ рублей, изъ которыхъ: сто пятьдесятъ рублей отдали въ общество за приписку, за сто рублей купили пару лошадей, за восемьдесятъ—избу деревянную, отстроенную совсѣмъ, одну корову за двадцать рублей, овецъ пять штукъ, двухъ поросятъ и штукъ десять куръ. На остальные хлѣба запасли до новаго и на сѣмена, а къ зимѣ одежды съ обувью да разныхъ овощей. Такъ мы за одно лѣто и осень стали крестьянами, подходящими къ старожиламъ-сибирякамъ. Зимою раздѣлили заповѣдный лѣсъ, т. е. строевой, по земельнымъ долямъ. Намъ на четыре доли пришлось порядочно. Этотъ лѣсъ мы рѣшили срубить и употребить его на постройку дома и кирпичнаго сарая. Такъ и сдѣлали. Сейчай-же приступили къ работѣ: перевезли его домой и наняли плотниковъ рубить домъ. Моложе меня братъ пошелъ на зиму въ работники, за котораго мы съ хозяина получили 35 рублей и отдали плотникамъ. Однимъ словомъ—жизнь у насъ шла хорошо противъ россiйской. Говорили, что въ Сибири страшная мошка, которая заѣдаетъ скотину до смерти и что тамъ нѣтъ никакихъ фруктовъ,—все оказывается, наоборотъ. Въ Сибири нѣтъ мошки и комаровъ, въ особенности въ нашей мѣстности, а фруктовъ сколько угодно, не только лѣтомъ, но и зимой, хотя и за деньги но въ Россiи не каждый имѣетъ фрукты своего сада. У насъ растутъ арбузы, огурцы и разная мелкая овощь, которую можно купить за недорогую цѣну; рыбы сколько угодно, несмотря на

то, что война. Затѣмъ, хлѣбъ у насъ дешевле, такъ какъ его много, скотина тоже. Хлѣбъ у насъ въ деревнѣ не покупаетъ никто, потому что кто не имѣетъ, идетъ къ имѣющему и говоритъ: „Дайте мнѣ нѣсколько пудовъ пшеницы, а я вамъ отработаю, или же намолочу своего и привезу“. Крестьянинъ, который имѣетъ хлѣбъ, ни слова не говоря, даетъ ему сколько угодно; за скотиной тоже не дорожатъ, потому что имѣютъ каждый по нѣсколько штукъ. Въ Сибири народъ болѣе уважательный и дружный: если бѣдный чѣмъ-нибудь удружилъ богатому, то тотъ уже заботится, какъ бы помочь бѣдному, чтобы онъ былъ самостоятельнымъ хозяиномъ. Такимъ образомъ, въ Сибири народъ, при помощи другъ друга, живетъ почти одинаково, вотъ почему мнѣ и нравится жизнь въ Сибири. Тамъ есть что ѣсть и пить, обувать и одѣвать, не имѣя ни въ чемъ нужды. Лѣтомъ только работаютъ, а зимой кормятъ скотину, наслаждаются отдыхомъ, гуляньемъ, да катаніемъ на лошадяхъ.

Вотъ какова жизнь въ Сибири.

О ДЕРЕВНѢ.

Ивана Никитина.

Въ Волынской губерніи, Владимиръ-Волынскаго уѣзда, Микуличской волости есть село Яковичи, о которомъ и хочу сказать нѣсколько словъ,—это мое родное село. Оно состоитъ изъ девяноста дворовъ жителей крестьянъ, а на южной окраинѣ— помѣщичья усадьба. Расположено оно между двумя небольшими возвышенностями на ровной низинѣ. Съ двухъ сторонъ орошается двумя небольшими рѣчками, вытекающими изъ горныхъ ключей, и дающими хорошую питьевую воду даже въ сильныя засухи, когда высыхаютъ колодцы. Вокругъ села вьется лентой хорошій лугъ, пестрѣющій своими южными цвѣтами. Дальше идетъ ширь пахатныхъ полей, довольно хорошаго чернозема. У насъ у каждаго хозяина есть садъ, изъ котораго извлекаютъ пользу: сады все фруктовые, а именно: яблони, груши, сливы, вишни и т. д., рѣдко встрѣтишь дерево, занимающее мѣсто зря. Кромѣ пользы, они еще придаютъ селу хорошій видъ, окутавши въ свою молодую зелень и покрывши ею небольшіе деревенскіе дома. Когда проѣзжаетъ незнакомецъ по трактовой дорогѣ и случайно броситъ

взоръ на расположенное въ сторонѣ село, передъ нимъ открывается что-то довольно красивое, въ видѣ какого-то чуднаго искуственнаго парка, гдѣ изъ деревьевъ выглядываютъ однѣ лишь бѣленькія трубы домовъ и надъ ними высится большая каменная церковь, напоминающая, что здѣсь должно быть село. Жизнь крестьяне ведутъ довольно трудную, бѣдовую. Занимаются всѣ исключительно хлѣбопашествомъ, боковыхъ промысловъ никакихъ нѣтъ. Всѣ смотрятъ на кормилицу землю: она единственная надежда на существованіе, отчего и назвали ее кормилицей; развѣ только кто около дома научился какому ремеслу, что ему и даетъ хорошую поддержку въ его хозяйствѣ. Земля у насъ, хотя и хорошая—черноземъ, но ея у насъ очень мало, да и разбита по кусочкамъ, т. е. чрезполосная, что и не позволяетъ крестьянину быть хозяиномъ своей земли, а надо подчиняться общимъ правиламъ, существующимъ во всемъ обществѣ. Нѣкоторыя сосѣднія села сдѣлали хутора, стали каждый управлять своимъ кускомъ земли, какъ ему представляется лучше, и жизнь пошла легче: онъ всегда дома, вся его земля у него на глазахъ и въ его распоряженіи. Наши же односельчане не могли рѣшиться, такъ какъ земля у насъ разная: худая и хорошая, и если попадаетъ одному хозяину весь его участокъ плохой земли, а другому весь хорошій—большія невыгоды, а по полоскамъ достается каждому одинаково. Такъ и не рѣшили, но все-таки улучшили распашку полей. Земля у насъ разбита на трехполье, такъ: озимый хлѣбъ (рожь, пшеница), яровой (овесъ, ячмень, горохъ, просо, чечевица, картофель и т. д.), третье поле—паръ, онъ же служитъ пастбищемъ для скота, такъ какъ у насъ другого нѣтъ. Паръ лежитъ, пока снимутъ покосъ съ луговъ, тогда его вспахиваютъ и подготовляютъ къ озимому сѣву, покосъ переходитъ въ пастбище, пока соберутъ хлѣбъ. Мѣняли сѣвъ такъ: гдѣ былъ паръ, тамъ сѣяли озимый хлѣбъ, послѣ озимаго осенью вспахивали и оставалось къ веснѣ подъ яровой, послѣ ярового—оставался паръ, и такъ изъ года въ годъ. Теперь измѣнили: съ яровымъ хлѣбомъ стали сѣять клеверъ и вмѣсто пара—въ лѣто снимаютъ два покоса клеверу, а кто не посѣялъ клеверу, тотъ вспахиваетъ и сѣетъ вику, значитъ: снимаютъ два покоса клеверу и вспахиваютъ, приготовляя къ озимому хлѣбу. Теперь же приняли всѣ средства къ улучшенію быта, но тутъ-то и выяснился недостатокъ земли, что хотя стали и двойную пользу извлекать изъ земли, однако одна или двѣ десятины не дадутъ, хотя малой,

пользы на существованіе. Очень становится обидно, когда смотришь, что у помѣщика такая хорошая земля пропадаетъ даромъ въ то время, когда другой крестьянинъ въ ней нуждается. У насъ, какъ я уже сказалъ выше, изъ земли только и живутъ, другихъ заработковъ нѣтъ, кромѣ того, что у того-же помѣщика сутки приходится тяжело работать за пятнадцать копеекъ, за которые даже прокормиться невозможно. Со стороны просвѣщенія могу сказать, что оно у насъ поставлено, по сравненію съ другими, много лучше, хотя этому и мѣшаютъ разные хозяйственные недостатки, а все же стараются, чтобы хотя можно было въ трудныя минуты разогнать горе съ книжкой въ рукахъ. Въ нашемъ селѣ почти не встрѣтишь человѣка неграмотнаго, а особенно изъ молодыхъ, и, живя дома, я думалъ, что и нѣтъ неграмотныхъ людей. Но когда мнѣ пришлось побывать чуть-ли не во всѣхъ уголкахъ Россіи, я встрѣтилъ много людей не понимающихъ значеніе своей жизни, и сразу видно, что они жили среди людей, гдѣ нѣтъ никакой воспитанности. Кто виноватъ этому, я уже не знаю, одно только скажу—жалко ихъ, сильно жалко. Итакъ, какъ ни жилось въ нашемъ селѣ, но все же жилось, но вотъ насталъ часъ, что и тихая жизнь нарушилась. Это великая война, когда пришлось все оставить каждому хозяину и бѣжать, куда глаза глядятъ, спасаясь отъ врага—нѣмца. И разсѣялись наши односельчане, кто куда. Какая же жизнь ждетъ ихъ впереди...

ОБНОВЛЕННАЯ ДЕРЕВНЯ. *Александръ Вяткинъ.*

Пожарная организація.

Одинъ уѣздный городокъ, П-ской губерніи, расположенный на высокомъ берегу рѣки К., былъ окруженъ на разстояніи шести верстъ болѣе десятью деревнями; всѣ онѣ, вмѣстѣ съ городкомъ, составляли одну небольшую волость. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ крестьяне этихъ деревень совершенно не имѣли никакого понятія о сельской пожарной дружинѣ, поэтому и неудивительно, что они жили такъ-же, какъ жили ихъ отцы и дѣды. Пожарнаго

инструмента почти совсѣмъ не имѣли, развѣ только кое-гдѣ подъ открытымъ небомъ стояла сорокаведерная бочка на деревянной телѣгѣ безъ колесъ или оглобель, да валялось багро, въ нѣсколько пудовъ вѣсомъ. Поэтому, когда придетъ нежданная бѣда, красный пѣтухъ, этотъ бичъ бѣднаго населенія, такъ о спасеніи имущества нечего было и думать; все, что хозяинъ пріобрѣтаетъ за долгіе годы своей трудовой тяжелой жизни, у него погибаетъ въ нѣсколько часовъ и онъ остается безъ крова и хлѣба. Въ горѣ своемъ онъ ропщетъ на Бога, считая это наказаніемъ за грѣхи. Но наказаніе ли это Божіе? когда есть масса причинъ отъ самихъ себя, большинство изъ нихъ: неосторожное обращеніе съ огнемъ, а въ случаѣ пожара, чѣмъ можетъ населеніе бороться противъ него, когда нѣтъ у нихъ ничего, кромѣ топоровъ да ведеръ. А главная бѣда: рѣдкій изъ хозяевъ позаботится застраховать свое имущество въ обезпечивающую сумму. Если и платятъ страховку, то исключительно только обязательную: около тридцати шести копѣекъ въ годъ. Вотъ такъ-то и жили всѣ, надѣясь на русское „авось", да „какъ-нибудь". Но вотъ въ 190... году одинъ предпріимчивый молодой человѣкъ задумалъ организовать сельскую пожарную дружину. За помощью онъ обратился къ сельской молодежи, а уже не къ старичкамъ, которые не хотѣли нарушать старыхъ порядковъ, выписали уставъ объ организаціи дружины и послали его на утвержденіе министерству. Черезъ нѣкоторое время получили разрѣшеніе и, съ юношескимъ жаромъ, принялись за новое дѣло. Первымъ долгомъ въ ряды дружины стали вербовать сельскую молодежь, увлекая ее формой одежды и наградами за отличіе на пожарѣ. На первое время желающихъ нашлось немного, но организаторы не унывали: разбили свою маленькую дружину на отряды и перваго изъ организаторовъ выбрали начальникомъ дружины. Откликнулось земство на призывъ дружины и широко пошло навстрѣчу ей: безплатно выдало ей усовершенствованныхъ пожарныхъ инструментовъ и за одну треть стоимости выписали новую машину. Стали понемногу обучаться, чтобы какъ можно болѣе правильно и успѣшно работать на пожарѣ. Первое время молодая дружина служила только предметомъ удовольствія сельскаго населенія, считавшаго ее дѣтской забавой. Но, какъ-то разъ, въ сосѣдней деревнѣ загорѣлось гумно, раздался тревожный сигналъ рожка и, какъ бичемъ, ударило по нервамъ молодыхъ дружинниковъ; чувствуя свое призваніе къ борьбѣ съ общимъ врагомъ, они стремительно кинулись, во главѣ

съ начальникомъ, на мѣсто пожара. Подъ командой своего начальника каждый отрядъ, хорошо зная свое дѣло, вступилъ въ борьбу. Быстро и ловко вскидывая легкими, но прочными баграми, они буквально отнимали изъ объятій огня каждое бревно и балку. Въ болѣе жаркихъ мѣстахъ пожарныя трубы, своей водяною струей, охлаждали пылъ врага. Послѣ недолгихъ, но упорныхъ усилій, наконецъ, молодая дружина восторжествовала свою первую побѣду. За первый годъ своего существованія ей не одинъ разъ еще приходилось вступать въ борьбу съ огнемъ, отстаивая имущество поселянина. Старички, которые смотрѣли прежде на дружину, какъ на дѣтскую забаву, теперь ясно увидѣли, какую громадную пользу приноситъ она. Со всѣхъ сторонъ въ ряды дружины стали вступать все новые и новые члены, не считаясь съ возрастомъ, начиная отъ безъусаго юноши, вплоть до сѣдыхъ волосъ. За короткое время изъ прежней горсточки людей, образовалась мощная и грозная дружина, числомъ около трехсотъ человѣкъ. Теперь уже въ каждой деревнѣ была своя пожарная команда, разбитая на отряды: лѣстничный, трубный, охранный и пр., въ каждой такой командѣ былъ свой начальникъ, но всѣ они въ свою очередь подчинялись одному общему начальнику дружины. До открытія дружины населеніе, отдавая въ аренду свои общественные, небольшіе земельные участки, часто проживало ихъ до копѣйки,—теперь же все это пошло на пріобрѣтеніе пожарныхъ инструментовъ; вмѣсто прежнихъ деревянныхъ колымагъ, на которыхъ не ускачешь и ста саженъ, чтобы не слетѣло колесо или поломалась ось, и допотопныхъ орудій, годныхъ только въ коллекцію древнихъ вещей,—теперь заведено все легкое и прочное въ большомъ количествѣ; подъ машинами, бочками и багровыми ходами,—поставлены телѣги на желѣзномъ ходу, общими усиліями въ каждой командѣ настроены пожарные сараи и все это въ образцовомъ порядкѣ содержится тамъ. Для вызыванія на помощь дальнихъ командъ, заведена правильная сигнализація: поставлены высокіе сигнальные столбы, на которыхъ въ ночное время вывѣшивается красный фонарь, а днемъ такого же цвѣта шаръ. Съ разрѣшенія уѣздной администраціи, устраиваютъ общія собранія, гдѣ, подъ предсѣдательствомъ начальника дружины и его помощниковъ, рѣшаются вопросы о благосостояніи дружины и его населенія. На одномъ изъ такихъ собраній, рѣшили выписать знамя и утвердили годовой праздникъ дружины въ день Св. Троицы. Ежегодно наканунѣ этого праздника по

всѣмъ командамъ идетъ лихорадочная работа: чистятъ и красятъ всѣ инструменты, придавая имъ блестящій видъ. На обширной и ровной городской площади устраиваютъ большую палатку, украшая ее вензелями изъ пихты и разноцвѣтными флагами. Въ самый день праздника съ ранняго утра всѣ дружинники, облеченные въ форменныя гимнастерки и фуражки съ краснымъ околышемъ, собираются къ пожарнымъ сараямъ, запрягаютъ въ каждую телѣгу по тройкѣ лошадей съ колокольчиками, и, въ назначенное время, выѣзжаютъ на сборный пунктъ. По одному сигналу, во главѣ своего начальника, вся дружина, въ составѣ около сорока троекъ, несется по улицамъ города, гремя колокольчиками и вздымая дорожную пыль. Затѣмъ, на площади, противъ палатки, устраиваются въ нѣсколько рядовъ: въ первомъ ряду ставятся машины, во второмъ—бочки, въ третьемъ—багровые хода и пр. Всѣ дружинники смѣшиваются и, съ развернутымъ знаменемъ, становятся параллельно обозу. Въ это время приносятъ изъ церкви иконы и священникъ, съ дьякономъ и хоромъ пѣвчихъ, начинаетъ служить благодарственный молебенъ за здравіе всей дружины и ея покровителей. Толпы народа изъ окрестныхъ деревень плотной массой заполняютъ всю площадь. Послѣ окончанія молебна вся дружина развертывается во всей своей мощи и производитъ ученіе. Каждая команда спѣшитъ стать на указанное мѣсто и, по данному сигналу, со всѣхъ концовъ города несутся къ предполагаемымъ горящимъ зданіямъ. Съ изумительной быстротой, лѣсничный отрядъ завѣшиваетъ щитами рядомъ стоящія постройки; трубный отрядъ—ловко и правильно развертываетъ свои машины и приводитъ ихъ въ движеніе; отрядъ водоснабженія — слѣдитъ за своевременной доставкой воды; охранный же спѣшитъ вытаскивать имущество пострадавшихъ людей. Послѣ ученія приглашаются въ палатку представители разныхъ дружинъ и городская аристократія, гдѣ произносятся тосты за процвѣтаніе дружины и ея руководителей и т. д. Всѣмъ дружинникамъ подносятъ по большой чаркѣ водки, а подгулявшая молодежь заводитъ танцы съ дѣвушками на лонѣ природы. Звонко гремитъ гармоника въ рукахъ музыканта, а удалая молодежь, заломивъ шапки на ухо, съ притоптываніемъ и свистомъ, носится вокругъ. Болѣе пожилые собираются въ кружокъ и запѣваютъ свою боевую пѣсню, которая помѣщена ниже. Такъ проводятъ свой годовой праздникъ дружины и всѣ мирно разъѣзжаются по своимъ домамъ.

Пожарная пѣсня.

Темна ночь, шумитъ погода,
Спитъ народъ глубокимъ сномъ.
Вдругъ раздалася тревога:
Бьютъ въ набатъ, гудятъ рожкомъ.

Блещетъ зарево пожара,
Озаряя ночь, какъ днемъ.
Но помчалася дружина
На борьбу съ врагомъ-огнемъ.

Съ ревомъ рвется къ небу пламя,
Рушитъ стѣны, потолки,
Какъ бы людямъ угрожая,
Чтобъ не встрѣтились въ пути.

Но не страшенъ врагъ суровый
Смѣло ринулися въ бой,
Всюду слѣдъ борьбы тяжелой,
Оставляя за собой:

Багры цѣпко бревна тащатъ,
Тамъ развѣшаны щиты,
Изъ машинъ водою плещутъ.
Самъ начальникъ впереди.

Долго схватка продолжалась,
Хоть и грозенъ былъ боецъ,
Но дружина не сдавалась—
Побѣдила наконецъ.

Чу опять рожекъ реветъ,
Но на борьбу ужъ не зоветъ:
Собирать велитъ снаряды
И всѣмъ строиться въ отряды.

Тутъ подъѣхалъ къ намъ начальникъ
И спасибо всѣмъ сказалъ,
А мы дружно всѣмъ вскричали:
„Такъ намъ долгъ нашъ приказалъ".

Общество потребителей.

Живя круглый годъ въ нуждѣ и недостаткѣ, только къ концу осени крестьянинъ получаетъ доходъ отъ своего хозяйства. Но этотъ доходъ настолько незначителенъ, что онъ не оправдываетъ всѣхъ расходовъ по хозяйству, поэтому изъ года въ годъ крестьянинъ живетъ неоплатнымъ должникомъ, и главнымъ кредиторомъ его является деревенскій кулакъ, который цѣпко держитъ его въ своихъ рукахъ. Снабжая въ нужное время хлѣбомъ, или продавая изъ своей лавки плохой товаръ, такой кулакъ не стѣсняется брать даже двойную цѣну. Кажется, ужъ нѣтъ никакой возможности бороться противъ нихъ, но вотъ въ 190... году нѣсколько молодыхъ людей крестьянъ рѣшили покончить съ этимъ. Въ то время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стали распространяться потребительныя общества. Такое-же общество новые члены рѣшили открыть у себя, чтобы снабжать населеніе доброкачественными товарами. Какъ ни заманчиво было быть хозяевами своей лавки, но желающихъ вступить въ члены было очень мало. Несмотря на то, что собрано было всего только 19 рублей, все же рѣшили открыть торговлю. На одну часть изъ этихъ денегъ купили соотвѣтствующій инвентарь, а на оставшуюся—товару. Подыскали небольшое помѣщеніе за три рубля въ мѣсяцъ, и весь купленный товаръ сложили почти въ одинъ уголокъ. Первое время, по бѣдности своей, торговали сами члены, открывая лавочку свою въ назначенные часы. Благодаря общему единодушію членовъ, торговля стала быстро развиваться и уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ наняли приказчика. Съ теченіемъ времени, населеніе, видя пользу общества, стало вступать въ члены. Кажется бы, лучше этого и желать не надо, но бѣда была въ томъ, что члены не умѣли вести счетоводства и, пользуясь ихъ довѣрчивостью, приказчикъ дѣлалъ злоупотребленія въ лавкѣ. Это было на руку кулаку, который всѣми правдами и неправдами старался разрушить общество, но члены крѣпко держались намѣченной цѣли. Пришлось отказать приказчику и нанять новаго на болѣе лучшихъ условіяхъ. Съ развитіемъ торговли, прежнее помѣщеніе оказалось тѣснымъ и неудобнымъ, да и приходилось платить за него ежегодно 36 рублей, поэтому рѣшили завести свое. Купили подходящій срубъ, арендовали мѣстечко въ центрѣ селенія и общими усиліями построили свою лавочку, свѣтлую и просторную. Какъ ни бѣдно было общество

въ началѣ открытія, сколько бы ему ни пришлось перенести убытку за періодъ торговли, но, благодаря общему единодушію и взаимному уваженію членовъ, оно восторжествовало побѣду надъ кулакомъ. Теперь въ своемъ распоряженіи общество имѣетъ: собственное помѣщеніе, на нѣсколько сотъ товару и массу торговаго инвентаря. За это время дѣла кулака пошатнулись сразу и ему пришлось закрыть свою лавченку, но конкурентомъ обществу выступилъ опять новый кулакъ: это бывшій первый приказчикъ. На какія средства открылъ онъ торговлю, неизвѣстно, но, окрѣпшему уже обществу, не страшенъ такой сосѣдъ; оно твердо вѣритъ въ непоколебимую силу коопераціи и новую побѣду надъ скороспѣлымъ кулакомъ.

Сельскохозяйственное общество.

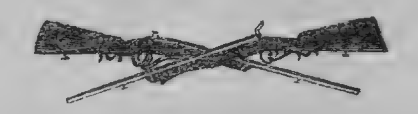
На ряду съ обществомъ потребителей, было открыто также и сельскохозяйственное общество, цѣлью котораго было улучшить земледѣльческія орудія, сѣмена и обработку полей. Въ прежнее время, да и теперь еще, многіе крестьяне обрабатываютъ свои поля самодѣльными орудіями; сѣмена употребляли не сортированныя, а часто даже невѣянныя, напримѣръ: только что сжатую рожь обмолотятъ и, невѣянную, везутъ на поле для посѣва озимаго, слѣдовательно они сознательно засоряли свои поля. Какой же можетъ быть урожай, когда послѣ такой обработки и сорныхъ сѣмянъ, на полѣ уродятся почти одни только цвѣтки, которыми любуются дѣти, а крестьянинъ—съ горя почесываетъ свой затылокъ. Но вотъ, съ открытіемъ сельскохозяйственнаго общества, стали вводиться болѣе усовершенствованныя орудія, которыми обработка полей стала легче и успѣшнѣе. Въ распоряженіе общества департаментъ земледѣлія безплатно выдалъ на триста рублей сельскохозяйственныхъ машинъ: куклеотборникъ, сѣялку и сортировку. Съ теченіемъ времени отъ пользованія машинами, появились средства у общества, на которыя рѣшили пополнить комплектъ машинъ и построить свою зерносушилку. Но средствъ своихъ оказалось недостаточно, а такъ какъ состояли еще членами въ кредитномъ товариществѣ, то пришлось позаимствовать въ немъ. Въ настоящее время общество имѣетъ свою зерносушилку, стоимостью свыше пятисотъ рублей и полный подборъ машинъ и орудій. Одно лишь плохо для общества, это

чрезполосица, которая не позволяетъ развивать ему свои дѣла. Есть полоски шириною меньше бороны и которыя протянулись вдаль, какъ ленточки. Какая же можетъ быть правильная обработка на нихъ или многопольный сѣвооборотъ. Все-же, благодаря сельской организаціи, доходъ хозяйства значительно увеличился, появились лучшія породы хлѣбовъ и огородныхъ овощей. Уѣздное земство ежегодно осенью устраиваетъ сельскохозяйственную выставку, на которой крестьяне выставляютъ продукты своего хозяйства и, за лучшія изъ нихъ, получаютъ денежныя награды.

Народный домъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ были открыты пожарная и кооперативная организаціи, жизнь въ деревнѣ много измѣнилась. Благодаря такимъ организаціямъ, люди, сталкиваясь въ общественныхъ дѣлахъ, имѣютъ однѣ общія цѣли въ борьбѣ за существованіе. Вывелись общественныя попойки за счетъ земельныхъ участковъ, прекратились частовременные пожары, но главное—не стало безшабашнаго хулиганства среди деревенской молодежи. Этому много способствовало открытіе народнаго дома въ деревнѣ. Прежде разнузданная молодежь вела себя до безобразія: междуусобныя драки и распри доводили ихъ до уголовнаго суда и послѣ этого они смотрѣли другъ на друга, какъ на врага. Теперь же о прежнемъ осталось одно только воспоминаніе. Народный домъ для молодежи сталъ тихой пристанью къ новой жизни. Зданіе для народнаго дома выстроено двухэтажное: въ верхнемъ этажѣ помѣщена библіотека, а низъ отдѣланъ для постановки спектаклей. Въ праздничные дни, а также иногда и въ будни, послѣ работы, собираются въ библіотеку, гдѣ читаютъ газеты и журналы. Жажда къ чтенію появилась такая, что даже оказывается недостатокъ въ книгахъ. Въ зимнее время, когда народъ болѣе всего свободенъ, дѣлаютъ спектакли совмѣстно съ учителями, участвуютъ также дѣвушки и молодыя женщины. Пьесы выбираютъ простыя, изъ народнаго быта и играютъ, кому какъ Богъ на душу положилъ, но впечатлѣніе на публику производятъ громадное. Она, затаивъ дыханіе, напряженно слушаетъ или разражается громомъ хохота и смѣха на комичныя выходки своихъ доморощенныхъ артистовъ. Для публики устраивается

буфетъ, гдѣ услужливая молодежь угощаетъ дѣвушекъ и женщинъ. Послѣ спектакля всегда устраиваютъ танцы, на которыхъ принимаетъ участіе вся молодежь съ окрестныхъ деревень. Нѣтъ между ними прежнихъ козней и распрей. Товарищески уважая одинъ другого, они рука объ руку идутъ по новой жизненной дорогѣ. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидается каждый такой спектакль, этотъ трезвый народный праздникъ, гдѣ послѣ тяжелаго труда и житейскихъ невзгодъ, народъ отдыхаетъ душой и тѣломъ. Богъ на помощь и добрые люди народному дѣлу!

II отдѣлъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

М. Алешинъ.

ЖИЗНЬ ЗА ДЕНЬГИ.

Дорога вьется полосою,
Средь поля лентою бѣжитъ:
То исчезаетъ за горою,
То снова на гору вбѣжитъ.
Дорога эта мнѣ знакома:
Она въ засуху вся въ пыли,
Коль дождь, то грязи по колѣно
И вся изрыта въ колеи.
Вотъ въ сторонѣ дороги этой
Стоитъ село, въ немъ храмъ святой;
Сады и зелень есть тутъ лѣтомъ
И снѣгу много есть зимой;
Стоятъ ужъ ветхіе сараи,
А тутъ за ними и плетень,
Сады съ вишневыми кустами,
Тутъ много яблонь есть, сирень
А дальше въ рядъ стоять домишки,
Въ концѣ села течетъ рѣка,
Бѣгутъ босые ребятишки
Видна здѣсь бѣдность и нужда.
Была ужъ осень, холодѣло,
Морозы были по ночамъ,
Листва въ садахъ вся замирала,
Старухи жалися къ печамъ.
Стоитъ среди села, межъ хатокъ,
Высокій, въ пять окошекъ, домъ:
Хозяинъ въ немъ живетъ богатый,
Его зовутъ всѣ Фомичемъ.
Въ глаза его всѣ уважали:
„Ты добръ, кормилецъ нашъ, Фомичъ.
Кабы не ты, то мы бъ сбирали,
Не знаемъ, какъ тебя и чтить“.

Когда же онъ долги сбираетъ,
Тогда не тотъ ужъ разговоръ,
Его ужъ каждый проклинаетъ
И говорятъ: „Онъ чистый воръ“.
„Даетъ, то вѣрно, выручаетъ,
Процентовъ много, вишь, беретъ,
Копейку даромъ не прощаетъ,
Рубашку съ пахаря возьметъ
Мужикъ-ли бѣдный женитъ сына,
Вдова-ли дочку отдаетъ,—
Тутъ Фомичу на рубль не гривна,
А рубль на рубль почти идетъ.
Онъ дастъ зимой, поможетъ лѣтомъ,
Иди, скажи, что до овса,
А тамъ... не плачь ужъ надъ сусѣкомъ:
Овса не хватитъ рожь—пошла.
Ему хоть что, возьметъ одеждой,
Или лошадку со двора
И молвитъ: „такъ, Фаддѣй, не гоже,
Плати хоть чѣмъ, пришла пора.
Процентовъ много... не берите...
А если взялъ, надо отдать;
Хоть послѣ вовсе не ходите,
Я не прошу васъ занимать“.
Живетъ Фомичъ и горя мало:
Чѣмъ свѣтъ долги сбирать идетъ,
Тащитъ домой все, что попало,
За долгъ, все дешево беретъ.
Знакомыхъ много не имѣетъ,
Съ женой своей въ ладу живетъ,
Сыночекъ есть, его жалѣетъ:
„Вотъ, мать, кормилецъ намъ растетъ“.
Сынка воспитывалъ не строго,
Работать мало пріучалъ
И онъ, конечно, понемногу
Къ разгульной жизни привыкалъ.
Сынъ не въ отца,—любилъ веселье,
Съ малыхъ лѣтъ ужъ водку пилъ,
Игралъ онъ въ карты отъ бездѣлья,
Знакомства много разводилъ.

Но вотъ, Фомичъ старѣть ужъ сталъ
И годъ отъ году все хилѣе,
Но все же копитъ капиталъ,
Подъ старость сталъ еще жаднѣе.
Сынокъ сталъ часто втихомолку
Его сусѣки повѣрять.
Старикъ сбиваться началъ съ толку
И кое-что сталъ забывать.
Жена нежданно захворала,
Въ постель совсѣмъ уже слегла,
Потомъ совсѣмъ ее не стало.
Жизнь Фомича не такъ пошла:
Любить онъ началъ свою печь,
По недѣлямъ сынъ гуляетъ,
Хлѣба некому испечь,
Свою шкатулку онъ лишь знаетъ;
Она есть вся его забава,
Когда же онъ сидитъ у ней,
Ему все кажется, что мало;
„Еще бы сотенку рублей!
Вотъ тутъ бы золота прибавить,
Здѣсь серебра бы наложить“,
Такъ деньги долго онъ считаетъ
И долго золотомъ звенитъ.
Потомъ шкатулку на прощаніе
Руками крѣпко обовьетъ,
Поставитъ въ уголъ и ключами
Онъ крѣпко-накрѣпко запретъ.
Въ постель онъ ляжетъ, но не спится:
„Крѣпко-ли дверь-то заперъ я
Чу... кто-то точно ужъ стучится,
Хотятъ ограбить, знать, меня“.
Опять съ постели тихо встанетъ
И къ двери тихо подойдетъ;
Въ шкатулку онъ опять заглянетъ,
Надъ ней, бывало, и уснетъ.
Сынокъ однажды тихо ночью,
Когда отецъ спокойно спалъ,
Подкрался, кошкою, къ карману
И отъ шкатулки ключикъ взялъ.

Тихонько отперъ онъ шкатулку
И крышку кверху приподнялъ,
Увидѣлъ золота тамъ кучу.
„Ахъ, кротъ, вѣдь сколько натаскалъ.
Ага, теперь мы погуляемъ
И долгъ сидѣльцу отдадимъ,
Что дѣлать съ денежками знаемъ,
Лежать безъ пользы не дадимъ.
А вѣдь навѣрно надоѣло
У старика вамъ взаперти,
Теперь мы примемся за дѣло:
Пойдетъ гульба, крути, верти“.
Тутъ съ деньгами тихонько вышелъ,
Въ соломку ихъ пока зарылъ;
Отецъ же, спалъ, того не слышалъ,
Какъ сынъ богатство захватилъ.
Проснувшись утромъ, онъ въ коморку
Свою завѣтную пошелъ,
Но тамъ любимую шкатулку,
Увы, на мѣстѣ не нашелъ.
Старикъ безъ памяти свалился
И долго горько онъ рыдалъ,
Съ тоски потомъ онъ удавился
И сына больше не видалъ.
А сынъ вернулся чрезъ полгода
Оборванъ весь и безъ сапогъ,
Послѣ отца остатки продалъ,
И деньги всѣ ушли не въ прокъ.

Пасынковъ.

МУЖИКЪ.

Кто родился въ нуждѣ и въ заботѣ?
Это ты бѣдный мужикъ, кто не видалъ
Отрадныхъ дней, кто рано спину согнулъ
Это ты все бѣдный мужикъ,
Кто вѣчно съ лопатой въ рукахъ,
Не сытъ и плохо одѣтъ,
Старый, худой кафтанъ на тебѣ изорвался,
И понуривши очи въ грязи по колѣно
Ты стоишь—это ты бѣдный мужикъ.
Кто вѣчно ходитъ въ кручинѣ,
Какъ темная осенняя ночь, и не знаетъ
Покоя въ самую глухую полночь?
И это все ты, бѣдный страдалецъ, мужикъ.
Кто на морозѣ дрожитъ, какъ осиновый листъ:
Трясутся зубы чекъ-чекъ.
Кто съ впалою грудью,
Блѣдный, худой? эхъ это ты все, бѣдный мужикъ.
Для чего ты родился
И такъ бѣдно живешь?

Матковъ.

КАРТИНЫ РОДИНЫ.

Тамъ, гдѣ-то далеко,
Подъ сѣнью небесъ,
Чернѣютъ долины,
Шумитъ темный лѣсъ.
Тамъ, милые сердцу,
Отецъ и семья,
Въ слезахъ, тяжкомъ горѣ
Оставилъ ихъ я.
Какъ было имъ тяжко
Разстаться со мной,
А также и мнѣ
Край оставить родной.
Тамъ снѣгъ выпадаетъ
Обильно зимой
И землю скуетъ всю
Покровъ ледяной,
Гдѣ вьюга бушуетъ,
Ей всюду просторъ,
Крутитъ и ломаетъ
Чернѣющій боръ;
То по полю мчится,
Войдя въ темный лѣсъ
И вдругъ дикимъ смѣхомъ
Зальется, какъ бѣсъ,
Въ деревню забьется,
Сугробы наставитъ,
Всѣ окна засыплетъ,
Безъ свѣту оставитъ.

Мужикъ въ теплой хатѣ
Безпечно лежитъ,
По улицѣ мальчикъ
Смѣется, бѣжитъ.
Зато ужъ весна тамъ
Мила и красива,
Какъ дѣвица красна
Румяна, стыдлива;
Какъ красное солнце
Распуститъ лучи
И съ горъ потекутъ
Снѣговые ручьи.
Людямъ еще снятся
Тѣ зимніе сны.
Ужъ прилетѣлъ къ намъ
Предвѣстникъ весны,
Почуявъ лучъ солнца,
Крылатый пѣвецъ
Поетъ рано утромъ
Знакомый скворецъ.
Вотъ снѣгъ распустился,
Лежать тутъ не вмочь,
Настали дни длинны,
Короткая ночь.
Всѣ малыя рѣчки,
Волною шумливой,
Свои воды гонятъ
Къ старушкѣ сонливой.
Старушка все дулась,
Синѣла сначала,
Терпѣть стало трудно—
Она заворчала;
Пошелъ трескъ и грохотъ,
Рѣка забурлила
И что морозъ сдѣлалъ—
Все вмигъ провалила.
Сильнѣй солнце грѣетъ,
Земля отдыхаетъ,
Надъ ней жаворонокъ
Поетъ и порхаетъ.

И лѣсъ выпускаетъ
Побѣгъ за побѣгомъ,
И пчелка на вербу
Летитъ за обѣдомъ.
Съ сохой уже пахарь
Виднѣется въ полѣ,
Коровы и скотъ весь
Пасутся на волѣ.
На полѣ всѣ мигомъ
Открылись работы.

Матковъ.

СМЕРТЬ ДѢТЕЙ.

Закрылись глазки голубые,
Не слышенъ милый голосокъ;
Бывало, какъ зальется смѣхомъ
И расцвѣтетъ, словно цвѣтокъ.
  Теперь ужъ нѣтъ, не засмѣется,
  Не скажетъ: „Мама, дай мнѣ ѣсть".
  Не скажетъ: „Тятя, купи платье,
  У всѣхъ подружекъ новы есть".
Способная была къ ученію
И очень кроткая она:
Идутъ, балуются ребята,
Позади всѣхъ идетъ одна.
  Я самъ нерѣдко удивлялся,
  Какую кротость Богъ ей далъ.
  Увидѣвъ онъ ея смиреніе,
  И жизни ей конецъ послалъ.
Нависли тучи надо мною
И разразилася гроза.
Всѣ дѣти тифомъ заболѣли
И не глядятъ на свѣтъ глаза.
  Одна сидитъ кой-какъ на лавкѣ,
  Другой лежитъ, еле дыша,
  А третій стонетъ неутѣшно,
  Что надрывается душа.
И нѣтъ надежды на спасеніе,
Я жду всѣмъ скораго конца,
Но просить объ исцѣленіи
Я не осмѣлился Творца.
  Я зналъ, что Онъ мнѣ не поможетъ:
  Я сознавалъ вину предъ Нимъ.
  Какой мой грѣхъ, вамъ знать не нужно;
  Про то Онъ вѣдаетъ одинъ.

Теперь пропала вся надежда,
Такихъ дѣтей мнѣ не видать,
И до самой до могилы
На свѣтѣ долженъ я страдать.
И взялъ я руку у Никиты,
Но пульсъ ужъ биться пересталъ,
И я тогда узналъ, что уже
Ему земной конецъ насталъ.
И въ углу передъ иконой
Лежатъ мои два сына милы,
А въ понедѣльникъ часовъ въ десять
Сойдутъ въ холодныя могилы.
И нѣтъ теперь у насъ Никиты,
Что называлъ себя солдатомъ;
Лежатъ въ землѣ сырой и рядомъ
Съ Афроней, милымъ своимъ братомъ.
Болитъ душа и рвется сердце,
Тяжелъ мнѣ жизни крестъ достался:
Была семья и были дѣти,
А бобылемъ теперь остался.

С. Щукина.

НА СВОБОДѢ.

Здравствуй, милый Петроградъ,
Ахъ, какъ видѣть тебя радъ,
Невидавши.

Сколько дома я ни жилъ,
По тебѣ всегда тужилъ,
Не было покоя.

Кто въ тебѣ тамъ ни побудетъ
Разговору полно будетъ
На полгода.

Вонъ нашъ поповичъ пріѣзжалъ,
Сколь чудесъ поразсказалъ
Про тебя-то.

Вотъ и я-то всгормошился
И къ тебѣ пѣшкомъ пустился,
Сгоряча-то;

Но все-же прибылъ, слава Богу,
Только денегъ на дорогу
Не хватило.

А было взято два алтына,
Да старинная полтина,
И всѣ прожилъ.

Шелъ я денегъ не жалѣя,
Лишь попасть бы поскорѣе
Въ Петроградъ-то.

А тамъ, я думалъ, всего приволье,
Заходи въ любо подворіе—
Всего хватитъ.

Но пришелъ должно поздненько,
Здѣсь ужъ стало голодненько,
Тихо шелъ-то.

Вотъ ужъ пятый день, прибывши
И какъ будто бы забывши,
Не обѣдалъ.

Про ночлегъ нѣтъ разговора,
Всѣ пять сутокъ у забора
Провалялся.

Хоть за квартиру нѣту платы
Но и въ эти-то палаты
Не пускаютъ.

Вчера пятый разъ ужъ снова
Принесло городового—
Гонитъ въ шею.

Вотъ живи и веселися,
Здѣсь къ забору не прижмися...
Вотъ такъ Питеръ.

И. О. Тэйванъ.

* * *

Иду... Одинъ я. Лѣсъ молчитъ.
Лишь сердце бѣдное стучитъ,
Уймись коварное, замри,
Твой стукъ услышатъ до зари.

Иду я тихо, но порой
Тамъ на опушкѣ на полянѣ
Въ зловѣще-сумрачномъ туманѣ
Тревожитъ тьму ночную вой.

Сейчасъ такъ страшенъ этотъ вой.
Вчера былъ здѣсь ужасный бой,
Земля окрасилась въ крови...
О, сердце бѣдное, замри...

Иванъ Тэйванъ.

ВЪ ПОРТУ.

Прорѣжетъ утро тьму ночную
И оживитъ весь городъ въ ней...
Дворы заводовъ, верфь рѣчную
Наполнитъ рядъ живыхъ тѣней.

Пройдутъ по сходнямъ торопливо
Бурлакъ и крючникъ молчаливо
Съ тоской угрюмой на челѣ...
Грустятъ навѣрно по землѣ.

Лѣниво грозный исполинъ
Отчалитъ, звучно оглашая
Окрестность сонную долинъ
И горъ вершины потрясая.

Вертлявый яликъ между баржъ
Скользитъ, качаясь по волнамъ,
А на военномъ суднѣ маршъ
Играютъ солнечнымъ лучамъ...

Иванъ Тэйванъ.

* * *

Я съ береговъ священнаго Байкала
Заброшенъ въ Градъ-Петра, но мысль
Туда летитъ. О, родина!
За грань высокаго Урала,
Въ страну суровую, но милую всегда,
Гдѣ вѣтру горъ вторитъ напѣвъ унылый
Дѣтей тайги, Бурятъ и Карагазъ.
Вѣрный традиціи народъ счастливый
Далекъ культуры гибельной заразъ.—
Услышишь-ль ты стонъ съ бреговъ Невы,
О, родина! Груститъ твой сынъ.
Онъ бьетъ челомъ тебѣ и пѣснь поетъ. Увы!
И пѣснь его грустна, онъ здѣсь одинъ.

А. Красиковъ.

ВЕСНА.

Вотъ солнце снова освѣтило,
На землю грянуло лучомъ;
Природу къ жизни возвратило.
Забила снова жизнь ключемъ.
И пахарь снова встрепенулся:
Исправилъ заново свой плугъ,
Рогаль готовъ, сошникъ ввернулся,—
Готовъ ужъ выѣхать на лугъ.—
Не то въ далекой Польшѣ;
Она не видѣла весны:
Ея поля зимой вспахались,
Посѣвы сдѣланы зимой,
Поля, какъ плугомъ, разрыхлялись
Стальными ядрами порой.
Здѣсь былъ сѣятель ужасенъ:
Не зерно, а трупы сѣялъ онъ;
Но трудъ его былъ здѣсь напрасенъ,
Не жатву сѣялъ онъ, а сталь.
Но кто-же этотъ странный пахарь,
Что здѣсь снарядами пахалъ
И вмѣсто дождика весною,
Людскою кровью поливалъ?

А. Красиковъ.

ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ...

Бѣгутъ вереницею дни, другъ за дружкою,
Все вдаль унося нашу жизнь,
Бѣгутъ они и на душу тяжкою думой ложатся,
И слѣдъ оставляютъ за ней.
И много неправды приходится видѣть
На жизненномъ нашемъ пути;
Но, братъ и товарищъ, по мѣрѣ возможности,
Со всякой неправдой борись.
И ты и другой по отдѣльности немощны,
Но, въ общемъ, вы—сила, гроза.
Поспорить съ неправдою смѣло вы сможете,
За вами побѣда и вамъ похвала.
Да здравствуютъ сильные, смѣлые правдою,
Кто жизнь за другихъ отдаетъ.
Да здравствуетъ правда, свобода и братство,
И жизнь, что борьбу намъ несетъ.

М. Алешинъ.

ОПИСАНІЕ БОЯ.

Поле шумомъ оглашалось:
Громъ и трескотня.
Наше войско подвигалось
Въ пламени огня.
Мимо уха пули свищутъ,
Промежъ ногъ летятъ;
Виноватаго знать ищутъ
И убить хотятъ.
А гранаты, разрываясь,
Издавая трескъ,
Насъ землею засыпаютъ.
Дымъ... а въ дымѣ блескъ.
Но мы шли неустрашимо,
Все впередъ, впередъ.
. . . .
. . . .
Долго шли... Много били
Нашихъ молодцовъ.
. . . .
. . . .
Вотъ дошли мы до окоповъ
Нашего врага,
И въ штыки пошли мы смѣло,
Съ криками „ура“.
Загремѣли шашки звонко,
Заработалъ штыкъ.
. . . .
. . . .

Бьются люди, точно звѣри,
Лица всѣ въ крови,
Стучатъ въ груди, точно въ двери
И кричатъ: „руби“.
Долго мы штыкомъ дралися.
Врагъ не устоялъ.
Крики громче раздалися,
Врагъ назадъ бѣжалъ.
Далеко за нимъ мы гнались
По пятамъ идя.
А снаряды въ полѣ рвались,
Въ воздухѣ гудя.

М. Алешинъ.

* * *

Не вернуть, что было,
Время то прошло,
Безъ возврата сгибло,
Быльемъ поросло.

Какъ трудомъ, да силой,
Хлѣбъ я добывалъ,
И по нивѣ спѣлой
Съ пѣснями гулялъ.

Жизнь та улетѣла,
Силу забрала,
Съ молодого тѣла
Красоту сняла.

Жизнь съ тоской и горемъ
Встрѣтила меня,
Сдѣлала героемъ,
А калѣка я.

Молодая сила
Съ раннихъ лѣтъ ушла,
Грусть румянецъ смыла
Съ моего лица.

И порой судьбина
Навѣваетъ грусть,
Иногда кручина
Щемитъ мою грудь.

Въ будущемъ отраду
Стану ожидать,
Всякую преграду
Буду разбивать.

М. Алешинъ.

ВЪ МОСКВѢ.

Вотъ ты снова предо мною,
„Золотая голова",
Но звучитъ въ тебѣ тоскою
Невеселая молва.

Я по улицамъ широкимъ
По твоимъ опять прошелъ,
Но разгула и веселья
Ужъ въ тебѣ я не нашелъ.
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

И вся выглядишь сурово
Со своею стариной,
Про веселье нѣтъ и слова,
Все кругомъ звучитъ тоской.

Льются слезы на панеляхъ,
Тамъ, гдѣ весело жилось,
Нѣтъ, ужъ радости не видно,
Все куда то унеслось.

М. Алешинъ.

ПЕРВОЕ ГОРЕ.

Мать моя въ городъ сбиралась;
А я еще маленькій былъ.
„Купи мнѣ коня тамъ, родная"—
Я маму свою попросилъ.
Мама ушла, я ее дожидался;
„Ужъ купитъ, навѣрно, коня".
Много разъ я на крышу взбирался,
Смотрѣлъ, не идетъ ли она.
На другой день ее я дождался.
„Вонъ идетъ дорогая моя".
Къ ней я навстрѣчу помчался.
„Ты, мама, устала"—спросилъ ее я.
„Нѣтъ, ничего, не устала"—сказала
И за ручку меня повела.
„А братку ты, мама, видала?
И купила ли ты мнѣ коня?"
Видала я тамъ твого братку;
И конь твой тутъ въ сумкѣ лежитъ".
Радость больше моя засіяла—
И конь предо мною стоитъ.
Пришли мы домой. Я тотчасъ же къ сумкѣ.
Самъ развязалъ я ее,
Не нужны мнѣ въ ней были булки,
А конь мнѣ дороже всего.
Вынулъ его я оттуда,
На мочалку его привязалъ

Имя нашелъ и не знаю откуда,
„Копчикъ“, его я назвалъ.
У насъ разъ молебенъ служили,
Попъ въ блюдѣ воды освятилъ.
Потомъ блюдо семьей окружили.
Какъ всѣ я водицы попилъ.
Глаза я водою помазалъ
И голову ею намочилъ.
Самъ опять съ конемъ играть началъ—
За мочалку его я водилъ.
И пришло мнѣ на разумъ такое:
Задумалъ коня покупать.
И въ это я блюдо святое
Сталъ коня своего опускать.
Пустилъ я его и оставилъ,
„Пусть-де поплаваетъ онъ“.
А вернулся и что же увидѣлъ:
Тамъ бумага была, а не конь.
Такъ недолго съ конемъ я возился,
Смерть плохую ему я избралъ,
Утопивши коня, развопился;
И долго изъ блюда его выбиралъ.

М. Алешинъ.

КЪ ЖЕНЩИНѢ.

Страны милой страдалица!
Тяжкій трудъ ты несешь на себѣ.
Въ жизни мрачной и бѣдной, красавица!
„Богъ на помощь трудиться тебѣ“.
　　Съ нуждою и горемъ ты борешься,
　　Плачешь и пѣсни поешь иногда.
　　Въ поляхъ съ серпомъ въ рукахъ клонишься;
　　Тебѣ отдыху нѣтъ никогда.
И въ поле идешь за сохою,
Траву косишь острой косой,
На войнѣ утѣшаешь героя,
Стоишь передъ школьной доской.
　　Во время для родины трудное,
　　Трудъ упалъ весь на долю твою,
　　Но тебя не страшитъ горе лютое,—
　　Ты давно ужъ привыкла кь нему.
Не жалѣючи силу убогую,
Тяжесть мужа съ трудомъ подняла,
На плечахъ держишь ношу тяжелую,
И трудъ непосильный взяла.
　　И вездѣ-то—вездѣ трудъ твой виденъ.
　　И всюду слѣды твоихъ слезъ.
　　Тобою никто не обиженъ,
　　Но тебѣ много въ жизни угрозъ.
Мужайся! и будь терпѣлива,
Распахни свою бѣлую грудь!
Предъ жизнью ты встань горделиво
И слезамъ своимъ дай отдохнуть.

М. Алешинъ.

* * *

Вечеръ... Скучно... Сижу подъ рябиною.
Лучь послѣднiй угасъ за равниною.
Надо мною висятъ кисти красныя.
Листья шепчутъ мнѣ сказки прекрасныя.
Стая галокъ летитъ надъ жилищами;
И на отдыхъ спѣшатъ жнецы съ жницами.
Загорѣлся закатъ зорькой красною.
Вспомнилъ бой, вспомнилъ кровь, жизнь ужасную.
И такъ долго сидѣлъ объятъ думою.
Мѣсяцъ лучъ бросилъ въ садъ съ рябиною.
Все замолкло кругомъ, только слышится,
Какъ у старыхъ осинъ листъ колышится.

М. Алешинъ.

* * *

Среди улицы, въ деревнѣ,
На дорогѣ пыльной.
Двѣ нестарыя бабенки
Говорятъ уныло.

Обѣ мрачны точно тѣни,
Счастья въ нихъ не видно,
Говоритъ одна: „Оксинья“!
Развѣ не обидно?

Какъ она меня ругаетъ,
Какъ меня порочитъ,
И воровкой называетъ.
Сжить со свѣту хочетъ.

Мою молодость сгубила.
Эхъ, свекровь лихая,
Не ходить-бы лучше было
Мнѣ за Николая.

„Охъ!“—Оксинья отвѣчала:
Не горюй ты—Маша,
Видно доля ужъ такая
Сиротская наша!“

Долго бабы разсуждали
Про свою судьбину,
Ихъ съ водою дома ждали
Напоить скотину.

Солнце скрылось за горою.
Бабы встрепенулись.
„Вѣдь насъ дома ждутъ съ водою!“
Къ ведрамъ потянулись.

М. Алешинъ.

* * *

Жилъ въ деревнѣ Демьянъ,
Никогда не былъ пьянъ,
И работалъ въ поляхъ отъ восходу.

Онъ работать любилъ,
Часто въ церковь ходилъ,
На колѣняхъ молился тамъ Богу.

Такъ мужикъ поживалъ,
Сохой землю пахалъ.
И не зналъ ни нужды, ни кручины.

Онъ всегда веселъ былъ,
Словомъ, жилъ, не тужилъ,
Пѣсни пѣлъ вечеркомъ у лучины.

Пришло горе къ нему,
Знать грѣху быть тому,
И Демьянъ нашъ съ нуждою спознался.

За нуждою же вслѣдъ,
Ея злѣйшій сосѣдъ—
Голодъ къ Демьяну подкрался.

Разъ онъ въ полѣ пахалъ,
Крики вдругъ услыхалъ,
Видитъ,—дымъ надъ деревней поднялся.

Онъ съ межи быстро всталъ
И бѣгомъ побѣжалъ,—
Ужъ въ деревнѣ огонь показался.

Вотъ ужъ въ колоколъ бьютъ.
Люди съ поля бѣгутъ;
Огонь хату его пожираетъ.

И Демьянъ прибѣжалъ,
Передъ хатою всталъ...
Какъ спасти свою хату—не знаетъ.

Все, что нажилъ трудомъ,
Поглощалось огнемъ.
И Демьяну лишь пепелъ остался.

Все, что онъ наживалъ,
Гдѣ онъ потъ проливалъ,—
Все пропало! Мужикъ разрыдался.

Долго молча сидѣлъ
И на пепелъ глядѣлъ;
Жена тутъ съ дѣтьми голосила.

На другой день жена
И грустна, и блѣдна
Христа ради на дѣтокъ просила.

И Демьянъ съ горя тутъ,—
Ужъ въ лаптишки обутъ,
Въ рваномъ, худомъ кафтанишкѣ,

Къ кабаку подошелъ
И тамъ радость нашелъ,
Позабывъ о женѣ и сынишкѣ.

Каждый день онъ потомъ,
Тамъ сидѣлъ за столомъ,
Заливая виномъ свое горе.

Что пожаръ пощадилъ,
То въ кабакъ онъ тащилъ,
И не ѣхалъ пахать свое поле.

Вотъ все тотъ-же Демьянъ
Каждый день ужъ сталъ пьянъ,
И не церковь—кабакъ посѣщаетъ.

Въ кабакъ чѣмъ-свѣтъ идетъ,
А оттуда бредетъ,—
Про нужду самъ съ собой разсуждаетъ.

7 Августа
1915 г.

М. Алешинъ.

ВЕЧЕРЪ ПОДЪ ПРАЗДНИКЪ.

Ужъ день осенній догоралъ,
Послѣдній солнца лучъ сіялъ,
Закатъ румянился зарей,
Скрывалось солнце за горой.
И слышенъ былъ вечерній звонъ,
Звалъ въ церковь людъ крещеный онъ.
И разстилался по полямъ,
Какъ изъ кадила фиміамъ.
Народъ усталый отъ труда,
Спѣшилъ съ молитвою туда,
Гдѣ слышенъ благовѣстъ святой
И крестъ сіяетъ золотой.
Шелъ старъ и младъ туда тропой,
Чтобъ тамъ найти душѣ покой,
И помолиться за людей,
Которыхъ нѣтъ среди семей,
За всѣхъ кровь льющихъ за страну,
И за томящихся въ плѣну,
Кто жизнь на поле положилъ,
Ея за братьевъ не щадилъ.
Чтобъ Богъ ихъ душамъ далъ покой,
Въ своей обители святой.

М. Алешинъ.

* * *

Эта дача близъ деревни
Около рѣки.
Въ будни тамъ поетъ владѣлецъ;
Въ праздникъ—мужики.
А владѣлецъ тотъ Ша—пинъ,
Важный господинъ.
Мужичковъ тотъ важный баринъ
Въ праздникъ напоилъ.
Мужики обуты въ лапти,
Пьяны и хмѣльны,
Находились въ его власти;
Хоть, что имъ прикажи—
Исполнять они готовы.
Музыку имъ дай,—
Распахнутся у нихъ полы
И тогда давай.
„Эй, сыграйте-ка на скрипкѣ",
Баринъ приказалъ.
„Да скажите тамъ Антипкѣ,
Что его я звалъ".
Вотъ ужъ скрипка заиграла
И Антипъ пришелъ.
„Ваша милость приказала"
И плясать пошелъ.
Развязалися веревки
На его ногахъ.
Онъ въ присядку, а отъ водки
Ужъ темно въ глазахъ.

И съ террасы баринъ крикнулъ:
„Молодецъ, Антипъ!“
Натко, выпей вогъ, дружище!
Спляшетъ пусть Филиппъ“.
Вотъ ужъ всѣ переплясались:
Не плясалъ Матвѣй.
Онъ стоялъ, надъ нимъ смѣялись:
„Жалко знать лаптей“.
Съ аппаратомъ баринъ вышелъ,
Мужичковъ онъ снялъ.
А когда,—никто не видѣлъ,
И никто не зналъ.
И въ село черезъ недѣлю
Баринъ прискакалъ;
Мужикамъ, шедшимъ изъ церкви,
Снимки показалъ
„Хорошо мы, баринъ, снялись,
Глянь-ка: это я!“
И всѣ весело смѣялись,
Глядя на себя.

29 Іюня 1915 г.

М. Алешинъ.

* * *

Желтѣютъ, вянутъ листочки,
Тоскливо на землю летятъ,
Отцвѣли и поблекли цвѣточки,
Тучи на небѣ стоятъ.

Въ полѣ вѣтеръ со свистомъ гуляетъ.
Лѣсъ печально, тоскливо шумитъ,
Туча солнце собой закрываетъ.
Лучъ его изъ тумана глядитъ.

Только озимь въ поляхъ зеленѣетъ,
Вылѣзая на свѣтъ изъ земли;
Непривѣтливо солнце ужъ грѣетъ.
На югъ съ крикомъ летятъ журавли.

У крыльца на рябинѣ кудрявой
Кисти красныя ягодъ висятъ;
Да вѣщуньи погоды ненастной,
Всюду вороны кричатъ.

М. Алешинъ.

* * *

Въ глухую осеннюю ночь,
Съ тобою я сижу,
Гоню тоску и горе прочь,
Въ глаза твои гляжу.

Рѣчь твоя несмѣлая
Въ ушахъ моихъ звучитъ,
И ручка загорѣлая
Въ рукѣ моей дрожитъ.

Спрошу я: „не озябла-ли?“
Отвѣтишь: „ничего!
Я согрѣта ласками,
Въ морозъ съ ними тепло!“

М. Алешинъ.

* * *

Лѣсъ шумитъ надъ рѣкой, раздѣвается,
Земля желтой листвой устилается.
Кто готовитъ себѣ постель мягкую,
Постель мягкую, разноцвѣтную?
Вѣтеръ тутъ не уснетъ въ пору зимнюю,
Мятель съ нимъ же ведетъ жизнь разгульную.
Нѣтъ, тутъ снѣгъ будетъ спать ночи зимнія,
Ночи зимнія, ночи длинныя.
Еще тутъ будетъ жить морозъ-дѣдушка,
Это снѣгу съ зимой кумъ-сосѣдушка.

М. Лешинъ.

* * *

Эхъ ты, доля моя безталанная!
Ты грустна и печалью полна,
Гдѣ же радость, давно мною жданная,
Куда жъ улетѣла она?

Жизнь печальная, жизнь одинокая,
Ты пройдешь, точно рѣчка весной,
Будетъ готова могила глубокая,
Въ ней зароютъ землею сырой.

Лѣта молодыя проходятъ съ тоскою,
Не во время морщины легли на лицо,
Измученъ неволей, людскою враждою,
И скована жизнь, какъ стальное кольцо.

Изношу свою силу безъ времени,
И завяну, какъ въ засуху вянетъ цвѣтокъ.
И не сброшу невольнаго бремени,
Не увижу свободы востокъ.

Поскорѣй ты взойди, солнце красное,
И свободой на землю блесни!
Отгони же ты горе мое неотвязное,
Животворнымъ лучемъ мою жизнь освѣти!

Зашуми ты, дубрава зеленая,
Расцвѣтите скорѣе, цвѣты:
Отойди-же ты, жизнь невеселая,
Грусть съ тоской поскорѣй отлети!

Взволнуйся ты, море широкое,
Поднимись изъ своихъ береговъ,
Унеси на свое дно глубокое
Звукъ гремящихъ замковъ и оковъ!

* * *

Не горюй душой унылой,
Не печаль свой взглядъ,
Не смотри на жизнь печально,
Мой усталый братъ!

Посмотри, какъ міръ прекрасенъ!
Сколько въ немъ чудесъ:
Надъ тобою сводъ прозраченъ,
Предъ тобою—лѣсъ.

Посмотри, на сводѣ синемъ
Солнце какъ блеститъ,
И какъ птичка на свободѣ
По лѣсу летитъ.

На лугу какъ вѣтеръ буйный
По травѣ идетъ,
И въ морскомъ пространствѣ зыбкомъ
Какъ волна плыветъ.

Посмотри, въ водѣ прозрачной
Сколько ходитъ рыбъ;
Какъ въ лѣсу, средь травки мягкой,
Выростаетъ грибъ.

Посмотри, какъ горы тучи
На небѣ висятъ;
Какъ весной въ зеленой рощѣ
Соловьи свистятъ.

А послушай, среди ночи
Въ тишинѣ глухой,
Садъ одинъ, смеживши очи
Шевелитъ листвой.

Въ это время позабудешь
Всю тоску, печаль,
И какъ будто бы душою
Въ высь летишь и въ даль.

Тамъ луна, походъ свершая,
По небу плыветъ,
Звѣзды вкругъ ее играя,
Водятъ хороводъ.

Все невѣдомой рукою
Создано для насъ,
Чтобъ мы не жили съ тоскою,
Не мочили глазъ.

Подожди, востокъ займется
Свѣтлою зарей,
Можетъ, солнца лучъ заглянетъ,
Дастъ душѣ покой.

М. Алешинъ.

КЪ РЕБЕНКУ.

Играешь ты, заботъ не зная,
Въ душѣ заботъ нѣтъ и нужды.
Рости цвѣтокъ, въ травѣ играя,
Не видя всей людской вражды.

Взростешь, и цвѣтики завянутъ,
Какъ осень хмурая придетъ.
И грусть съ нуждой къ тебѣ заглянутъ,
Людей вражда тебя найдетъ.

Быть можетъ, будешь ты смѣяться,
Но смѣхъ твой грусти будетъ полнъ.
Съ нуждою будешь ты сражаться
Среди житейскихъ міра волнъ.

Найдешь себѣ къ труду дорогу
И потъ и кровь на ней прольешь.
Быть можетъ, счастье иль невзгоду
Себѣ въ трудахъ своихъ найдешь.

Играй, покамѣстъ не обиженъ
И зла не видишь вкругъ себя,
И стонъ людской тебѣ не слышенъ,
Но въ жизни ждутъ они тебя.

М. Алешинъ.

* * *

Мы живемъ и вѣчно ждемъ
Чего-то въ жизни.
Назадъ бѣжимъ, впередъ идемъ.
И ждать всегда согласны.

Мы дружбы ждемъ,—вражда приходитъ,
Свободы ждемъ,—неволя тамъ.
Побѣды ждемъ,—она уходитъ.
Всего приходится ждать намъ!

Сидимъ у моря, ждемъ погоды,—
А море пуще все шумитъ.
Мы отдыхъ ждемъ,—а тутъ невзгоды,
А тамъ и горе ужъ стоитъ.

Войны не ждали,—а дождались.
А чего ждемъ,—то къ намъ нейдетъ,
А въ чемъ мы вѣчно не нуждались,
Такъ это старость—къ намъ идетъ,

И время молніей летитъ,
Все съ собою забираетъ.
Навстрѣчу смерть ужъ намъ катитъ,
Ее не каждый ожидаетъ.

Смерть такъ тихо подкрадется,
Придетъ костлявой гостьей къ намъ,
Сверкнетъ косой и засмѣется.
Ждать больше нечего ужъ намъ.

М. Алешинъ.

СМЕРТЬ.

По селамъ, по деревнямъ,
По большимъ городамъ,
По роскошнымъ домамъ
И по бѣднымъ избамъ
Всюду ходишь ты, безотрадная.

И въ палату къ царю;
Въ ветхій домъ къ мужику,
На квартиру къ купцу
И въ шалашъ къ рыбаку—
Ко всѣмъ въ гости идешь, неприглядная.

Ты приходишь съ косой,
Гдѣ народъ танцовалъ,
И оркестръ духовой
Въ души радость вливалъ—
Слезы льются тамъ послѣ тебя.

Ты зайдешь къ силачу,
Онъ тебя и не ждалъ.
Жизнь рѣшишь палачу,
Онъ тебѣ-жъ помогалъ,—
А теперь тебѣ отдалъ себя.

Ты по степи идешь
И тамъ видны слѣды;
Какъ по морю пройдешь,
Плачутъ всѣ корабли

И работа тебѣ всюду есть.

Для тебя все равно:
Хоть бѣднякъ иль богачъ.
Подаянье твое всѣмъ одно:
Только горе да плачъ—

Невеселая хмурая смерть!

ПРИМѢРНЫЙ КАТАЛОГЪ
для библіотекъ въ лазаретахъ.

Составленъ по „Списку книгъ, кои могутъ быть допущены для чтенія больныхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ, находящихся въ разнаго рода лечебныхъ заведеніяхъ“.

I-ая группа.

		Цѣна:	
Андерсенъ.	Избранныя сказки	1 р.	— к.
Гаршинъ.	Сигналъ	— „	8 „
Былины.	Богатыри кіевскіе	— „	30 „
	Илья Муромецъ	— „	7 „
	Добрыня Никитичъ	— „	5 „
	О Вольгѣ и Микулѣ	— „	5 „
	Василій Буслаевичъ	— „	7 „
	Соловей Будиміровичъ	— „	7 „
Гусевъ-Оренбургскій.	Злой духъ	— „	4 „
Дмитріева.	Ее всѣ знаютъ	— „	4 „
Маминъ-Сибирякъ.	Зимовье на Студеной	— „	8 „
„	Кормилецъ	— „	7 „
Немиров.-Данченко.	Махмудкины дѣти	— „	8 „
Оржешко.	Юліанка	— „	12 „
„	Романиха	— „	12 „
Пушкинъ.	Сказки	— „	10 „
Станюковичъ.	Куцый	— „	10 „
Л. Н. Толстой.	Разсказы и сказки	— „	75 „
„	Два старика	— „	5 „
„	Гдѣ любовь, тамъ и Богъ	— „	5 „

II-ая группа.

Анненская.	Фритіофъ Нансенъ	1 „	10 „
Бичеръ-Стоу.	Хижина дяди Тома	2 „	20 „
Ж.-Вернъ.	80 тыс. верстъ подъ водой	1 „	50 „
„	Вокругъ свѣта въ 80 дней	2 „	— „
„	Дѣти капитана Гранта	2 „	25 „

		Цѣна:	
М. Горькій.	Супруги Орловы	— р.	12 к.
Гоголь.	Сорочинская ярмарка	— „	4 „
„	Ссора Ив. Ив. и Ив. Никиф.	— „	10 „
„	Женитьба	— „	12 „
„	Ночь подъ Рождество	— „	14 „
„	Старосвѣтскіе помѣщики	— „	9 „
„	Майская ночь	— „	6 „
Григоровичъ.	Деревня	— „	50 „
„	Антонъ-Горемыка	— „	60 „
Дмитріева.	Баба Иванъ и ея крестн.	— „	25 „
Додэ.	Тартаренъ изъ Тараскона	— „	25 „
Дефо.	Робинзонъ Крузо	1 „	50 „
Диккенсъ.	Давидъ Коперфильдъ	— „	40 „
„	Скряга Скрудисъ	— „	15 „
„	Оливеръ Твистъ	1 „	10 „
Ершовъ.	Конекъ-Горбунокъ	— „	— „
Короленко.	Дѣти подземелья	— „	16 „
„	Рѣка играетъ	— „	12 „
Киплингъ.	Смѣлые мореплаватели	— „	80 „
Лермонтовъ.	Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ	— „	3 „
Лоти.	Рыбаки	— „	12 „
Маминъ-Сибирякъ.	Вольный человѣкъ Яшка	— „	5 „
„	Васька-Забалуй	— „	3 „
„	Лётные	— „	25 „
„	Ужасный случай	— „	10 „
„	На рѣкѣ Чусовой	— „	20 „
„	Малиновыя горы	— „	— „
„	Кара-Ханымъ	— „	— „
„	Дорогой камень	— „	— „
„	Савка	— „	— „
„	Сумасшедшій звонарь	— „	— „
„	Сѣрая шейка	— „	— „
Немиров.-Данченко.	Забытый рудникъ	— „	15 „
Никитинъ.	Дневникъ семинариста	— „	5 „
„	Избранныя сочиненія	— „	90 „
Оржешко.	Ходатай по крестьянскимъ дѣламъ	— „	14 „
„	Хамъ	— „	— „
Пушкинъ.	Сочиненія:		
	Капитанская дочь	— „	— „
„	Дубровскій	— „	— „
„	Гробовщикъ	— „	— „
„	Станціонный смотритель	— „	— „
„	Полтава	— „	— „
„	Повѣсти Бѣлкина	— „	— „
„	Скупой рыцарь	— „	— „
Сенкевичъ.	Камо грядеши	— „	85 „

		Цѣна:	
Сенкевичъ.	Бартекъ-побѣдитель	— р.	— к.
Серафимовичъ.	Подъ праздникъ	— „	4 „
Станюковичъ.	Въ нянькахъ	— „	6 „
„	Какъ Бога вспоминали	— „	10 „
Слѣпцова.	Оспа и д-ръ Дженнеръ	— „	12 „
„	Женитьба Михайлы	— „	12 „
„	Счастливый день	— „	12 „
„	Остановка	— „	10 „
„	У остяковъ	— „	12 „
А. Толстой.	Князь Серебряный	1 „	50 „
Л. Н. Толстой.	Разсказы:		
„	Чѣмъ люди живы	— „	— „
„	Упустишь огонь, не потушишь	— „	— „
„	Свѣчка	— „	— „
„	Два старика	— „	— „
„	Гдѣ любовь, тамъ и Богъ	— „	— „
„	Вражье лѣпко, а Божье крѣпко	— „	— „
„	Дѣвчонки умнѣе стариковъ	— „	— „
„	Два брата и золото	— „	— „
„	Сказка объ Иванѣ-дуракѣ	— „	— „
„	Какъ чертенокъ краюшку выкупалъ	— „	— „
„	Зерно съ куриное яйцо	— „	— „
„	Крестникъ	— „	— „
„	Три старца и др. разск.	— „	— „
„	Утро помѣщика	— „	— „
„	Метель	— „	— „
„	Записки маркера	— „	— „
„	Два гусара	— „	— „
„	Семейное счастье	— „	— „
„	Холстомѣры и др. разск.	— „	— „
„	Набѣгъ	— „	— „
„	Казаки	— „	— „
„	Севастополь	— „	— „
„	Рубка лѣса	— „	— „
„	Встрѣча въ отрядѣ	— „	— „
„	Три смерти	— „	— „
„	Поликушка	— „	— „
„	Смерть Ивана Ильича и др. разск.	— „	— „
„	Власть тьмы	— „	— „
„	Плоды просвѣщенія	— „	— „
„	Кавказскій плѣнникъ и др. разск.	— „	— „
Тургеневъ.	Записки охотн. 1 т.	1 „	70 „
„	Повѣсти и разсказы 3 т.	— „	— „
М. Твэнъ.	Принцъ и Нищій	— „	50 „
Успенскій.	Пришло на память	— „	10 „
Фурманъ.	Саардамскій плотникъ	— „	25 „

		Цѣна:
Фурманъ.	Ломоносовъ	— р. 20 к.
Фонъ-Визинъ.	Недоросль. Бригадиръ	— „ 20 „

III-ья группа.

Авенаріусъ.	Три вѣнца	— „ — „
„	На Москву	— „ — „
Берлинъ.	Великая семья человѣчества	— „ 40 „
Гоголь.	Собраніе сочиненій	1 „ 75 „
„	Тарасъ Бульба	— „ 15 „
„	Ревизоръ	— „ 20 „
Гончаровъ.	Обломовъ	1 „ 50 „
„	Обрывъ	— „ — „
Достоевскій.	Униженные и оскорбленные	1 „ 75 „
„	Преступленіе и наказаніе	2 „ 50 „
„	Записки мертваго дома	1 „ 75 „
Диккенсъ.	Лавка древностей	2 „ — „
Короленко.	Судный день	— „ 15 „
„	Государевы ямщики	— „ 7 „
„	Слѣпой музыкантъ	— „ 75 „
Кольцовъ.	Стихи	— „ — „
Лермонтовъ	Сочиненія 1 т.	— „ — „
Мельниковъ.	Въ лѣсахъ	— „ — „
„	На горахъ	— „ — „
Островскій.	Сочиненія	— „ — „
А. К. Толстой.	Сочиненія 2 т.	по 3 „ — „
Л. Н. Толстой.	Война и міръ 4 т.	„ — „
„	Анна Каренина 2 т.	— „ — „
„	О народномъ образов.	— „ — „
„	Крейцерова соната	— „ — „
„	Власть тьмы	— „ — „
„	Первыя воспоминанія	— „ — „
„	Дѣтство, отрочество и юность	— „ — „
А. Чеховъ	Разсказы и пьесы 1 т.	1 „ 50 „
„	Разсказы 3 тома	по 1 „ 50 „

Дозволено Военной цензурой. Петроградъ 29 Декабря 1916 года за № 10070.

Тип. М. А. Подружинскаго. Казанская, 14. Тлф. 551-31.

Цѣна 1 р. 20 к.

Екатерининская типографія. Петроградъ, Звенигородская ул., с. д. № 30.

